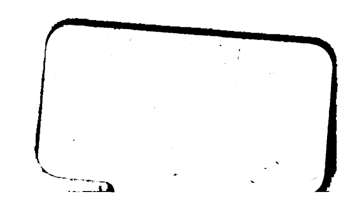

Проф. А. М. Гуляевъ.

ВОПРОСЫ ЧАСТНАГО ПРАВА ВЪ ПРОЕКТАХЪ ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЙ О КРЕСТЬЯНАХЪ.

КІЕВЪ.
1904.

Дозволено Цензурою. Г. Кіевъ, 3 Августа 1904 г.

Оттискъ изъ №№ 157, 160, 164, 166, 169, 171, 173, 175, 177, 179, 184, 187, 189, 191, 193, 195, 199 и 201 „Кіевлянина“ за 1904.

Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰, въ Кіевѣ.

„Сословная обособленность крестьянъ“. - Надѣлъ.— Порядокъ пріобрѣтенія и отчужденія надѣла.— Уставы о договорахъ и о наслѣдованіи.—Судоустройство и судопроизводство въ крестьянскихъ судебныхъ мѣстахъ.—Выводы.

Крѣпостное право на крестьянъ отмѣнено навсегда.

Ст. I Общ. Пол. 19 февр. 1861 г.

—

Lex est commune praeceptum, virorum prudentium consultum.

Papinianus.

Чтобы оцѣнить колоссальное значеніе освободительнаго акта 19 февраля 1861 г., слѣдуетъ обратиться къ основной редакціи Положеній: въ первоначальной редакціи, въ особенности Общаго Положенія, ярко выражено то, что отмѣнено и что вновь создано; отношеніе законодателя къ отошедшему въ область исторіи институту обнаруживается здѣсь осязательно; здѣсь намѣчается опредѣленными чертами направленіе будущаго уклада крестьянской жизни.

Послѣдняя редакція Положеній о сельскомъ состояніи (изд. 1902 г.) восприняла въ себя послѣдующія наслоенія законодательнаго творчества и въ то-же время утратила черты, характеризующія отношеніе первоначаль-

наго текста закона къ упраздненному крѣпостному праву: она не открываетъ предъ крестьянствомъ широкихъ горизонтовъ, не сулитъ крестьянству пріобщенія къ юридической жизни полноправнаго населенія Имперіи; она указываетъ лишь на то, что есть, что сложилось на почвѣ наслоеній, выросшихъ на первоначальномъ текстѣ закона.

Учрежденная при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ редакціонная комиссія по пересмотру законоположеній о крестьянахъ закончила свои труды. Въ очеркѣ работъ этой комиссіи (т. I стр. 1—99) настойчиво выдвигается связь новыхъ законопроектовъ съ основными началами Положеній 19 февраля 1861 г., такъ какъ признано было необходимымъ „задачею предстоящей законодательной работы поставить измѣненіе, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства, лишь тѣхъ изъ существую-

щихъ узаконеній о крестьянахъ, недостатки коихъ выяснены опытомъ, съ тѣмъ, чтобы пересмотръ этихъ узаконеній совершался на почвѣ основныхъ началъ 19 февраля 1861 г. и представлялъ собою дальнѣйшее ихъ развитіе". Такимъ образомъ, чтобы выяснить значеніе работъ редакціонной комиссіи, нужно обратиться къ первоначальному тексту Положеній: сравненіе почерпаемыхъ изъ этого текста основныхъ началъ съ выработанными нынѣ законопроектами покажетъ, въ какой мѣрѣ выполнена возложенная на редакціонную комиссію задача. Мы ограничимъ это сопоставленіе областью вопросовъ частнаго права, пользуясь для сего, главнымъ образомъ, проектами „Сельскихъ уставовъ о договорахъ и наслѣдованіи" и „Положенія о надѣльныхъ земляхъ", а также проектомъ „Положенія о волостномъ судѣ".

Сущность реформы 19 февраля 1861 года изображена въ изданномъ тогда же манифестѣ (II-е П. С. З. 36650),

гдѣ въ общихъ чертахъ намѣчается конечная цѣль и порядокъ приведенія въ дѣйствіе Положеній. Въ сравненіи съ мѣрами предшествующихъ царствованій Манифестъ характеризуетъ содержаніе Положеній, какъ совокупность мѣръ принудительныхъ для всѣхъ помѣщиковъ и рѣшительныхъ для всѣхъ мѣстностей [1]). Мѣры эти не могли быть приведены въ дѣйствіе сразу, но Манифестъ открываетъ для крестьянъ перспективу свободы: „Въ силу означенныхъ новыхъ положеній крѣпост-

[1]) „... и приснопамятные Предшественники Наши принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положеніе крестьянъ; но это были мѣры, частію нерѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолюбивому дѣйствованію помѣщиковъ, частію рѣшительныя только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особенныхъ обстоятельствъ, или въ видѣ опыта. Такъ, Императоръ Александръ I издалъ постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и въ Бозѣ почившій Родитель Нашъ Николай I постановленіе объ обязанныхъ крестьянахъ. Въ губерніяхъ западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленіе крестьянъ землею и ихъ повинности“...

ные люди получатъ *въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей*". Достиженіе этой свободы поставлено въ Манифестѣ въ зависимость отъ пріобрѣтенія крестьянами въ собственность предоставленной имъ земли: „Съ пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли крестьяне освободятся отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ".

Непосредственнымъ слѣдствіемъ изданія Общаго Положенія оказалось возникновеніе личной свободы крестьянъ отъ помѣщиковъ [2]), или, говоря языкомъ юридическимъ, превращеніе бывшихъ объектовъ въ субъекты права. Пріобрѣтена, однако, крестьянами не одна личная свобода, но и возможность

---

[2]) Ст. 1 общ. пол. „Крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и на дворовыхъ людей отмѣнено на всегда"...

имущественной независимости отъ помѣщиковъ [3]). Однимъ законодательнымъ актомъ у насъ осуществлено было то, что не достигнуто было западно-европейскими революціями.

Свобода личная и сопутствующая ей свобода имущественная—вотъ оба основныя начала Положенія 19 февраля 1861 года. Но редакціонная коммиссія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ полагаетъ, что „главными, одухотворяющими весь этотъ законодательный актъ началами, внѣ всякаго сомнѣнія, должны быть признаны: 1) обособленность крестьянскаго сословія и установленный въ соотвѣтствіи съ этимъ особливый порядокъ управленія крестьянами; 2) неотчуждаемость крестьянскихъ надѣльныхъ земель и 3) неприкосновенность основныхъ формъ крестьянскаго

---

[3]) Ст. 2 „На основаніи сего положенія и общихъ законовъ, крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, предоставлены права свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя, такъ и по имуществу“.

землепользованія отъ всякаго ихъ насильственнаго, велѣніемъ закона, измѣненія". Какъ ни категорична эта формулировка основныхъ началъ Положеній 19 февраля, согласиться съ нею не представляется возможнымъ, потому что она вовсе не вытекаетъ изъ того матеріала, на основаніи котораго сдѣланы комиссіей обобщенія: мѣры временнаго характера изъ Положеній 19 февраля приняты комиссіей за основныя начала освободительнаго акта, а новеллы, изданныя послѣ 19 февраля 1861 г., разсматриваются комиссіей, какъ дальнѣйшее развитіе Положеній. Только предвзятою точкой зрѣнія можно объяснить утвержденіе комиссіи, будто бы законъ 14 декабря 1893 г. о неотчуждаемости крестьянскаго надѣла „по основному своему духу и преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ долженъ быть отнесенъ къ такимъ, которые представляются естественнымъ дальнѣйшимъ развитіемъ положенныхъ въ основу освободительной

реформы началъ". „Такимъ образомъ, заключаетъ комиссія, всѣ перечисленныя три основныя начала надлежитъ отнести къ разряду тѣхъ, которыя должны быть ею нерушимо сохранены во всѣхъ ея законодательныхъ предположеніяхъ". Хотя указанныя комиссіей три основныя начала признаны за таковыя *„внѣ всякаго сомнѣнія"*, но въ дальнѣйшемъ „комиссія признала, однако, необходимымъ, въ видахъ ближайшаго опредѣленія коренного направленія всѣхъ ея послѣдующихъ работъ и болѣе точнаго указанія того русла, которымъ должны слѣдовать всѣ ея сужденія, выяснить и съ своей стороны причины, по коимъ и нынѣ, по прошествіи болѣе сорока лѣтъ со времени великой реформы 19 февраля 1861 г., начала эти подлежатъ обязательному дальнѣйшему охраненію и даже развитію". Казалось-бы, напрасный трудъ доказывать неподлежащія сомнѣнію аксіомы. Но въ томъ-то и дѣло, что не объ аксіомахъ идетъ здѣсь рѣчь, а

только о теоремахъ, способъ доказательства которыхъ менѣе всего можетъ почитаться удачнымъ.

Въ качествѣ перваго изъ основныхъ началъ Положеній 19 февраля 1861 г. комиссія указываетъ на сословную обособленность крестьянъ и установленый въ соотвѣтствіи съ этимъ особливый порядокъ управленія крестьянами. Въ этой формулѣ содержится и указаніе на принципъ и на послѣдствіе примѣненія сего принципа. Остановимся только на принципѣ, т. е. на сословной обособленности крестьянъ. Можно-ли говорить объ обособленности крестьянъ *сословной*? Законъ не знаетъ сословія (состоянія) крестьянъ, а говоритъ лишь о сельскихъ обывателяхъ[4]), а это понятіе много уже, чѣмъ

[4]) Ст. 2 т. IX св. з. „Въ составѣ городского и сельскаго населенія, по различію правъ состоянія, различаются четыре главные рода людей: 1) дворянство; 2) духовенство; 3) городскіе обыватели; 4) *сельскіе обыватели*“.

понятіе крестьянства. [5]) Кого же имѣетъ въ виду проектъ—однихъ только крестьянъ или вообще сельскихъ обывателей? Изъ аргументаціи составителей проекта усматривается, что хотя рѣчь ведется о крестьянахъ, но въ виду имѣются не крестьяне а сельскіе обыватели вообще, потому что вѣдь не однимъ крестьянамъ свойственно занятіе земледѣльческимъ промысломъ, но и поселянамъ разныхъ наименованій, потому что не къ однимъ вѣдь крестья-

[5]) Ст. 671 т. IX св. з. „Къ состоянію сельскихъ обывателей принадлежатъ: 1) крестьяне и поселяне разныхъ наименованій, въ томъ числѣ: однодворцы, малороссійскіе казаки, войсковые обыватели, резежи Бессарабской губерніи, не принадлежащіе къ высшимъ сословіямъ, и татары Таврической губерніи; 2) бывшіе заводскіе, горнозаводскіе и фабричные люди, оружейники, мастеровые, непремѣнные работники, колонисты, половники, башкиры, бывшіе вольные люди западныхъ губерній, хизане Тифлисской и Кутаисской губерній, ахашала въ Абхазіи и Самурзакани, ахуйю, амацюраесу и анхае въ Абхазіи и равнозначащіе тремъ послѣднимъ дельмахоре, мойкале и піоши въ Самурзакани“.

намъ, но и вообще къ сельскимъ обывателямъ примѣнима краснорѣчивая характеристика объяснительной записки: „постоянная близость къ землѣ, въ связи съ особенностями сельско-хозяйственнаго труда и быта, наложили неизгладимый отпечатокъ на самую личность русскаго крестьянина, отразились на всемъ его нравственномъ и правовомъ міросозерцаніи и создали весь внутренній складъ крестьянскихъ общественныхъ союзовъ. Воспитанные въ неустанномъ упорномъ трудѣ, привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка, крестьяне, болѣе чѣмъ представители какой либо другой части населенія, всегда стояли и стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и, такимъ образомъ, силою вещей являются оплотомъ

исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій“. Очевидно, не одни лишь крестьяне, но и сельскіе обыватели вообще, мелкіе землевладѣльцы, подъ какимъ бы наименованіемъ ни были они извѣстны, соотвѣтствуютъ этой характеристикѣ; и нѣтъ основанія утверждать, что спеціально одни лишь „крестьяне“ являются консервативнымъ элементомъ населенія. Не убѣждаютъ въ этомъ и дальнѣйшія соображенія редакціонной комиссіи, которая въ „правѣ государства на выдѣленіе крестьянъ въ обособленную группу, подчиненную ближайшему надзору особыхъ правительственныхъ органовъ“, видитъ „логическое послѣдствіе понесенныхъ государствомъ весьма серьезныхъ жертвъ для обезпеченія крестьянскаго быта“. Извѣстно однако, что серьезныя жертвы понесены государствомъ не только въ интересахъ крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія; такъ, по Положенію о поземель-

номъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ Западныхъ и Бѣлорусскихъ 9 іюня 1886 г. опредѣляется, что правительство оказываетъ содѣйствіе выкупу чиншевыхъ участковъ безотносительно къ *сословію* вѣчныхъ чиншевиковъ (п. 1, 12); содѣйствіе къ выкупу отъ владѣльцевъ участковъ земли оказано правительствомъ и „бывшимъ вольнымъ людямъ" въ губерніяхъ Виленской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской и Подольской (ст. 4 правилъ 3 іюня 1882 г.); такое же содѣйствіе оказано единовѣрцамъ и старообрядцамъ, водвореннымъ на владѣльческихъ земляхъ въ губерніяхъ сѣверозападныхъ и Бѣлорусскихъ (ст. 4 правилъ 22 мая 1876 г.); половники Вологодской губерніи пользовались льготами при переселеніи и ссудами отъ правительства для пріобрѣтенія земель (п. 10 правилъ 27 апрѣля 1877 г.). Однимъ словомъ, всѣ виды мелкаго зависимаго владѣнія постепенно съ содѣйствіемъ прави-

тельства превращаются во владѣніе независимое, и правительство пришло на помощь образованію мелкаго независимаго владѣнія не среди однихъ только крестьянъ, но вообще среди сельскихъ обывателей. Обособленность этой обширной группы населенія основывается не на сословномъ началѣ, а на принципѣ хозяйственномъ. Городскіе жители и сельскіе обыватели имѣютъ различные интересы, обусловливаемые не принадлежностью тѣхъ и другихъ къ тому или иному сословію, а лишь своеобразнымъ укладомъ жизни каждой изъ этихъ группъ населенія. Сословной обособленности крестьяне не имѣли въ силу положенія 19 февраля 1861 г., потому что законъ этотъ создалъ свободныхъ гражданъ, надѣливъ ихъ личною свободою и свободой имущественной, и имѣлъ въ виду не обособить крестьянъ, но пріобщить ихъ къ тѣмъ благамъ, какими уже пользовались свободные граждане и какія

предполагались на будущее время, какъ результатъ реформы 1861 г.

Положенiе 19 февраля 1861 г., по словамъ историка освобожденiя крестьянъ Н. П. Семенова, котораго едва ли можно заподозрить въ субверсивныхъ идеяхъ, лежитъ въ основанiи всѣхъ послѣдующихъ преобразованiй по разнымъ частямъ государственнаго управленiя: реформы судебная, земская, городская, всеобщая воинская повинность—являются преобразованiями всесословными, а не такими, которыя разсчитаны были бы на какую либо одну группу населенiя; всѣ эти реформы Императора Александра II являются логическимъ послѣдствiемъ того положенiя, что предъ закономъ всѣ должны быть равны, независимо отъ своего происхожденiя, что достиженiе общихъ государственныхъ цѣлей осуществимо путемъ примѣненiя ко всему населенiю одного закона. Могъ-ли законодатель, даровавшiй свободу миллiонамъ населенiя, дотолѣ безправнаго, ограничивать эту сво-

добу, создавая для освобождаемаго населенія одинъ лишь призракъ свободы, а въ сущности ставя бывшихъ крѣпостныхъ въ зависимыя отношенія не къ помѣщику, а къ государству? Если бы только въ перемѣнѣ владѣльца заключалась сущность реформы, то помѣщичьи крестьяне должны были бы быть обращены въ крестьянъ государственныхъ; но вѣдь и къ крестьянамъ государственнымъ примѣнены были позже Положенія 19 февраля: значитъ, цѣль законодателя заключалась не въ эмансипаціи крестьянъ отъ власти помѣщика только, но въ созданіи огромнаго контингента свободныхъ личностей, независимыхъ отъ бывшаго владѣльца, кто бы таковымъ ни былъ. Условія, при которыхъ произведено было освобожденіе крестьянъ, не были разсчитаны на появленіе на пространствѣ Имперіи двадцати милліоновъ свободныхъ личностей; да и эти новые свободные люди, по своему прежнему образу жизни, по своимъ понятіямъ, по своей темнотѣ и

малокультурности не смогли бы сразу пріобщиться къ тѣмъ отошедшимъ уже въ область исторіи благамъ законодательства, которыя проникнуты были сословнымъ дворянскимъ характеромъ. Возникала альтернатива: или оставить безправное до того времени крестьянство въ прежнемъ состояніи безправія, съ замѣной одного владѣльца другимъ, или постепенно ввести освобожденное крестьянство въ рязрядъ свободныхъ обывателей. Правительство приняло послѣднее рѣшеніе, создавъ переходное состояніе крестьянъ отъ прежняго рабства къ новой свободѣ: крестьяне стали временно-обязанными въ отношеніи къ бывшему помѣщику и получили сословный волостной судъ. „Крестьянскій волостной судъ, говоритъ Н. П. Семеновъ, созданъ въ свое время положеніемъ о крестьянахъ при постепенномъ переходѣ отъ стараго порядка вещей къ новому, когда болѣе двадцати милліоновъ однихъ помѣщичьихъ крестьянъ готовились вступить въ новую,

полноправную жизнь, когда имъ сдѣлался необходимъ гражданскій судъ отъ правительства, для разбора имѣющихъ возникать между ними тяжбъ и споровъ, въ разрѣшеніи которыхъ они прежде обходились однимъ домашнимъ судомъ, разбирались по обычаю, часто извѣстному только въ одной деревнѣ, который, при старыхъ отношеніяхъ, былъ для нихъ удовлетворительнымъ. Учредить для нихъ судъ немедленно, на юридическихъ началахъ, не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что правительство уже сознавало тогда необходимость общаго преобразованія всей судебной части. Оно его и совершило на новыхъ основаніяхъ, не принимая въ соображеніе никакихъ сословныхъ дѣленій. Послѣ этого какой же смыслъ и значеніе можетъ имѣть сословный, сельскій судъ—учрежденіе, созданное временно, по необходимости и напоминающее первобытное состояніе общества, учрежденіе не руководствующееся закономъ, по невѣдѣнію и без-

грамотности судей?“ (Семеновъ т. I, стр, 5). Такъ говоритъ историкъ и одинъ изъ дѣятелей великаго преобразованія. Не такъ разсуждаетъ редакціонная комиссія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Для этой комиссіи волостной судъ представляетъ собою учрежденіе, дальнѣйшее существованіе котораго не подлежитъ сомнѣнію, и притомъ не въ качествѣ перваго звена въ строѣ судебныхъ органовъ Имперіи, а лишь въ качествѣ первой инстанціи специфически - крестьянскаго судоустройства. То, что для редакторовъ положенія 19 февраля 1861 г. представлялось временной уступкой неудовлетворительнымъ условіямъ дѣйствительности, въ глазахъ новыхъ редакторовъ оказывается учрежденіемъ, подлежащимъ дальнѣйшему культивированію и при томъ въ направленіи безконечно уклоняющемся отъ первоначальной цѣли. Объединеніе крестьянства съ остальными сословными группами и для новыхъ редакторовъ оказывается цѣлью,

которая рано или поздно должна быть достигнута. По крайней мѣрѣ, по мнѣнію комиссіи, *„до полнаго внутренняго объединенія крестьянства* со всѣми остальными сословными группами Имперіи, необходимо сохранить особые пріемы въ порядкѣ его общественнаго управленія, суда и правительственнаго надзора“. Когда-же наступитъ это полное объединеніе? Если на пути къ этому объединенію создавать искусственныя препятствія въ видѣ обособленной юрисдикціи волостного суда, рѣшающаго дѣла не на основаніи общаго уголовнаго и общаго гражданскаго закона, а руководствующагося нарочито созданными для него кодексами крестьянскаго уголовнаго и крестьянскаго частнаго (гражданскаго) права, то очевидно въ цѣли новыхъ редакторовъ сознательно не входитъ объединеніе крестьянства съ прочими сословными группами населенія; напротивъ, поддерживается и развивается разъединеніе, которое наблюдается и

нынѣ, ибо то, что считается хорошимъ для дворянства или городского обывателя, оказывается непримѣнимымъ къ крестьянству. Напрасно утверждаютъ, будто-бы крестьяне живутъ подъ руководствомъ своего обычая, внѣ сферы примѣненія писаннаго закона. Наше судебное вѣдомство хорошо знакомо съ стремленіемъ крестьянъ подчинить свои споры дѣйствію общаго гражданскаго закона, къ примѣненію котораго судьями-юристами крестьяне питаютъ большее довѣріе, чѣмъ къ усмотрѣнію невѣжественныхъ волостныхъ судей, являющихся яко-бы выразителями мѣстныхъ обычаевъ. Отдѣльное крестьянское частное и уголовное право, отдѣльный крестьянскій судъ представляютъ собою, безъ всякаго сомнѣнія, искусственную преграду на пути къ объединенію населенія. Тѣмъ болѣе странно читать въ объяснительной запискѣ новыхъ редакторовъ слѣдующую тираду: „такой образъ дѣйствій отнюдь не заключаетъ въ себѣ стремленія ис-

кусственно задерживать въ средѣ крестьянскаго сословія всѣхъ отдѣльныхъ, составляющихъ его, личностей. Наоборотъ, законъ долженъ предоставить всѣмъ индивидуально сильнымъ умственно переросшимъ крестьянскій міръ отдѣльнымъ крестьянамъ найти примѣненіе своимъ способностямъ, расправить свои крылья, но съ тѣмъ, чтобы ихъ ростъ происходилъ не за счетъ всего крестьянства, а шелъ самостоятельнымъ путемъ". Итакъ выходъ изъ крестьянства, состоянія, очевидно, низшаго, возможенъ только для тѣхъ, кто хочетъ летать; а кто ходитъ или пресмыкается, тотъ и долженъ оставаться въ своемъ нынѣшнемъ состояніи. Почему? Почему дѣйствіе общаго закона не можетъ быть распространено на крестьянъ? Почему крестьяне, т. е. большая часть населенія Имперіи, не могутъ быть пріобщены къ пользованію Судебными уставами Императора Александра II, гражданскими законами I ч. X т. св. з. или будущимъ гражданскимъ

уложеніемъ, новымъ уголовнымъ уложеніемъ?

Для большинства населенія хотятъ создать законы, которые образуютъ непереходимую пропасть между двумя неравными частями свободныхъ лицъ. Въ единствѣ сила! Чѣмъ сплоченнѣе населеніе въ своихъ разнородныхъ частяхъ, тѣмъ большею силою обладаетъ государственный организмъ. Это истина, сознанная въ Западной Европѣ; но мы почему-то хотимъ эту истину игнорировать. У насъ выработанъ проектъ гражданскаго уложенія—но не для всей Имперіи, а лишь въ замѣнъ дѣйствующаго нынѣ свода законовъ гражданскихъ (ч. I т. X), т. е. съ сохраненіемъ на будущее время мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ на западныхъ нашихъ окраинахъ; выработанные теперь проекты крестьянскихъ законовъ создаютъ еще большую дробность, потому что для расправившихъ свои крылья будутъ дѣйствовать одни законы, а для тѣхъ, чьи крылья не рас-

правлены, будетъ дѣйствовать другой законъ.

Такой разладъ, искусственно создаваемый, противорѣчитъ государственнымъ интересамъ; онъ противорѣчитъ завѣтамъ Положеній 19 февраля 1861 г.; онъ не находитъ себѣ оправданій въ самомъ содержаніи проектовъ комиссіи, въ особенности если сопоставить эти проекты съ дѣйствующими матеріальными и процессуальными гражданскими законами и съ выработанными по этимъ частямъ законодательства проектами.

Путемъ такого сопоставленія мы намѣрены доказать, что общій матеріальный и процессуальный законъ можетъ, а слѣдовательно и долженъ найти свое примѣненіе и къ крестьянамъ, или, правильнѣе сказать, къ сельскимъ обывателямъ; что особенности сельскаго быта могутъ найти свою оцѣнку и въ общемъ гражданскомъ законѣ; что особенности эти—характера хозяйственнаго, а не сословнаго; что за тѣми изъ-

ятіями, которыя обусловливаются владѣніемъ надѣльными землями—если необходимо ужъ для этого типа владѣнія создавать особыя нормы—примѣненіе къ крестьянамъ нормъ общаго гражданскаго права не можетъ встрѣтить препятствій, что продолжающаяся въ теченіе болѣе сорока лѣтъ опека надъ крестьянами должна уже уступить мѣсто гражданской самостоятельности, соотвѣтственно предначертаніямъ великаго освободительнаго акта 19 февраля 1861 г.

Не однимъ крестьянамъ, но вообще мелкимъ землевладѣльцамъ свойственъ образъ жизни, отличный отъ образа жизни городскихъ обывателей. Принципъ различія—въ экономическихъ условіяхъ дѣятельности тѣхъ и другихъ: центральное положеніе въ интересахъ сельскихъ обывателей занимаетъ земля, тотъ участокъ, доходами съ котораго обыватель живетъ и раститъ свою семью; у городского обывателя другіе рессурсы, другіе и инте-

ресы, съ землевладѣніемъ не связанные.

Мелкое землевладѣніе создаетъ для законодателя серьезную задачу, уже прежде всего потому, что отъ плодовъ земли кормится большинство населенія. Но населеніе возрастаетъ, а пространство земли, прокармливающей населеніе, не измѣняется. Очевидно, что на каждаго представителя второго поколѣнія будетъ приходиться земли меньше, чѣмъ сколько было ея у каждаго представителя перваго поколѣнія. Если первоначальные земельные участки дѣлить между членами разростающейся семьи, то такое дробленіе участковъ не будетъ имѣть границъ, и измельченное землевладѣніе не въ состояніи будетъ осуществлять свое назначеніе. Выселеніе лишнихъ членовъ семьи не разрѣшаетъ, а только отодвигаетъ разрѣшеніе задачи, потому что и на новыхъ мѣстахъ, рано или поздно возникнетъ тотъ-же вопросъ. Задача до извѣстной степени разрѣшается признаніемъ земельнаго участка опре-

дѣленнаго размѣра за имущество, не подлежащее дробленію, причемъ, какъ бы ни разросталась семья первоначальнаго владѣльца, земельный участокъ остается, по крайней мѣрѣ по идеѣ своей, имуществомъ недѣлимымъ. Въ исторіи нашего законодательства эта проблема возникла еще при Петрѣ Великомъ, который и издалъ знаменитый законъ о единонаслѣдіи; правда, законъ этотъ вскорѣ былъ отмѣненъ. Основная идея этого закона заключалась въ томъ, что земля при переходѣ по наслѣдству не подлежитъ дробленію, оставаясь всегда въ распоряженіи одного изъ многихъ наслѣдниковъ, а всѣ остальные могутъ разсчитывать только на денежный сплатъ. Болѣе острый характеръ пріобрѣлъ вопросъ о нераздробляемости земли въ примѣненіи къ мелкому землевладѣнію, возникшему у насъ въ широкихъ размѣрахъ во второй половинѣ XIX столѣтія, благодаря освобожденію крестьянъ и послѣдующимъ преобразова-

ніямъ, касающимся зависимыхъ формъ землевладѣнія. Тамъ, гдѣ, какъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, существуетъ подворное владѣніе надѣльной землей, законъ опредѣляетъ, что при раздѣлѣ участковъ между наслѣдниками ни одна изъ выдѣляемыхъ частей не должна заключать въ себѣ менѣе пѣшаго надѣла наименьшаго размѣра, въ томъ селеніи существующаго (ст. 102 п. 2 кн. IV Особ. Прил. IX т.), а относительно сѣверо-западныхъ губерній постановлено, что надѣлы не могутъ быть раздѣляемы на части менѣе 10 десятинъ (ст. 151 ibid.). Недѣлимый участокъ, благодаря естественному увеличенію населенія, становится имуществомъ, принадлежащимъ многимъ лицамъ, и здѣсь возникаетъ вопросъ, что это за право, объектомъ котораго является надѣлъ? Основной законъ называетъ это право—правомъ собственности, а крестьянъ, завершившихъ выкупъ, крестьянами-собственниками (Общ. Пол. ст. 15 и др.; Пол. Вык.

ст. 1, 3 и др.). Понятіе права собственности опредѣляется общимъ гражданскимъ закономъ (ст. 420 ч. 1 т. X), какъ власть исключительная и независимая отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться вѣчно и потомственно; если право собственности на одно и то-же имущество принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ, то возникаетъ представленіе о правѣ общей собственности (ст. 543 ч. 1 т. X.), а объектомъ этого права можетъ быть или имущество недѣлимое, или же имущество, подлежащее раздѣлу (ст. 544). Разъ крестьянскій подворный участокъ объявленъ имуществомъ недѣлимымъ, а въ то-же время онъ является собственностью, то при распаденіи первоначальной семьи на нѣсколько семействъ, или еще проще, при вступленіи нѣсколькихъ наслѣдниковъ на мѣсто первоначальнаго хозяина, должно было-бы возникать право общей собственности на нераздѣльный участокъ; а въ общемъ законѣ для права общей собственности

существуютъ слѣдующія три правила: 1) *доходы*, получаемые съ общаго нераздѣльнаго имущества, принадлежатъ всѣмъ соучастникамъ по соразмѣрности частей, такъ какъ и обязанности; 2) *распоряженіе* общимъ нераздѣльнымъ имѣніе должно быть по общему согласію, и 3) соучастники въ общемъ имѣніи могутъ *управленіе* онаго ввѣрить одному изъ своихъ товарищей, по общему избранію. Но дѣло въ томъ, что общая собственность на надѣлъ возникаетъ на почвѣ интересовъ семьи, объединяемой властью своего естественнаго представителя домохозяина (ст. 101 и ст. 102 къ IV Особ. Прил.); и такъ какъ коллективный субъектъ, владѣющій надѣльной землею, состоитъ не изъ равноправныхъ членовъ, а изъ домохозяина и лицъ власти его подчиненныхъ, то правила объ общей собственности сталкиваются съ началами семейнаго строя. Съ цѣлью примиренія обоихъ началъ практика Сената создала ложную въ своей основѣ теорію о

крестьянскомъ дворѣ, какъ о лицѣ юридическомъ. Само собою разумѣется, что ни о какомъ юридическомъ лицѣ здѣсь рѣчи быть не можетъ, потому что юридическимъ лицомъ является лишь то, что признано за таковое со стороны закона, а въ законѣ нигдѣ крестьянская семья не характеризуется признаками, свойственными лицу юридическому. Да если крестьянскую семью по поводу владѣнія надѣломъ, считать юридическимъ лицомъ, то какія же разумныя основанія можно было - бы привести къ тому, чтобы и въ другихъ отношеніяхъ семью не признавать за юридическое лицо? И почему только владѣніе надѣломъ сообщаетъ крестьянской семьѣ характеръ юридическаго лица, а владѣніе, напримѣръ, чиншевымъ участкомъ, осуществляемое также крестьянской семьей, не сообщаетъ двору свойствъ лица юридическаго? Напрасно ожидать отвѣта на эти вопросы: теорія Сената о юридическомъ лицѣ, въ примѣненіи къ крестьянскому

двору, пе выдерживаетъ никакой критики. Не большею солидностью отличается и другой взглядъ Сената, по которому крестьянская семья есть рабочій союзъ. Если это и союзъ, то не договорный, а семейный, прежде всего кровный или такъ или иначе кровному уподобляющійся.

Теоріи эти созданы Сенатомъ для объясненія тѣхъ правъ, которыя должны принадлежать на землю всѣмъ членамъ двора. Какія же это права? Кому эти права принадлежатъ? Каково пространство этихъ правъ? На эти вопросы, ежедневно возникающіе въ судебной практикѣ, даются отвѣты менѣе всего способные удовлетворить заинтересованныхъ лицъ. Непререкаемымъ положеніемъ, выработаннымъ практикой, является тезисъ, гласящій, что только наличные члены двора имѣютъ право на надѣлъ. Но кто эти наличные члены? Здѣсь ясно одно: женщина, вышедшая замужъ въ чужой дворъ, перестаетъ принадлежать къ составу ро-

дительскаго двора и становится членомъ двора своего мужа, и самый фактъ замужества создаетъ презумпцію потери женщиною правъ на родительскую землю. Женитьба мужчины съ переходомъ въ тотъ дворъ, къ которому принадлежитъ жена, подобной презумпціи не создаетъ: фактическаго выхода въ этомъ случаѣ недостаточно, а нужно, чтобы женившійся былъ „принятъ“ во дворъ тестя. Осложняющимъ моментомъ здѣсь можетъ быть требованіе пріемнаго приговора со стороны общества, если тесть принадлежитъ не къ тому сельскому обществу, къ которому принадлежитъ зять. Выйти изъ затрудненія по вопросу о томъ, кто принадлежитъ къ данному двору, можно было-бы принявъ во вниманіе содержаніе посемейнаго списка: кто внесенъ въ списокъ, тотъ и членъ даннаго двора. Но тутъ Сенатъ высказался, что посемейный списокъ не составляетъ доказательства принадлежности лица ко двору, такъ какъ посемейные

списки ведутся въ иныхъ цѣляхъ. И вотъ, въ каждомъ данномъ случаѣ судебной практикѣ приходится на основаніи сомнительнаго матеріала свидѣтельскихъ показаній разрѣшать вопросъ, есть-ли данное лицо наличный членъ двора, или таковымъ его нельзя признать?

Крестьяне однако вовсе не вѣрятъ въ непререкаемость сенатской теоріи. Основанія своихъ правъ на надѣльную землю они усматриваютъ въ кровной связи своей съ домохозяиномъ, и почти въ каждомъ исковомъ прошеніи выдвигается такое соображеніе: я похоронилъ на свои средства отца и мать, значитъ ихъ земля должна принадлежать мнѣ. Для общихъ судебныхъ мѣстъ этотъ мотивъ ничего не говоритъ, а для волостного суда этотъ мотивъ не безразличенъ, и волостные суды присуждаютъ надѣлъ не по сенатской теоріи о рабочемъ союзѣ или о юридическомъ лицѣ, а по началамъ кровнаго родства, связывающаго пре-

тендента съ домохозяиномъ. Между практикой Сената и практикой волостныхъ судовъ мало общаго, какъ мало общаго между построенной на ложномъ основаніи теоріей и жизнью.

Если вопросъ о томъ, за кѣмъ можетъ быть признано право на надѣлъ, вызываетъ на практикѣ большія сомнѣнія, то еще въ большей мѣрѣ сомнительно пространство и содержаніе того права, которое признается за членомъ семьи на надѣлъ. Первоначально Сенатъ училъ, что хотя право на надѣлъ принадлежитъ цѣлому рабочему союзу, „юридическому лицу", но распорядителемъ сего права является одинъ только домохозяинъ, который одинъ только можетъ опредѣлять юридическую судьбу надѣла; потомъ оказалось, что домохозяину принадлежитъ право опредѣлять только хозяйственный порядокъ во дворѣ; наконецъ (рѣш. 1900 г. № 23), что каждый изъ членовъ двора имѣетъ равное съ прочими право на надѣльную землю. Одна-

ко это право менѣе всего отличается прочностью, что обнаруживается изъ слѣдующаго примѣра. Положимъ, надѣлъ принадлежитъ двумъ братьямъ, значитъ каждому, по послѣднему рѣшенію Сената, принадлежитъ право на половину надѣла. Одинъ изъ братьевъ женится,—въ лицѣ его жены во дворѣ появляется новый членъ рабочаго союза, значитъ землю нужно дѣлить на три части; у женатаго рождаются дѣти—новые члены двора, и съ рожденіемъ каждаго ребенка доля семьи женатаго брата постепенно должна увеличиваться, а доля не женатаго, можетъ быть, несовершеннолѣтняго, постоянно уменьшаться. Женится затѣмъ и младшій братъ, и опять вступаетъ во дворъ новый членъ, рождаются дѣти—новые члены, и опять происходятъ новыя колебанія въ размѣрѣ долей. Правда, Сенатъ предполагаетъ, что до фактическаго раздѣла и передѣла земли дѣло не доходитъ, что будто бы члены двора владѣютъ и пользуются

идеальными частями земли, работая на общую пользу двора. Но вѣдь это только отвлеченная конструкція, способная удовлетворить кабинетнаго юриста, а въ дѣйствительности конструкція эта не осуществляется никогда. Владѣніе землею требуетъ реальнаго проявленія и находитъ свое выраженіе въ томъ, что надѣльная земля фактически раздѣляется на части, причемъ каждую часть воздѣлываетъ тотъ, кому она досталась. И вотъ, когда такую часть земли, воздѣланную трудами одного изъ членовъ семьи, отнимаютъ у него во имя теоріи о равноправности всѣхъ членовъ двора, то можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должно производить это на крестьянина. Весьма нерѣдко рѣшеніе гражданскаго спора о надѣльной землѣ оканчивается уголовнымъ эпилогомъ.

У каждаго владѣльца земли есть стремленіе доводить свое господство надъ землею до крайнихъ предѣловъ его осуществленія. Можетъ-ли кресть-

янинъ совершать отчужденіе своей земли? Если онъ—домохозяинъ то можетъ, а если онъ—рядовой членъ семьи, то не можетъ; въ первомъ случаѣ земля можетъ быть отчуждена съ игнорированіемъ справедливыхъ интересовъ всѣхъ прочихъ членовъ семьи, во второмъ—отчужденіе оказывается невозможнымъ, даже при согласіи домохозяина, такъ какъ надѣлъ недѣлимъ. Впрочемъ отчужденіе еще встрѣчаетъ на своемъ пути ограничительный законъ 14 декабря 1893 года, по силѣ котораго надѣльныя земли могутъ быть отчуждаемы только въ кругу крестьянъ, принадлежащихъ къ одному и тому-же обществу: только крестьяне, и только крестьяне даннаго общества могутъ пріобрѣтать надѣльныя земли. А на самомъ дѣлѣ живущее въ каждомъ крестьянинѣ сознаніе того, что земля которою онъ владѣетъ принадлежитъ ему по праву, что въ силу этого права онъ можетъ распоряжаться своимъ участкомъ, это сознаніе при-

водитъ къ сдѣлкамъ отчужденія—временнаго (аренда) или „на вѣчность". Сдѣлки эти, неправильныя съ точки зрѣнія закона, вызываютъ впослѣдствіи процессы, оканчивающіеся торжествомъ неяснаго закона и спутанныхъ сенатскихъ теорій.

Таково дѣйствительное положеніе вещей въ вопросѣ о правѣ владѣнія надѣломъ. Какъ же разрѣшила этотъ вопросъ комиссія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ?

Положеніе о надѣльныхъ земляхъ въ проектѣ содержитъ 216 статей и распадается на 4 главы, въ которыхъ излагаются: общія положенія (гл. 1), объ общинномъ владѣніи (гл. 2), о подворномъ владѣніи (гл. 3), объ актахъ на надѣльныя земли (гл. 4).

Тогда какъ по Положеніямъ 19 февраля 1861 г. количество надѣльныхъ земель должно было постепенно сокращаться, потому что выкупленныя земли утрачивали характеръ надѣльныхъ и становились объекгомъ свободнаго граж-

данскаго оборота, проектъ не предвидитъ уменьшенія пространства надѣльныхъ земель, а напротивъ предусматриваетъ способы расширенія надѣльной территоріи: такъ, по ст. 2, дѣйствію правилъ о надѣльныхъ земляхъ подлежатъ также земли, пріобрѣтенныя крестьянскими обществами: 1) на суммы вырученныя отъ добровольнаго или принудительнаго, для государственной или общественной надобности, отчужденія всего или части надѣла, и 2) на капиталы, образовавшіеся изъ наемной платы при отдачѣ обществами надѣльной земли подъ разработку нѣдръ. Первое еще понятно: земля, пріобрѣтенная вмѣсто экспропріированной надѣльной, будетъ тоже надѣльной, потому что въ этомъ случаѣ происходитъ обмѣнъ одной земли на другую. Но почему земля, пріобрѣтаемая за наемную плату при отдачѣ надѣльной земли для разработки нѣдръ, должна получить характеръ надѣльной? На вырученныя отъ аренды небольшого коли-

чества десятинъ надѣльной земли суммы возможно иногда купить обширное имѣніе, и для того, чтобы земли этого имѣнія подлежали превращенію въ надѣльныя, нужно доказать, что надѣльный характеръ земли имѣетъ преимущество предъ свободною собственностью доселѣ доступной крестьянамъ по ст. 34 (10) Общаго Положенія. Нужно быть сильно убѣжденнымъ въ преимуществахъ надѣльнаго землевладѣнія предъ владѣніемъ на правѣ собственности, чтобы предположить такой случай, когда собственники стали-бы ходатайствовать о распространеніи правилъ о надѣльныхъ земляхъ на другія (т. е. ненадѣльныя) земли, принадлежащія какъ крестьянскимъ обществамъ, такъ и товариществамъ крестьянъ и отдѣльнымъ крестьянскимъ семействамъ (ст. 3). Кому изъ крестьянъ, стремящихся къ свободному распоряженію своей землей, придетъ въ мысль связывать оборотоспособность своей земли, подчиняя ее правиламъ о владѣніи

надѣломъ? Не ожидаетъ-ли эту статью проекта судьба закона о временно заповѣдныхъ имуществахъ? Конечно, никому не возбраняется отказываться отъ правъ, ему принадлежащихъ, или ограничивать себя въ осуществленіи своихъ правъ; но вѣдь составители проекта въ сообщеніи землѣ надѣльнаго характера видятъ чуть-ли не благо, предусмотрѣнное при томъ-же Положеніемъ 19 февраля: вѣдь для проекта и законъ 14 декабря 1893 г. представляетъ собою дальнѣйшее развитіе Положенія.

Положеніе имѣло въ виду создать обширный классъ мелкихъ собственниковъ, а послѣдующіе законы, сенатская практика и нынѣшній проектъ стремятся привязать крестьянъ къ землѣ, задаваясь при этомъ вопросомъ не о томъ, кому принадлежитъ земля, а о томъ, кто принадлежитъ къ землѣ, какъ будто бы не земля существуетъ для крестьянъ, а наоборотъ—крестьяне для земли. Проектъ положенія о надѣльныхъ земляхъ не сдѣлалъ ни шага впередъ къ

облагороженію права крестьянъ на надѣлъ, а напротивъ пошелъ назадъ, въ смыслѣ установленія за крестьянами, такъ сказать, инвентарнаго характера въ отношеніи къ надѣлу.

И проектъ признаетъ два типа владѣнія надѣльной землею—владѣніе на общинномъ и владѣніе на подворномъ правѣ. Въ сущности оба эти типа характеризуются однѣми и тѣми-же чертами, и разница между обоими типами не принципіальная, а такъ сказать—количественная. Въ самомъ дѣлѣ: при общинномъ порядкѣ владѣнія собственникомъ всей надѣльной земли признается земельное общество, отдѣльные же владѣльцы въ составѣ общества, крестьянскіе дворы, имѣютъ лишь право владѣнія и пользованія предоставленными имъ участками усадебной и полевой земли; при подворномъ владѣніи усадебныя и полевыя земли, находящіяся въ отдѣльномъ владѣніи крестьянскихъ дворовъ (подворные участки) составляютъ соб-

ственность этихъ дворовъ (ст. 5). Тогда какъ, по Положенію, за крестьянами, при общинномъ владѣніи, признавалось право собственности по крайней мѣрѣ на усадьбу, по проекту и это право отнимается у отдѣльныхъ крестьянъ или у отдѣльныхъ дворовъ, и теперь окончательно создается два типа общинъ—общество и отдѣльный дворъ; въ первомъ случаѣ право собственности на землю принадлежитъ обширной группѣ лицъ—земельному обществу, во второмъ—ограниченному кругу лицъ—двору; но какъ въ первомъ такъ и во второмъ случаѣ нѣтъ индивидуальной собственности, а наблюдается лишь собственность коллективнаго субъекта. Конечно изъ этихъ двухъ типовъ владѣнія надѣльными землями слѣдуетъ отдать предпочтеніе подворному владѣнію, потому что это владѣніе, осуществляемое болѣе тѣснымъ союзомъ лицъ, связанныхъ между собою въ огромномъ большинствѣ случаевъ кровнымъ родствомъ, все же болѣе подхо-

дить къ праву собственности, чѣмъ владѣніе общества; при подворномъ владѣніи, по крайней мѣрѣ, семья знаетъ, что земля не будетъ у нея отнята, потому что „подворный участокъ признается собственностью всего крестьянскаго двора, во владѣніи коего онъ состоитъ“ (ст. 155) и „земельное общество не въ правѣ вмѣшиваться въ распоряженія домохозяина относительно подворнаго участка“ (ст. 157); напротивъ при общинномъ владѣніи „усадебные участки находятся въ потомственномъ владѣніи крестьянскихъ дворовъ, въ отношеніи же участковъ общинной земли дворы, коимъ они предоставлены, имѣютъ лишь право временнаго владѣнія ими отъ передѣла до передѣла“ (ст. 42).

Не такъ разсуждаетъ комиссія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Ея симпатіи на сторонѣ общиннаго владѣнія, а не подворнаго, хотя въ тоже время комиссія признаетъ безспорность слѣдующаго положенія: „обѣ

эти формы (общинное и подворное владѣніе) въ томъ видѣ, какъ онѣ сложились у насъ, заключаютъ многія существенныя препятствія къ полному развитію индивидуальныхъ способностей отдѣльныхъ крестьянъ къ болѣе совершенному использованію ими производительныхъ силъ почвы" (Объясн. зап. стр. 22). Послѣ этого откровеннаго признанія можно было-бы ожидать, что обѣ формы владѣнія надѣльными землями подвергнутся пересмотру, въ результатѣ котораго явился-бы способъ землепользованія, болѣе удовлетворительный въ глазахъ комиссіи; а на самомъ дѣлѣ видимъ мы въ работѣ комиссіи не то. Комиссія не взяла на себя изысканія третьяго удовлетворительнаго способа, а ограничилась заявленіемъ, что „задача законодателя въ данномъ случаѣ должна состоять не въ коренной насильственной ломкѣ существующаго у крестьянъ порядка землепользованія, а главнымъ образомъ, въ предоставленіи сельскому

населенію всѣхъ средствъ къ сознательному по собственному почину какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, переходу къ болѣе совершеннымъ способамъ использованія ихъ земельныхъ богатствъ“ (ibid. стр. 28). Какъ ни красива эта фраза въ стилистическомъ отношеніи, но какъ-же примирить ее съ содержаніемъ проекта положенія о надѣльныхъ земляхъ? Нельзя-же думать, что составители проекта, сознавая несовершенства существующихъ типовъ крестьянскаго землевладѣнія, поэтому именно и заботятся объ ихъ сохраненіи на будущее время. А что они заботятся объ этомъ, это видно изъ статей проекта, предусматривающихъ возможность распространенія надѣльнаго характера и на ненадѣльныя земли. Къ чему же въ сущности сводится работа комиссіи по вопросу о владѣніи надѣломъ? Только кт приведенію въ нѣкоторую систему, правда внѣшнюю, положеній высказанныхъ Сенатомъ. Разрѣшенія

наболѣвшихъ вопросовъ и разрѣшенія коренного здѣсь не найти, да его и не искали редакторы, какъ будто-бы то положеніе, какое существуетъ въ настоящее время, не вызываетъ потребности въ серьезной реформѣ, какъ будто-бы цѣль нынѣшняго пересмотра законодательства о крестьянахъ въ томъ именно и заключается, чтобы отдалить для крестьянъ тотъ моментъ, когда они могли-бы стать не по имени только, но и на самомъ дѣлѣ самостоятельными субъектами гражданскаго права.

Центральной фигурой во дворѣ является домохозяинъ. Это, по проекту не только естественное положеніе отца семейства (pater familias); это и публичная должность, на которую можно попасть и по избранію! Домохозяиномъ, говоритъ ст. 30 проекта, признается старшій восходящій по прямой линіи (отецъ, дѣдъ и т. п. (?), являющійся родоначальникомъ по отношенію къ прочимъ членамъ двора. Это,

такъ сказать, домохозяинъ по закону; но можетъ быть домохозяинъ и по завѣщанію: именно, въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣлъ двора не подлежитъ дальнѣйшему дробленію, домохозяинъ, если таковымъ состоитъ восходящій по прямой линіи въ правѣ самъ назначить себѣ преемника изъ членовъ двора; такое распоряженіе можетъ быть сдѣлано или на письмѣ, или-же въ присутствіи не менѣе двухъ свидѣтелей, на словахъ (ст. 92). Наконецъ, въ случаѣ отсутствія въ составѣ двора лица, являющагося родоначальникомъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ членамъ двора, мѣсто домохозяина заступаетъ одинъ изъ членовъ двора по избранію прочихъ (ст. 31). Къ сожалѣнію, проектъ, предусматривающій все, не содержитъ указаній, въ какомъ порядкѣ должно происходить это избраніе домохозяина: какъ быть, если во дворѣ окажется нѣсколько претендентовъ на постъ домохозяина, и за каждаго претендента будетъ равное чи-

сло избирательныхъ голосовъ? Въ дѣйствующемъ Малороссійскомъ положеніи (ст. 81) громадѣ (сельскому сходу) предоставлено въ одномъ случаѣ право выбора домохозяина. Не представлялось-ли бы цѣлесообразнымъ примѣнить такой порядокъ избранія домохозяина на тѣ случаи, когда отпадаетъ естественный представитель семьи? Вѣдь домохозяинъ не только глава семьи, но и представитель двора на сельскомъ сходѣ (ст. 26 положенія о кр. общ. учр.) и отвѣтственное лицо предъ начальствомъ, такъ что и для сельскаго схода не безразлично, кто окажется домохозяиномъ въ данномъ дворѣ.

Проектъ не называетъ крестьянскій дворъ ни юридическимъ лицомъ, ни рабочимъ союзомъ; и хотя крестьянская семья является въ проектѣ союзомъ лицъ, связанныхъ кровнымъ, прежде всего, родствомъ, и построена по типу монархическому, однако домохозяинъ не монархъ въ смыслѣ, напр., римскаго pater familias, не неограни-

ченный домовладыка, но монархъ конституціонный—что касается отношеній по владѣнію надѣльной землей: такъ, отчуждать усадебный участокъ, а равно отдавать его въ наемъ на срокъ свыше года домохозяинъ въ правѣ лишь съ согласія жены и всѣхъ совершеннолѣтнихъ, или, хотя и несовершеннолѣтнихъ, но вступившихъ въ бракъ членовъ двора мужскаго пола (ст. 46, 154). Между тѣмъ *каждому* члену крестьянскаго двора принадлежитъ право на участіе въ пользованіи усадебнымъ участкомъ (ст. 44, 155): какъ же будетъ въ томъ случаѣ, если во дворѣ, кромѣ домохозяина, нѣтъ членовъ—мужчинъ, а имѣются однѣ только женщины? онѣ не имѣютъ голоса по вопросу объ отчужденіи надѣльной земли, и тогда домохозяинъ, а то и домохозяйка (потому что, по ст. 35, и женщина можетъ отправлять функціи домохозяина) можетъ по своему усмотрѣнію совершить отчужденіе надѣла. Одно изъ двухъ: или власть домохо-

зяина должна быть неограниченной, или, если она ограничена, то по отношенію къ интересамъ всѣхъ вообще членовъ двора, не разбирая пола и возраста (за малолѣтнихъ согласіе могло бы быть выражено ихъ опекунами ad hoc). Ограничена власть домохозяина и что касается распоряженій не приводящихъ къ отчужденію надѣла,— потому что право на пользованіе надѣломъ принадлежитъ каждому члену двора. Это не новость; и до сихъ поръ судебная практика твердо стояла на томъ положеніи, что всѣ наличные члены двора имѣютъ право на надѣлъ. Вотъ, если бы проектъ далъ какія-либо указанія относительно того, каковъ-же размѣръ того права, которое принадлежитъ каждому изъ членовъ,—допускать здѣсь раздѣлъ поголовный или поколѣнный, или держаться какого либо иного начала при опредѣленіи размѣра участія каждаго изъ членовъ въ пользованіи надѣломъ?

Этотъ вопросъ въ проектѣ обойденъ молчаніемъ, какъ будто бы на практикѣ онъ и не возникаетъ. Неужели этотъ жизненый вопросъ будетъ разрѣшаться по усмотрѣнію волостного суда, какъ выразителя мѣстнаго обычая? Но въ такомъ случаѣ для чего же и вообще сочинять законы, если волостной судъ, а въ особенности волостной съѣздъ съ земскимъ начальникомъ во главѣ знаютъ все, что для крестьянъ хорошо и нехорошо? А между тѣмъ редакторы сочинили же цѣлый кодексъ договорнаго и наслѣдственнаго крестьянскаго права.

Что касается правилъ о пользованіи надѣльной землей, то творческая дѣятельность редакторовъ оказывается весьма ограниченной; дальше повторенія положеній сенатской практики редакторы не пошли, да и куда же было идти, когда даже законъ 14 декабря 1893 г., по глубокому убѣжденію комиссіи, выражаетъ собою одно изъ началъ освободительнаго акта 19 февраля 1861 г?

Въ одномъ отношеніи редакторы отказались, повидимому, отъ боязни оригинальности — это по вопросу объ актахъ отчужденія надѣльной земли. Общее Положеніе о нотаріальной части оказывается для крестьянъ, разумѣется, непримѣнимымъ, потому что только свободныя имущества подлежатъ компетенціи старшаго нотаріуса. Пришлось сочинить новыя правила о порядкѣ совершенія актовъ объ отчужденіи надѣльныхъ земель въ волостномъ правленіи. Правда, и до сего времени въ волостныхъ правленіяхъ имѣются особыя книги сдѣлокъ и договоровъ (ст. 91 (110) общ. пол.); но въ эту книгу, благодаря циркулярнымъ распоряженіямъ, попадаютъ далеко не всѣ сдѣлки, которыя желательно было бы совершить заинтересованнымъ лицамъ; самыя существенныя сдѣлки не вносятся сюда, и крестьянамъ приходится ограничиваться безграмотными и часто безсмысленными домашними сдѣлками, редактируемыми деревенскими грамо-

тѣями. Письменному акту крестьяне придаютъ большое значенiе, и, заручившись домашней „распиской", „условiемъ", „сдѣлкой", они считаютъ свои интересы обезпеченными. Но судебныя мѣста не раздѣляютъ взгляда крестьянъ на ихъ домашнiя сдѣлки; отсюда для крестьянъ рядъ разочарованiй, тяжко отзывающихся на ихъ благосостоянiи.

Такое положенiе дѣла привело редакторовъ къ сознанiю необходимости въ начертанiи *особыхъ* правилъ о порядкѣ совершенiя актовъ на надѣльныя земли. Нужны особыя правила, потому что, разсуждаютъ редакторы (т. V, стр. 479 сл.), совершенiе крѣпостныхъ актовъ отличается чрезмѣрною сложностью, медленностью и дороговизной, а мелкая земельная собственность, по малоцѣнности своей, не выдерживаетъ издержекъ, съ коими связано нынѣ укрѣпленiе земельныхъ правъ. Такая оцѣнка существующаго порядка укрѣпленiя правъ на недви-

жимости даетъ, казалось-бы, надежду на то, что комиссія выработаетъ порядокъ простой, быстрый и дешевый и, при наличности этихъ признаковъ, оригинальный. Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Дѣло ограничивается такъ сказать передѣлкой положенія о нотаріальной части и проекта вотчиннаго устава на крестьянскіе нравы, съ перенесеніемъ функцій младшаго нотаріуса на волостного старшину, обязанностей старшаго нотаріуса или проектируемаго начальника вотчиннаго установленія — на уѣзднаго члена окружнаго суда. Порядокъ укрѣпленія права на надѣлъ долженъ заключаться именно въ слѣдующемъ: крестьяне, желающіе совершить актъ объ отчужденіи земельнаго участка, представляютъ волостному старшинѣ проектъ акта или словесно объявляютъ ему условія предположенной сдѣлки; волостной старшина, разсмотрѣвъ условія предположенной сдѣлки, обязанъ, посредствомъ опроса сторонъ въ при-

сутствіи двухъ свидѣтелей, предварительно убѣдиться въ томъ, что онѣ дѣйствительно по доброй волѣ желаютъ ее совершить на изложенныхъ условіяхъ и понимаютъ ея смыслъ и значеніе, послѣ чего представленный сторонами проектъ акта или составленный волостнымъ писаремъ протоколъ подписываются, въ присутствіи волостного старшины, сторонами и свидѣтелями; но предварительно засвидѣтельствованія подписаннаго акта волостной старшина обязанъ удостовѣриться: а) въ правоспособности сторонъ къ совершенію актовъ вообще и даннаго акта въ частности, б) въ законности предположеннаго акта, т. е. въ соотвѣтствіи его какъ общимъ законамъ, такъ и особымъ узаконеніямъ о сельскомъ состояніи, в) въ дѣйствительномъ существованіи отчуждаемаго участка въ предѣлахъ волости, и г) въ принадлежности этого участка отчуждателю; послѣ этого актъ свидѣтельствуется волостнымъ старшиной, над-

пись котораго о засвидѣтельствованіи акта должна содержать въ себѣ: 1) годъ, мѣсяцъ и число засвидѣтельствованія; 2) означеніе волостного правленія, въ которомъ совершается актъ; 3) точное означеніе лицъ, совершающихъ актъ; 4) указаніе, что лица эти извѣстны волостному старшинѣ, или указаніе способа, коимъ волостной старшина удостовѣрился въ ихъ личности; 5) удостовѣреніе, что стороны правоспособны къ совершенію акта и что отчуждаемый участокъ принадлежитъ лицу его отчуждающему, съ указаніемъ способовъ, коими волостной старшина въ этомъ удостовѣрился. Такова первая стадія совершенія акта объ отчужденіи надѣльной земли (ст. 182—190 проекта полож. о надѣльн. земляхъ).

Для всякаго мало-мальски знакомаго съ Положеніемъ о нотаріальной части ясно до очевидности, что проектируемыя правила представляютъ собою точную копію общихъ правилъ о совершеніи крѣпостныхъ актовъ. О самостоятельномъ

творчествѣ редакторовъ здѣсь и рѣчи нѣтъ, такъ какъ проектъ просто списанъ съ дѣйствующихъ правилъ. Что-же этимъ достигается? Нотаріальныя конторы вовсе ужъ не такъ недоступны для крестьянъ; конечно ихъ меньше, чѣмъ волостныхъ правленій, но кругъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ волостному старшинѣ и волостному писарю, несравненно обширнѣе круга дѣлъ, требующихъ участія нотаріуса; провинціальные нотаріусы, къ сожалѣнію для нихъ, на обремененіе дѣлами пожаловаться не могутъ; а отчужденіе надѣльной земли не является сдѣлкою повседневнаго оборота, не требуетъ особой поспѣшности и, чѣмъ серьезнѣе обставлено съ внѣшней стороны, тѣмъ болѣе осторожности и сознательности предполагаетъ у лица, совершающаго безповоротный актъ отчужденія. Одна выгода при совершеніи акта въ волостномъ правленіи,—совершеніе актовъ не сопровождается уплатой пошлинъ (крѣпостныхъ) и всякихъ иныхъ въ

пользу казны сборовъ (ст. 215); но въ пользу канцеляріи волостного правленія взимается сборъ не свыше 1 проц. съ цѣны акта (ст. 216). Но, если можно освободить эти акты отъ оплаты пошлинами въ волостномъ правленіи, то, казалось бы, что-же мѣшаетъ освободить ихъ и въ томъ случаѣ, еслибы акты эти совершались въ нотаріальной конторѣ? И гдѣ гарантіи того, что при господствующихъ въ крестьянскомъ быту нравахъ стоимость совершенія акта въ волостномъ правленіи ограничится 1 проц. цѣны акта? Вѣдь у волостного писаря много дѣла и быстро проявить добрую волю къ запискѣ акта въ книгу онъ окажется, можетъ быть, и не всегда готовымъ. Если теперь приговоры сельскихъ сходовъ зависятъ не столько отъ правоты заинтересованныхъ, сколько онъ готовности ихъ понести расходы на угощеніе міра, то насколько же затруднительнѣе будетъ имѣть дѣло съ единичною властью волостного старшины и волостного пи-

саря? Въ созданіи проектируемаго порядка совершенія акта объ отчужденіи надѣльной земли видно лишь одно: желаніе положить грань между крестьянами и некрестьянами даже и въ сферѣ такихъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ существуютъ спеціальныя установленія, чуждыя сословной окраски.

Утвержденіе совершоннаго въ волостномъ правленіи акта происходитъ по проекту примѣнительно къ правиламъ о дѣйствіяхъ старшаго нотаріуса, съ тою разницей, что функціи старшаго нотаріуса для крестьянъ отправляетъ уѣздный членъ окружнаго суда: до утвержденія акта уѣздный членъ обязанъ удостовѣриться: 1) что дѣйствующіе законы, въ томъ числѣ и узаконенія о сельскомъ состояніи, не воспрещаютъ совершенія и утвержденія акта, и 2) что отчуждаемый участокъ дѣйствительно принадлежитъ сторонѣ, его отчуждающей (ст. 194); удостовѣрясь въ соотвѣтствіи акта симъ условіямъ, уѣздный членъ утверждаетъ оный

надписью на самомъ актѣ (ст. 196); по утвержденіи акта уѣзднымъ членомъ, актъ отсылается имъ въ волостное правленіе для внесенія въ книгу землепользованія и отмѣтки въ поземельномъ реестрѣ, а представленные документы остаются въ подлинникахъ или копіяхъ при дѣлахъ уѣзднаго съѣзда.

До сихъ поръ проектируемыя правила заимствованы изъ положенія о нотаріальной части. Дальше идутъ заимствованія изъ проекта вотчиннаго устава, что касается книги землепользованія и поземельнаго реестра (ст. 198—202), порядка внесенія и отмѣтки актовъ объ отчужденіи надѣльныхъ земель (ст. 203—207), внесенія и отмѣтки актовъ о наймѣ, приговоровъ земельныхъ сходовъ и судебныхъ рѣшеній (ст. 208—211), записки подворныхъ и усадебныхъ участковъ въ поземельный реестръ по просьбѣ владѣльцевъ (ст. 212—213).

Не можетъ быть спора, что все это вопросы чрезвычайно серьезные; но эти вопросы безъ особенныхъ затрудненій могли бы быть разрѣшены путемъ подведенія крестьянъ и принадлежащихъ имъ надѣльныхъ земель подъ соотвѣтствующіе общіе законы. Возраженіе противъ этого положенія со ссылкой на дѣйствующій нынѣ законъ въ томъ смыслѣ, что только свободныя имущества подлежатъ отчужденію и пріобрѣтенію при содѣйствіи старшаго нотаріуса, не можетъ быть признано за аргументъ серьезнаго свойства. Въ проектѣ положенія о надѣльныхъ земляхъ ст. 158 гласитъ „для отчужденія подворнаго участка не требуется предварительнаго погашенія выкупного долга, числящагося на этомъ участкѣ, а обязанность уплачивать причитающіеся съ участка выкупные платежи переходитъ на пріобрѣтателя". Вотчинный характеръ владѣнія на выкупномъ правѣ, такимъ образомъ, признается проектомъ; нынѣшняя система запре-

щеній по проекту вотчиннаго устава замѣняется системой отмѣтокъ при вотчинной запискѣ: слѣдовательно, нѣтъ препятствій со стороны общаго закона къ тому, чтобы акты отчужденія и пріобрѣтенія надѣльной земли совершаемы были въ общемъ, а не въ спеціально для крестьянъ установленномъ порядкѣ.

Оригинальность этой части проекта положенія о надѣльныхъ земляхъ, оказывается только кажущеюся. Въ сущности, мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ копіей, снятой съ готовыхъ образцовъ. Къ чему-же, однако, работать надъ копіями, когда ничто не мѣшаетъ воспользоваться подлинниками? Понятно было-бы стремленіе редакторовъ создать особыя правила для отчужденія или пріобрѣтенія надѣльныхъ земель, если-бы дѣйствительно надѣльный характеръ имущества являлся препятствіемъ къ примѣненію общихъ нормъ къ порядку укрѣпленія надѣла; но когда проектъ въ сущности сводитъ

свои правила къ законамъ уже существующимъ, съ замѣною лишь „нотаріуса“—„волостнымъ старшиной“ и „старшаго нотаріуса“—„уѣзднымъ членомъ окружного суда“, то весь трудъ редакторовъ по этой части проекта приводитъ читателя въ недоумѣніе: зачѣмъ тратится время, зачѣмъ тратятся средства на копированіе существующихъ уже законовъ? Если внѣ существующаго закона придумать ничего нельзя, то не лучше-ли прямо распространить дѣйствіе такого закона на подлежащіе случаи въ жизни крестьянскаго населенія Имперіи, чѣмъ доказывать, что нотаріальныя функціи перестанутъ быть таковыми и освободятся отъ присущихъ имъ недостатковъ, если онѣ будутъ исполняемы не теперешними нотаріусами, а волостными старшинами? Если неудовлетворительно состояніе нотаріальной части, то слѣдуетъ Положеніе о нотаріальной части замѣнить болѣе удовлетворительнымъ, болѣе соотвѣтствующимъ требо-

ваніямъ нашего времени закономъ. Объ этомъ, какъ извѣстно, уже и подумали, выработавъ въ свое время проектъ вотчиннаго устава. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы неудовлетворительный вообще порядокъ оказался полезнымъ для крестьянъ.

Вопросъ о нотаріальномъ совершеніи актовъ не столько вопросъ бытовой, сколько вопросъ юридической техники. Поэтому, заключенія губернскихъ совѣщаній, на нѣкоторыя изъ коихъ ссылаются редакторы проекта, не могутъ имѣть серьезнаго значенія, тѣмъ болѣе, что заключенія по этому вопросу далеко не отличаются единодушіемъ: редакторы выбрали тѣ заключенія, которыя соотвѣтствуютъ предвзятой ихъ мысли о необходимости установить для крестьянъ и для некрестьянъ два разные порядка гражданской жизни, если не по внутреннему ихъ содержанію, то, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны.

Эта предвзятая мысль редакторовъ проявляется и въ сочиненномъ ими кодексѣ гражданскаго права для крестьянъ—въ уставахъ о договорахъ и о наслѣдованіи.

„На крестьянъ распространяются общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ“—такъ гласитъ ст. 1 Положенія о сельскомъ состояніи по изд. 1902 г. Это правило не подлежитъ пересмотру новыхъ редакторовъ, какъ не подлежатъ пересмотру статьи 2—5, 7, 9—12 и 14 дѣйствующаго нынѣ Положенія, и вотъ почему: „постановленія эти, опредѣляя *личную и имущественную* правоспособность крестьянъ, всецѣло опираются на общія начала нашего законодательства гражданскаго (ч. I т. X св. зак.) и о состояніяхъ (т. IX св. зак.), и при этомъ не устанавливаютъ какихъ-либо исключительныхъ для крестьянъ ограниченій и изъятій. Тѣсная связь означенныхъ постановленій съ

общимъ нашимъ законодательствомъ уже сама по себѣ не допускаетъ возможности ихъ специальнаго по отношенію къ крестьянамъ пересмотра" (очеркъ. раб. стр. 30). Такимъ образомъ, то, что уже объединено въ законахъ, должно оставаться объединеннымъ и на будущее время; а то, что не объединено? Казалось-бы, долженъ гласить отвѣтъ, то слѣдуетъ объединить. Но, по разсужденіямъ редакторовъ, вопросъ получаетъ другой отвѣтъ: необъединенное должно таковымъ и оставаться, съ устраненіемъ возможности къ объединенію нормъ крестьянскаго права съ нормами общими.

Оставляя въ сторонѣ личную правоспособность крестьянъ и ихъ семейный строй—такъ какъ эти вопросы, по признанію редакторовъ, разрѣшаются общими началами нашего гражданскаго законодательства, обратимся къ имущественной правоспособности крестьянъ. Эта правоспособность тоже „опирается всецѣло на общія начала

нашего законодательства гражданскаго", однако редакторы сочли нужнымъ составить особый уставъ о договорахъ и особый уставъ о наслѣдованіи. Чѣмъ-же объясняютъ редакторы свою мысль о необходимости составить для крестьянъ особый кодексъ гражданскаго права? А вотъ чѣмъ. Дѣло въ томъ, что полагаться на одинъ лишь обычай въ спорахъ крестьянъ въ настоящее время очень трудно: „на практикѣ разрѣшаемыя волостными судами дѣла о наслѣдственныхъ спорахъ между крестьянами доходятъ до нѣсколькихъ тысячъ рублей; по спорамъ о договорахъ найма и заборахъ товара суду приходится порой разбираться въ бухгалтерскихъ книгахъ, такъ какъ одной изъ сторонъ являются нерѣдко торговые люди; по заемнымъ письмамъ волостному суду приходится рѣшать значеніе поручительныхъ и иныхъ подписей; въ дѣлахъ объ арендѣ и сносѣ построекъ—разбирать чертежи и планы. Такая сложная и обширная дѣятель-

ность волостного суда несомнѣнно весьма отлична отъ дѣятельности дореформенныхъ, вѣдавшихъ маловажныя дѣла волостныхъ и сельскихъ расправъ, а между тѣмъ судъ этотъ въ отношеніи отсутствія обязательныхъ для него нормъ матеріальнаго гражданскаго права находится въ такомъ-же положеніи, какъ и прежнія расправы“ (Очеркъ раб. стр. 42). Необходимъ кодексъ крестьянскаго права, такимъ образомъ, не для крестьянъ, а для волостныхъ судовъ. Это равносильно тому, какъ если бы утверждали, что гражданское уложеніе нужно для окружныхъ судовъ, но не для населенія, обращающагося за разрѣшеніемъ своихъ споровъ въ окружные суды. Это характерная точка зрѣнія редакторовъ; крестьяне не могутъ быть мыслимы иначе, какъ въ состояніи подопечномъ, и законы создаются не для нихъ, какъ для лицъ вѣчно состоящихъ подъ опекой, а для удобства опекающихъ ихъ установленій. И выходитъ, такимъ обра-

зомъ, что не судъ существуетъ для примѣненія закона, а законъ для примѣненія его судомъ.

Необходимость волостного суда для редакторовъ лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія; нужно снабдить этотъ судъ законами,—и вотъ сочиняютъ кодексъ. Однако, и отъ вниманія самихъ редакторовъ не ускользнула мысль о возможности разрѣшить поставленный такимъ образомъ вопросъ въ другомъ направленіи, а именно путемъ предоставленія волостному суду разрѣшать гражданскіе споры, примѣняя общіи гражданскій законъ. (Слѣдуетъ припомнить, что и составители проекта гражданскаго уложенія признавали, что будущее гражданское уложеніе подлежитъ распространенію на всѣ сословія Имперіи, въ томъ числѣ и на *крестьянъ*— Обязательства, т. I, стр. XL) „Съ перваго взгляда, говорятъ редакторы (стр. 57), единственно правильнымъ рѣшеніемъ этого вопроса является распространеніе дѣйствія общихъ зако-

новъ гражданскихъ на дѣятельность волостныхъ судовъ; но болѣе глубокое изученіе предмета приводитъ къ иному заключенію". Это свое иное заключеніе редакторы основываютъ на томъ положеніи, будто-бы „всякій кодексъ общаго права разсчитанъ на сложные и значительные гражданскіе интересы отдѣльныхъ лицъ и корпорацій средняго и высшаго классовъ населенія" (стр. 68). Чтобы высказать такой афоризмъ, нужно обладать большою невинностью въ наукѣ исторіи права и еще большею наивностью, чтобы вѣрить, будто-бы этотъ афоризмъ будетъ принятъ всѣми за истину. Вѣдь объяснительныя записки сочиняются не для крестьянъ и даже не для волостныхъ правленій.

Несовершенство нынѣ дѣйствующаго свода законовъ гражданскихъ давно признано правительствомъ, приступившимъ вслѣдствіе сего къ составленію новаго гражданскаго уложенія; но и проектъ уложенія не удовлетворяетъ

редакторовъ законоположеній о крестьянахъ: „въ случаѣ преподанія его къ руководству волостнымъ судамъ, новое гражданское уложеніе оказалось-бы громоздкимъ, въ большей своей части не нужнымъ для этихъ судовъ кодексомъ, не дающимъ отвѣта на повседневные запросы сельской жизни; независимо отъ сего, необходимо замѣтить, что проектъ означеннаго уложенія, какъ видно изъ принятаго въ немъ способа изложенія, разсчитанъ на примѣненіе его людьми свѣдущими въ правѣ, умѣющими разобраться въ отвлеченныхъ положеніяхъ и способными примѣнять ихъ къ отдѣльнымъ, возникающимъ на практикѣ случаямъ“ (стр. 69). Хорошъ-же будетъ судъ, если законы будутъ примѣняться людьми въ правѣ несвѣдущими, не умѣющими разбираться въ отвлеченныхъ положеніяхъ и неспособными примѣнять ихъ къ отдѣльнымъ вытекающимъ на практикѣ случаямъ! Неужели это серьезная аргументація, а не простая игра красивы-

ми фразами, на которыя вообще такъ щедры составители „Очерка работъ редакціонной комиссіи“? „Совокупность изложенныхъ соображеній приводитъ редакціонную комиссію къ заключенію, что единственнымъ при указанныхъ условіяхъ цѣлесообразнымъ способомъ разрѣшенія поставленной выше задачи слѣдуетъ признать изданіе особаго сельскаго гражданскаго устава, въ основу коего были-бы положены начала справедливости и этики (?), съ коими народное правосознаніе сколько-нибудь значительно разойтись, очевидно, не можетъ“. Комиссія сознавала громадныя трудности, сопряженныя съ исполненіемъ подобной работы, потому что, съ одной стороны, „сельскій гражданскій уставъ долженъ отвѣчать основнымъ установленнымъ наукою права началамъ всякаго гражданскаго законодательства, а съ другой—быть согласованнымъ съ особенностями нашего народнаго правосознанія“; да къ тому-же уставъ этотъ пришлось выра-

батывать „безъ какихъ-либо руководящихъ въ семъ отношеніи примѣровъ“, такъ что сельскій уставъ представляетъ первый опытъ въ этомъ направленіи. „Труденъ, говорятъ редакторы, и на первый взглядъ до дерзости смѣлъ лишь первый шагъ въ этомъ направленіи“ (стр. 70). Но, несмотря на все это, редакторы рѣшились дѣло довести до конца,—и довели.

Однако, если ближе присмотрѣться къ крестьянскому кодексу, то онъ и безпримѣрнаго ничего собою не представляетъ, и страхи, которыми себя пугали редакторы, едва-ли можно признать за metus non vani hominis. Уставъ о договорахъ звучитъ такими знакомыми мотивами изъ четвертой книги 1 ч. X т. Св. Зак., что невольно у читателя возникаетъ „до дерзости смѣлое“ подозрѣніе, не представляетъ-ли собою эта часть крестьянскаго кодекса копію съ соотвѣтствующихъ статей дѣйствующаго Свода законовъ гражданскихъ? Если-бы редакторы и

не снабдили своихъ статей въ проектѣ обязательными ссылками на 1 ч. X т. и на проектъ гражданскаго уложенія, то сопоставленіе отдѣльныхъ статей сельскаго устава о договорахъ съ соотвѣтствующими статьями дѣйствующаго законодательства привело-бы каждаго юриста къ заключенію далеко не лестному для самобытности творчества редакторовъ устава.

Правда, число статей проектируемаго устава о договорахъ значительно меньше числа статей въ четвертой книгѣ 1 ч. X т.: въ уставѣ—204 статьи, а въ 4-й кн. свода законовъ гражданскихъ по изданію 1900 г.—320; но „комиссія приняла во вниманіе, что въ сельскомъ уставѣ должны найти себѣ выраженіе лишь тѣ институты гражданскаго права, которые соприкасаются съ предметами вѣдомства волостного суда“ (стр. 70), и если изъ 1 ч. X т. исключить статьи, говорящія о товариществѣ акціонерномъ и о закладѣ движимыхъ и залогѣ недвижимыхъ имуществъ,

да статьи чисто редакціоннаго, ссылочнаго содержанія, то получится такое же количество статей, какъ и въ проектируемомъ сельскомъ кодексѣ. Расположеніе матеріала въ сельскомъ уставѣ о договорахъ не чуждо сходства съ порядкомъ изложенія въ 1 ч. X т. и въ проектѣ гражданскаго уложенія. Отнесемъ это сходство на счетъ вліянія „основныхъ, установленныхъ наукою права началъ всякаго гражданскаго законодательства". Уставъ о договорахъ открывается „общими положеніями", которыя гласятъ: ст. 1. „Договоры должны быть заключаемы по свободному и сознательному согласію сторонъ" (ст. 571, 700, 1528 ч. 1 т. X); ст. 2 и 3: „предметъ договора долженъ имѣть имущественную цѣнность; содержаніе договора должно быть непротивно законамъ, добрымъ нравамъ и общественному порядку" (ст. 1528); ст. 4: „по заключеніи договора ни одна изъ сторонъ не въ правѣ отъ него отступиться безъ согласія другой сторо-

ны“ (ст. 569) и ст. 5—„договоры должны быть исполняемы по точному ихъ смыслу и доброй совѣсти и согласно намѣренію сторонъ“ (ст. 1536—1539). Вопросъ о прекращеніи договоровъ, въ противоположность 1 ч. X т., отнесенъ въ сельскомъ уставѣ къ концу, что съ внѣшней стороны представляется болѣе умѣстнымъ; но по содержанію своему эти статьи наводятъ на мысль, не имѣемъ-ли мы здѣсь дѣла съ заимствованіемъ изъ проекта гражданскаго уложенія, и сравнивъ статьи проекта устава со статьями проекта уложенія, придемъ къ утвердительному отвѣту.

Общая часть сельскаго устава о договорахъ не велика, но не меньше общихъ положеній по 1 ч. X т., а послѣднія къ тому же не заключаютъ въ себѣ ничего специфически сословнаго, выражая собою положенія, выработанныя наукою права; такихъ положеній не чуждаются и редакторы устава. Гдѣ же, спрашивается, препятствія къ

распространенію нынѣ дѣйствующаго закона объ обязательствахъ на крестьянъ? Вѣроятно, въ спеціальныхъ ученіяхъ объ отдѣльныхъ договорахъ редакторы изложили нѣчто такое, что дѣйствующему закону неизвѣстно, что свойственно только крестьянскому быту? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ необходимости детальнаго сопоставленія статей сельскаго устава о договорахъ съ 1 ч. X т. св. зак. и съ V книгой проекта гражданскаго уложенія.

Въ проектѣ устава о договорахъ даны правила о займѣ, о продажѣ и запродажѣ, о мѣнѣ, дареніи, о наймѣ имуществъ, о ссудѣ, о храненіи имущества, о личномъ наймѣ, подрядѣ и заказѣ, о довѣренности, о поручительствѣ, объ артеляхъ трудовыхъ, о вознагражденіи за убытки, причиненные неисполненіемъ договоровъ, объ обезпеченіи договоровъ неустойкой и задаткомъ. Нѣтъ въ уставѣ правилъ о комиссіонномъ договорѣ, о векселѣ,

о переводномъ письмѣ, о чекахъ, о бумагахъ на предъявителя, объ ученыхъ, благотворительныхъ и иныхъ обществахъ, о страхованіи, о пожизненномъ доходѣ и пожизненномъ содержаніи, объ игрѣ и пари, о лоттереѣ; эти ученія, подробно разработанныя въ проектѣ гражданскаго уложенія, отсутствуютъ въ 1 ч. X т., а помѣщенныя въ уставѣ ученія не новы для свода законовъ гражданскихъ.

Въ противоположность дѣйствующему Своду законовъ, редакторы считаютъ нужнымъ давать опредѣленія отдѣльныхъ договоровъ; это, впрочемъ, сдѣлано и составителями проекта гражданскаго уложенія и въ большинствѣ случаевъ удачнѣе, чѣмъ редакторами устава: что даетъ, напримѣръ, такое опредѣленіе, какъ „опредѣленіе" мѣны —„мѣной называется договоръ, по которому стороны обмѣниваются принадлежащими имъ имуществами" (ст. 46)— или „опредѣленіе" даренія—„дареніемъ называется договоръ, по которомуда-

ритель даромъ предоставляетъ одаренному какое-либо имущество" (ст. 48)? Крестьяне и волостные суды, безъ сомнѣнія, и безъ этихъ опредѣленій знаютъ, что мѣна приводитъ къ обмѣну имуществъ, а дареніе предоставляетъ имущество даромъ; но относительно даренія они знаютъ еще больше, чѣмъ говорятъ редакторы, а именно, что дарить можно не *какое-либо* имущество, а только *свое* имущество. Чѣмъ давать неудачныя опредѣленія, лучше совсѣмъ ихъ не давать, памятуя, что omnis definitio in jure civili periculosa est; лучше предположить элементарныя понятія всѣмъ извѣстными.

Наиболѣе часто повторяющимися и въ крестьянскомъ, и въ некрестьянскомъ быту договорами является заемъ, продажа, наемъ личный и имущественный. На этихъ-то договорахъ и должно было отразиться самобытное творчество редакторовъ. Посмотримъ теперь, въ чемъ-же оно выразилось.

„*Займомъ* называется договоръ, по которому одна сторона передаетъ другой сторонѣ опредѣленную сумму денегъ, подъ условіемъ возврата равной суммы. Предметомъ займа могутъ служить также хозяйственные припасы; въ этомъ случаѣ должникъ обязанъ возвратить заимодавцу то количество припасовъ, которое онъ получилъ въ заемъ, и при томъ такого-же качества“. Такъ гласитъ ст. 6 устава, а ст. 348 проекта гражданскаго уложенія говоритъ: „По договору займа заимодавецъ передаетъ въ собственность заемщику, за вознагражденіе (ростъ, проценты) или безмездно, опредѣленную сумму денегъ, причемъ заемщикъ обязуется возвратить заимодавцу въ назначенный договоромъ срокъ или по востребованію заимодавца равную сумму денегъ. Предметомъ займа могутъ быть также произведенія земли и иныя замѣнимыя вещи“. Которая изъ этихъ двухъ редакцій должна больше понравиться,—это рѣшить трудно, потому

что это дѣло вкуса; но обѣ редакціи выражаютъ одно и то-же положеніе, причемъ редакція устава столь-же вразумительна, какъ и редакція уложенія, и заемъ между крестьянами характеризуется тѣми-же самыми признаками, что и заемъ между некрестьянами. Но дѣло не оканчивается на сходствѣ опредѣленій. Тождественными представляются и способы заключенія договора: ст. 349 уложенія гласитъ, что заемъ на сумму свыше тридцати рублей долженъ быть удостовѣренъ заемнымъ письмомъ, распискою или инымъ письменнымъ актомъ; а ст. 8 устава постановляетъ, что денежный заемъ на сумму свыше тридцати рублей долженъ быть удостовѣренъ на письмѣ. Споръ о безденежности займа сводится къ спору о безвалютности, въ чемъ согласны между собой ст. 14 устава, ст. 350 уложенія и ст. 2017 ч. 1 т. X. св. зак. Равнымъ образомъ, не допускается споръ о безденежности заемнаго акта, засвидѣтельствованнаго—по уста-

ву волостнымъ старшиной (ст. 13), по уложенію (ст. 361) и по 1 ч. X т. (ст. 2015)—нотаріусомъ. По вопросу о процентахъ въ уставѣ содержится правило (ст. 16), что условіе о процентахъ должно быть удостовѣрено на письмѣ; что опредѣленіе размѣра роста предоставляется усмотрѣнію сторонъ (ст. 17), съ тѣмъ однако-же, что преувеличенный ростъ, свыше 12%, можетъ быть уменьшенъ судомъ. Знаетъ уставъ и ростъ узаконенный—по шести на сто въ годъ (ст. 19), съ тѣмъ, что должникъ, обязавшійся платить свыше 12%, имѣетъ право возвратить долгъ спустя шесть мѣсяцевъ по заключеніи займа (ст. 20); анатоцизмъ и здѣсь воспрещается (ст. 23). Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ болѣе или менѣе точнымъ воспроизведеніемъ статей 1 ч. X т. св. зак. Въ чемъ, спрашивается, разница между дѣйствующимъ гражданскимъ закономъ и правилами устава о займѣ? И опредѣляется договоръ одинаково, и условія

заключенія его одинаковы, одинаковы и послѣдствія договора. Разница наблюдается лишь въ одномъ,—а именно, по ст. 11 устава „судъ въ правѣ. безъ согласія заимодавца, отсрочить или разсрочить уплату долга, если безотлагательное его взысканіе привело бы къ разстройству хозяйства должника; но отсрочка или разсрочка долга не могутъ быть даны судомъ болѣе одного раза“. Но и въ этомъ правилѣ нѣтъ ничего столь необычайнаго, чтобы изъ-за него стоило сочинять крестьянскій кодексъ: по ст. 136 уст. гражд. суд. „въ случаѣ неимѣнія у обвиненной стороны никакихъ наличныхъ средствъ для внесенія присужденной рѣшеніемъ суммы, мировой судья можетъ разсрочить уплату на опредѣленные сроки, смотря по количеству взысканія и способамъ должника къ уплатѣ“... Значитъ, въ вопросѣ о займѣ, въ сравненіи съ дѣйствующимъ закономъ, нѣтъ не только ничего новаго, но и нѣтъ ничего такого, что обуслов-

ливалось-бы особенностями крестьянскаго быта.

Въ статьяхъ устава, говорящихъ о договорѣ *продажи* (ст. 24—42), отсутствуетъ опредѣленіе этого договора, а прямо излагаются взаимныя обязанности сторонъ, отдѣльно въ примѣненіи къ продажѣ движимости, и отдѣльно въ примѣненіи къ продажѣ недвижимости. Статьи устава о продажѣ движимости составлены подъ очевиднымъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ правилъ 1 ч. X т.; въ уставѣ, какъ и въ сводѣ законовъ гражданскихъ, недостаточно оттѣненъ обязательственный характеръ продажи, которая разсматривается, какъ способъ пріобрѣтенія права собственности. Важное значеніе имѣетъ моментъ передачи. Но въ чемъ заключается передача, объ этомъ уставъ не говоритъ; между тѣмъ неясное представленіе о сущности передачи вызываетъ большія недоразумѣнія даже въ практикѣ общихъ судебныхъ мѣстъ. Какъ-же разберется въ этомъ вопросѣ волостной

судъ? Почему для выясненія понятія передачи не обратились къ ст. 1510 ч. 1 т. X или къ воспроизводящей ее ст. 194 Уложенія? Кажется, это результатъ не совсѣмъ яснаго представленія редакторовъ о томъ, что такое продажа. Достаточно ясно разработанъ этотъ вопросъ въ проектѣ Уложенія; отсюда и слѣдовало сдѣлать заимствованія для разрѣшенія такого остраго въ практическомъ отношеніи вопроса, какъ вопросъ о моментѣ перехода права собственности отъ продавца къ покупщику: чѣмъ опредѣленнѣе высказались-бы редакторы при рѣшеніи этого вопроса въ томъ или иномъ направленіи, тѣмъ болѣе облегчили-бы они задачу волостного суда при разрѣшеніи вопроса, кто и съ какого момента является хозяиномъ спорной вещи. Дѣлать выводы изъ смутныхъ положеній закона едва-ли можно требовать отъ волостныхъ судей, и потому лучше сказать, что право собственности на проданную вещь переходитъ къ покупщику въ моментъ

передачи, чѣмъ высказывать такое положеніе: „покупщикъ со времени принятія имущества несетъ послѣдствія его случайнаго уничтоженія или поврежденія; съ того-же времени къ покупщику переходитъ право на всѣ выгоды и доходы съ имущества“ (ст. 30). Но нужно-ли вообще такое положеніе въ законѣ? Вѣдь положеніе это представляетъ собою послѣдствія права собственности. Можетъ быть редакторы имѣли въ виду римское положеніе periculum est emptoris? Если-бы такой взглядъ существовалъ и у крестьянъ, а по мнѣнію редакторовъ слѣдовало-бы признать взглядъ этотъ неправильнымъ и стать на сторону положенія casum sentit dominus, тогда ст. 30 была-бы умѣстна; но сами редакторы въ объясненіи къ ст. 30 говорятъ, что и по крестьянскому обычному праву, при продажѣ движимаго имущества, страхъ за случайную гибель или порчу вещей, до передачи ихъ покупщику, лежитъ на продавцѣ, какъ собственникѣ, и перехо-

дитъ къ покупщику со времени передачи. Какъ заключается договоръ продажи —объ этомъ, къ сожалѣнію, уставъ ничего не говоритъ; а между тѣмъ и въ сводѣ законовъ гражданскихъ, и въ проектѣ уложенія этотъ вопросъ не оставленъ безъ разрѣшенія. Если уставъ (ст. 27) предоставляетъ покупщику право, въ случаѣ уклоненія продавца отъ передачи вещи, отобрать (у кого?) проданное имущество по суду или отказаться отъ договора, то, естественно, возникаетъ вопросъ, когда-же договоръ продажи считается заключеннымъ? Не давая отвѣта на этотъ вопросъ, уставъ ограничивается изложеніемъ обязательствъ, лежащихъ на обоихъ контрагентахъ. Такой порядокъ изложенія нельзя признать удачнымъ. Редакторы сочли нужнымъ исключить изъ устава правила о запродажѣ движимаго имущества, и тѣмъ окончательно лишили договоръ продажи обязательственнаго характера, а все сведено къ передачѣ и къ тѣмъ юридическимъ

послѣдствіямъ, какія возникаютъ изъ передачи, какъ-то въ случаѣ открытія существенныхъ недостатковъ въ проданной вещи или въ случаѣ не своевременнаго совершенія передачи.

„Продажа недвижимостей“ по уставу имѣетъ въ виду отчужденіе усадебныхъ и подворныхъ участковъ надѣльной земли. Обязательственный моментъ этого вида продажи сводится къ правиламъ о запродажѣ (ст. 43—45), а правила о продажѣ надѣльныхъ участковъ (ст. 35—42) представляютъ собою повтореніе уже разсмотрѣнныхъ выше правилъ объ актахъ отчужденія надѣльныхъ земель; послѣднія правила, впрочемъ, гораздо полнѣе. Здѣсь-же, въ правилахъ о продажѣ, говорится и объ отвѣтственности за очистки, причемъ повторяются правила ст. 1427 ч. I т. X.

Какъ заемъ, такъ и продажа изображены въ уставѣ не самобытными чертами, а заимствованными изъ свода и изъ проекта уложенія, не отличаются ничѣмъ, специфически крестьянскому

быту свойственнымъ, и потому правила объ этихъ договорахъ спокойно могли бы оставаться тамъ, откуда они взяты, тѣмъ болѣе, что въ своихъ первоисточникахъ правила эти, въ особенности о продажѣ, изложены вразумительнѣе. „Продажа“ у крестьянъ имѣетъ далеко не то значеніе, какъ въ общей юридической терминологіи; для крестьянина „продать“ значитъ совершить возмездную сдѣлку любого содержанія: поэтому крестьяне и говорятъ о продажѣ „на вѣчность“ и о продажѣ „на года“ разумѣя подъ послѣднимъ видомъ продажи то, что мы понимаемъ подъ арендой. Въ виду такой, своеобразной терминологіи не лишнимъ было-бы подчеркнуть въ уставѣ безповоротность продажи. Редакторы устава этого не сдѣлали, вѣроятно, потому, что въ источникахъ, откуда почерпаются ими статьи для крестьянскаго кодекса, такого указанія не встрѣчается.

Для того, чтобы сочинять законы для имущественнаго оборота крестьянъ,

недостаточно заимствовать наиболѣе простыя положенія изъ дѣйствующихъ законовъ, нужно знать и быть крестьянъ; а знакомство съ бытовыми условіями показало-бы редакторамъ, что и общіе законы заключаютъ въ себѣ достаточно матеріала для разрѣшенія споровъ, возникающихъ между крестьянами, и что при наличности такихъ законовъ не представляется надобности въ особомъ кодексѣ для волостныхъ судовъ.

Недостатокъ въ землѣ принуждаетъ крестьянъ прибѣгать къ арендованію сосѣднихъ земель помѣщичьихъ или крестьянскихъ. Крестьяне, какъ уже сказано было выше, называютъ арендованіе чужого участка— покупкой земли на время. Такая своеобразная конструкція, не лишенная аналогіи и въ историческомъ развитіи права другихъ народовъ, редакторамъ, повидимому, не извѣстна.

Съ другой стороны, крестьяне нерѣдко нуждаются и въ пользованіи чу-

жимъ движимымъ имуществомъ, при томъ не въ видѣ безмезднаго сосѣдскаго одолженія, а подъ условіемъ денежной или иной уплаты за пользованіе.

Казалось-бы, сама природа вещей диктуетъ изображеніе договора имущественнаго найма,—изложеніемъ отдѣльныхъ правилъ для найма движимыхъ имуществъ и отдѣльныхъ—для найма имуществъ недвижимыхъ.

Редакторы поступили не такъ. Въ статьяхъ, говорящихъ о наймѣ (ст. 53—76 устава), излагаются сначала правила о наймѣ имуществъ вообще (53—69), а затѣмъ (ст. 70—76) о наймѣ (арендѣ) земли въ особенности. Наемъ движимыхъ вещей редакторами игнорируется, и въ общихъ правилахъ о наймѣ ни единымъ словомъ даже не упоминается возможность найма движимости. Быть можетъ объяснить это нужно брошенною вскользь фразой въ объяснительной запискѣ (Труды т. IV стр. 116) „что въ сельскомъ быту на-

емъ движимости и наемъ строеній и помѣщеній не имѣютъ широкаго распространенія“. Пусть такъ; но въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же давать отвлеченныя положенія, внѣ связи съ возможными конкретными условіями дѣйствительности? Не должны забывать редакторы, что проектируемые ими судьи—въ толкованіи закона люди темные, въ юриспруденціи несвѣдущіе; а для такихъ людей свята буква закона, и если въ законѣ они не найдутъ указанія на возможность найма движимыхъ имуществъ, то и поймутъ дѣло такъ, что имущественному найму подлежатъ только однѣ недвижимости. Редакторы этого, конечно, не могли думать, но тѣмъ не менѣе написали такія правила, какъ будто-бы нанимаемы могутъ быть только недвижимыя имущества. Это тѣмъ болѣе странно, что проектъ уложенія, по признанію самихъ редакторовъ, даетъ очень подробную разработку вопросовъ о наймѣ имуществъ. Что-же

позаимствовали редакторы изъ уложенія? Они выписали статьи общаго содержанія, говорящія о взаимныхъ обязанностяхъ контрагентовъ,—о своевременной передачѣ нанятаго имущества (56 улож. ст. 282 и 318 уложенія), о необходимыхъ починкахъ (ст. 57—ст. 287) и о послѣдствіяхъ уклоненія наймодавца отъ починокъ (ст. 58—ст. 306, 318), о безпрепятственномъ со стороны наймодавца правѣ пользованія нанимателя (ст. 59—ст. 284, 318), о характерѣ пользованія нанятымъ имуществомъ (ст. 60—ст. 297, 317), объ обязанности нанимателя уплачивать наемную плату (ст. 61—ст. 290, 317), объ отвѣтственности нанимателя за гибель нанятаго имущества (ст. 62—ст. 299), о правѣ поднайма (ст. 63—ст. 307); изъ 1 ч. X т. заимствовано правило о продолжительности имущественнаго найма (нормально 12 лѣтъ), изъ кодифицированной уложеніемъ судебной практики—правило о послѣдствіяхъ отчужденія отданнаго въ наемъ

имущества. Присочинили редакторы отъ себя одно положеніе въ ст. 59, а именно: „за совершеніе дѣйствій, стѣсняющихъ нанимателя въ пользованіи нанятымъ имуществомъ, наймодавецъ можетъ быть подвергнутъ штрафу въ размѣрѣ до тридцати рублей; этотъ штрафъ поступаетъ въ пользу нанимателя, который, однако, не лишается права и на вознагражденіе за причиненные ему убытки“. Не лучше-ли посадить наймодавца въ тюрьму на весь срокъ наемнаго договора? тогда, по крайней мѣрѣ, ужъ навѣрное наниматель не будетъ стѣсненъ въ пользованіи нанятымъ имуществомъ. „По мнѣнію коммиссіи, одна угроза этого штрафа уже сама по себѣ во многихъ случаяхъ удержитъ наймодавца отъ производства дѣйствій, стѣсняющихъ пользованіе нанимателя, или, по крайней мѣрѣ, отъ повторенія подобныхъ дѣйствій (т. IV стр. 126). Если отвѣтственность за причиненные нанимателю убытки, простирающіеся, быть можетъ, до многихъ сотенъ

рублей, не удержитъ наимодавца отъ „производства“ стѣсненій, то почему же удержала-бы его угроза штрафа до 30 рублей? Штрафы въ гражданскомъ правѣ вообще не умѣстны, а опредѣленные точной суммой лишены разумнаго основанія. Эта попытка редакторовъ внести въ гражданскій споръ карательный элементъ должна быть признана совсѣмъ неудачной; съ нею можно было-бы еще примириться, если-бы проектируемый штрафъ поставленъ былъ въ какое либо соотношеніе съ причиненными нанимателю убытками, а то онъ даетъ лишь волостному суду возможность сорвать свое негодованіе назначеніемъ этой, при иныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть, совершенно ничтожной суммы.

Въ проектѣ уложенія имѣется рядъ статей (стат. 327—332), заимствованныхъ изъ французскаго кодекса—о наймѣ скота. Сельско-хозяйственное значеніе этого вида найма давало-бы, кажется, основаніе внести

этотъ договоръ въ будущій крестьянскій кодексъ; редакторы этого не сдѣлали, давая тѣмъ основаніе подозрѣвать, что наемъ движимости вообще не признается.

Такъ какъ общія правила о наймѣ имущественномъ имѣютъ въ виду только недвижимость, то остальныя правила о наймѣ земли можно было бы признать и излишними. Но редакторы, сославшись на всѣ вышеизложенныя правила, даютъ и спеціальныя постановленія объ арендѣ, слѣдующаго содержанія: хозяинъ въ правѣ, въ случаѣ неполученія платы за истекшій или истекающій хозяйственный годъ, задержать безъ содѣйствія властей урожай, собранный нанимателемъ съ наемной земли въ размѣрѣ, достаточномъ для покрытія причитающейся платы (ст. 71), однако-же не въ томъ случаѣ, если несвоевременность уплаты обусловливается неурожаемъ; въ этомъ случаѣ уплата можетъ быть отсрочена или разсрочена. Неумѣлое веденіе хозяйства

можетъ привести, по требованію наймодавца, къ расторженію договора". Редакторы отождествляютъ аренду и наемъ полевой земли, что является совершенно произвольнымъ: предметомъ аренды можетъ быть всякая недвижимость, способная приносить плоды (fructus naturales и civiles). Правда, проектъ уложенія не выдѣляетъ аренды въ особый типъ найма недвижимаго имущества, но это не извиненіе для редакторовъ: разъ они вознамѣрились создать спеціальный для крестьянскаго быта законъ, то должны были выписать статью изъ уложенія умѣло и соотвѣтственно предустановленной цѣли —примирить крестьянское право съ общими началами всякаго гражданскаго законодательства и наукой права. А на дѣлѣ выходитъ, что, съ одной стороны, сдѣланы заимствованія отвлеченныхъ положеній, касающихся найма недвижимыхъ имуществъ, а съ другой— дается неправильная квалификація наи-

7

болѣе существеннаго для крестьянъ типа договора.

Не говоря уже о проектѣ уложенія, относительно котораго еще и гадать не время, превратится-ли онъ въ законъ, даже и 1 ч. X т. разрѣшаетъ намъ тѣ вопросы, относительно найма недвижимости, которые угодно было редакторамъ внести въ уставъ; дѣйствующій законъ полнѣе и въ томъ отношеніи, что не игнорируетъ и найма движимыхъ имуществъ. Выводъ отсюда такой: чѣмъ дѣлать неудачныя выписки изъ закона дѣйствующаго и изъ проекта уложенія, лучше заставить говорить эти первоисточники; въ нихъ даже волостные суды разберутся съ большею легкостью, чѣмъ въ неудачно составленной юридической хрестоматіи, именуемой сельскимъ уставомъ.

Нельзя не сдѣлать того-же вывода и относительно статей устава, говорящихъ о *личномъ наймѣ*. Договоръ личнаго найма въ примѣненіи къ крестьянамъ вызываетъ у читателя пред-

ставленіе, что рѣчь пойдетъ о тѣхъ, главнымъ образомъ, договорахъ, въ которыхъ крестьяне являются стороной, предлагающей свой трудъ, такъ какъ крестьяне и составляютъ у насъ наибольшій контингентъ рабочихъ. Къ удивленію своему читатель не найдетъ въ уставѣ ничего, специфически относящагося къ личному найму у крестьянъ. Ст. 89—127 устава содержатъ въ себѣ постановленія въ одинаковой мѣрѣ примѣнимыя ко всякому сословію, и въ нихъ нѣтъ ничего свойственнаго спеціально крестьянству. Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться: идетъ въ этихъ статьяхъ рѣчь объ одной фигурѣ, которая, несмотря на скромность своего положенія, должна оставить рѣзкій слѣдъ въ исторіи нашего права—если проекту устава суждено превратиться въ законъ: это пастухъ, нанимаемый крестьянскимъ обществомъ. Изъ-за этого пастуха сочиненъ весь проектъ устава о договорахъ; по крайней мѣрѣ въ объяснительной запискѣ (т. IV стр. 9),

кромѣ договора о наймѣ пастуха, не указано въ оправданіе необходимости сочинить уставъ никакого иного юридическаго отношенія, спеціально свойственнаго крестьянству, а этотъ договоръ—о наймѣ пастуха—признается „весьма отличнымъ по своей юридической природѣ отъ прочихъ видовъ личнаго найма“.

Будущее историческое значеніе этого договора, естественно, заставляетъ насъ ближе остановиться на разсмотрѣніи относящихся сюда статей. Прежде всего мы видимъ, что „наемъ пастуховъ крестьянскими обществами производится на основаніяхъ, изложенныхъ въ ст. 89—117 настоящаго устава (т. е. общихъ статей о личномъ наймѣ) съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ (124—127)“; а въ этихъ четырехъ статьяхъ говорится о томъ, какъ опредѣляется рядная плата пастуху (оптомъ или по числу чередовъ либо головъ—ст. 124), какъ раскладывается

эта плата между домохозяевами (ст. 125, 126) и какую отвѣтственность несетъ пастухъ за гибель животнаго, находящагося въ порученномъ его смотрѣнію стадѣ (ст. 127). Контрагентами являются общество крестьянъ и пастухъ, въ чемъ, конечно, нѣтъ никакой особенности въ сравненіи съ другими договорами, гдѣ одной стороной является коллективный субъектъ; нѣтъ ничего особеннаго и въ томъ, что рядная плата назначается оптомъ или отъ головы, потому что и въ послѣднемъ случаѣ предметомъ требованія пастуха является однажды установленная, путемъ извѣстнаго способа, денежная сумма или иное вознагражденіе. Особенность договора съ пастухомъ выражается только въ его отвѣтственности за гибель скота: понятно, что за гибель скотины, по винѣ пастуха, послѣдній долженъ отвѣчать; понятно и то, что за гибель скотины, вслѣдствіе случайной причины, пастухъ не отвѣчаетъ; но совершенно непонятно слѣ-

дующее положеніе устава: „если нельзя въ точности установить, какимъ образомъ произошелъ вредъ съ входящимъ въ составъ стада животнымъ, по винѣ ли пастуха или же по случайной причинѣ, то судъ можетъ, исчисливъ сумму понесенныхъ хозяиномъ скота убытковъ, присудить пастуха къ уплатѣ половины или какой-либо меньшей доли этой суммы“ (ст. 127). Несомнѣнно, ни съ общими началами нашего гражданскаго закона, ни съ началами науки права, ни съ самыми скромными требованіями логики нельзя примирить определяемую уставомъ отвѣтственность несчастнаго пастуха. До сихъ поръ общія начала законодательства и науки права учили насъ, что отвѣчаетъ только виноватый; а тутъ пастухъ хотя и не виновенъ, но долженъ отвѣчать, правда лишь въ размѣрѣ половины понесеннаго хозяиномъ животнаго убытка. Пастухъ такимъ образомъ попадаетъ въ положеніе болѣе тяжкое, чѣмъ по дѣйствующему закону

желѣзнодорожныя и пароходныя предпріятія, а по уложенію—вообще промышленныя предпріятія.

Эти своеобразныя основанія отвѣтственности безъ вины виноватаго пастуха сами за себя говорятъ, и на оцѣнкѣ ихъ, съ юридической точки зрѣнія, не приходится дольше останавливаться. Но любопытно, что желаніе возложить на бѣднаго пастуха такую своеобразную отвѣтственность привела редакторовъ къ мысли о необходимости составленія для крестьянъ особаго кодекса частнаго права. Неужели это то право, „которое должно быть проникнуто началами справедливости и этики"?

Кромѣ „самобытныхъ" правилъ объ отвѣтственности пастуха, всѣ прочія статьи, посвященныя договору личнаго найма, представляютъ собою добросовѣстное воспроизведеніе соотвѣтствующихъ статей 1 ч. X т. и уложенія. Не забытъ редакторами и договоръ о наймѣ домашней прислуги — это у

крестьянъ-то? А о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы уставъ не говоритъ. Очевидно, эта часть проекта устава о договорахъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя по мысли редакторовъ подлежатъ постепеннымъ въ послѣдующемъ измѣненіямъ и исправленіямъ, по мѣрѣ выясненія на опытѣ того, что представлялось неяснымъ при самомъ составленіи проекта. Если такъ, то, значитъ, при составленіи проекта не были въ достаточной мѣрѣ сознаны тѣ условія, которыя яко-бы дѣлали необходимымъ созданіе особаго сельскаго устава.

Можно-ли при такихъ условіяхъ составленія законопроекта ожидать, чтобы онъ удовлетворительно разрѣшилъ ту намѣренно поставленную задачу, ради которой трудились редакторы?

Подобно тому, какъ главные изъ договоровъ — заемъ, продажа, наемъ личный и имущественный, не представляютъ собою чего-либо специфиче-

ски свойственнаго тому или другому сословію, почему въ изображеніи ихъ въ уставѣ мы не находимъ характерныхъ особенностей, обусловливаемыхъ крестьянскимъ бытомъ, такъ-же точно и во всѣхъ остальныхъ договорахъ редакторы остались вѣрны себѣ, заимствуя изъ готовыхъ и всѣмъ доступныхъ источниковъ то, что по своей отвлеченной формулировкѣ можетъ быть одинаково примѣнимо ко всѣмъ вообще субъектамъ гражданскаго права. Продолжать начатое выше сопоставленіе договоровъ устава съ договорами I ч. X т. и уложенія, было-бы и утомительно, и безцѣльно, тѣмъ болѣе, что и сами редакторы не скрываютъ своихъ заимствованій. Достаточно сказать, что въ уставѣ о договорахъ нѣтъ ничего такого, что не было-бы изложено въ законѣ или въ проектѣ уложенія, а если въ сводѣ законовъ гражданскихъ и въ особенности въ проектѣ уложенія есть такія постановленія, которыя остались не заимствованными въ проектъ

устава, то это объясняется тѣмъ, что съ подобными постановленіями крестьянскій оборотъ не имѣетъ ничего общаго. Но вытекаетъ-ли отсюда, что для крестьянъ нужно составлять особый гражданскій кодексъ, ограничиваясь въ его сочиненіи тѣмъ, что изъ общаго закона исключаются статьи, не находящія себѣ примѣненія къ крестьянскому быту? Извѣстно, напримѣръ, что векселя не могутъ быть выдаваемы лицами духовными; извѣстно, что монашествующимъ и посвященнымъ въ іерейскій и діаконскій санъ бракъ вовсе воспрещается; извѣстно, что опека надъ дѣтьми священнослужителей, не принадлежащихъ къ потомственному дворянству, назначается духовнымъ начальствомъ: возможно-ли отсюда вывести, что духовенство подлежитъ дѣйствію особыхъ гражданскихъ законовъ, и что для духовныхъ нужно составить особый гражданскій кодексъ, въ который вошли-бы изъ общаго закона только тѣ статьи, примѣненіе коихъ

къ духовенству не вызываетъ у законодателя сомнѣній? Или—учреждать заповѣдныя имѣнія могутъ только потомственные дворяне; только потомственные дворяне могутъ быть кліентами Государственнаго Дворянскаго банка: слѣдуетъ-ли отсюда, что для дворянъ дѣйствуетъ одно гражданское право, а для городскихъ обывателей другое, что для дворянъ долженъ существовать отдѣльный гражданскій кодексъ, въ который подлежали-бы внесенію всѣ статьи общаго содержанія и спеціальныя статьи о заповѣдныхъ имѣніяхъ и о дворянской опекѣ, а для городскихъ обывателей нужно было-бы составить особый городской гражданскій кодексъ, въ которомъ о спеціально дворянамъ свойственныхъ правахъ ничего не упоминалось-бы? Можно пойти и еще дальше. Для лицъ польскаго происхожденія, въ Западныхъ губерніяхъ, нужно было-бы сочинять особый кодексъ, куда внесены были-бы законы ограничительные и общіе, а для лицъ русскаго

происхожденія достаточно было-бы кодекса съ одними общими, безъ изъятій для поляковъ, законами. Для евреевъ нужно было-бы сочинить отдѣльный гражданскій кодексъ, который, разумѣется, отличался-бы чрезвычайной краткостью. Однимъ словомъ, всѣ группы населенія, объединенныя происхожденіемъ, вѣроисповѣданіемъ, принадлежностью къ тому или иному сословію, въ правѣ были-бы разсчитывать на отдѣльные гражданскіе кодексы, и такихъ кодексовъ было-бы столько, сколько можетъ быть установлено отдѣльныхъ группъ, объединенныхъ тѣмъ или инымъ началомъ. Это знаменовало-бы собою поворотъ къ тѣмъ давно прошедшимъ временамъ, когда каждый судился по своему закону. Государства Западной Европы ставили всегда своею цѣлью объединеніе гражданскаго закона, и исторія законодательства на Западѣ сводится въ претвореніе мѣстныхъ и сословныхъ партикуляризмовъ въ нормы общаго единаго для всего государ-

ства гражданскаго права. Правда, у насъ сознаніе необходимости единства гражданскаго закона еще очень слабо. Мы съ какимъ-то непонятнымъ страхомъ взираемъ на гражданскіе законы, дѣйствующіе на нашихъ окраинахъ, боимся почему-то прикоснуться къ этимъ законамъ, хотя сочинили такой проектъ гражданскаго уложенія, который, по сколько онъ заимствованъ въ отдѣльныхъ своихъ статьяхъ изъ законодательствъ европейскихъ и американскихъ, долженъ-бы встрѣтить одобреніе въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Редакторы проекта уложенія сознательно отказываются отъ распространенія будущаго уложенія на западныя наши окраины, хотя въ то-же время считаютъ, что на той территоріи, на которой будущее уложеніе призвано дѣйствовать, оно должно быть единымъ гражданскимъ закономъ, распространяющимся на всѣ сословія, въ томъ числѣ и на крестьянъ. Напротивъ, редакторы законоположеній о крестья-

нахъ утверждаютъ, что для крестьянъ должны быть особые гражданскіе законы, потому что общій гражданскій законъ для волостныхъ судовъ оказывается яко-бы недоступнымъ по своей сложности. Мы видѣли, что въ области вопросовъ договорнаго права редакторы составили неудачную хрестоматію изъ дѣйствующихъ и будущихъ нормъ нашего гражданскаго права. Но любопытно остановиться на выясненіи той цѣли, которую преслѣдуютъ редакторы проекта сельскаго устава, взявъ на себя задачу составить особый крестьянскій кодексъ частнаго права. О побудительныхъ причинахъ къ составленію устава и цѣляхъ сего произведенія редакторы говорятъ дважды—въ Очеркѣ работъ (т. I) и во введеніи къ т. IV Трудовъ, и—странное дѣло!—вполнѣ здраво разсуждая о неудобствахъ сословныхъ законовъ, редакторы приходятъ къ неожиданному выводу о цѣлесообразности отдѣльнаго крестьянскаго кодекса. Выводъ, очевидно, не соотвѣтствуетъ

мотивамъ, и это странное явленіе нужно объяснить, вѣроятно, тѣмъ, что то, что выдается за выводъ и за плодъ глубокаго убѣжденія комиссіи (комиссія имѣетъ одни только глубокія убѣжденія, и при томъ по всѣмъ вопросамъ) въ сущности есть не выводъ, а предвзятое положеніе, нуждающееся въ оправданіи; но положеніе, видимо, принадлежитъ не тѣмъ авторамъ, которые сочиняли оправдательные мотивы: отсюда и разладъ между мотивами и выводомъ. Подъ мотивами смѣло могъ-бы подписаться каждый убѣжденный сторонникъ единаго гражданскаго права. И въ самомъ дѣлѣ, разсуждая объ обязательственномъ правѣ, редакторы высказываютъ слѣдующія справедливыя мысли: „Само собою разумѣется, законодатель долженъ не только не препятствовать гражданско-правовому сближенію крестьянства съ остальными сословіями, но, напротивъ, всячески споспѣшествовать этому сближенію, ибо населеніе страны можетъ

сплотиться въ цѣльный и сильный общественный организмъ не прежде, чѣмъ всѣ его составныя части придутъ къ полному объединенію въ сферѣ гражданскаго права“ (т. IV стр. 8). Нѣсколько выше (стр. 6), разсуждая о матеріалѣ для составленія крестьянскаго кодекса, редакторы говорятъ: „одновременное существованіе въ государственной жизни двухъ отдѣльныхъ системъ гражданскаго права, писанной, т. е. общаго гражданскаго закона, и не писанной, т. е. обычаевъ, примѣняемыхъ во внутреннихъ отношеніяхъ извѣстныхъ группъ и слоевъ населенія, не можетъ не вызвать между ними постоянной борьбы, результатомъ которой всюду и всегда является побѣда закона надъ обычаемъ“. „Слабѣе всего сопротивленіе обычая закону именно въ области обязательственныхъ отношеній, такъ какъ они изъ всѣхъ частей гражданскаго права отличаются наибольшей гибкостью, подвижностью, а слѣдовательно и подат-

ливостью. Въ частности, въ нашемъ быту крестьянство, приходя въ постоянное соприкосновеніе съ лицами прочихъ сословій и подчиняясь, по возникающимъ изъ этихъ отношеній спорамъ, общимъ законамъ гражданскимъ, должно было мало-по-малу почувствовать тяготѣніе къ тому, чтобы войти въ общее русло гражданско-правовой жизни государства... Не остаются безъ вліянія на стремленіе крестьянъ къ правовому единенію съ остальными категоріями гражданъ и успѣхи просвѣщенія въ деревнѣ, а также постепенный переходъ ея отъ односторонняго земледѣльческаго быта къ болѣе широкимъ торговымъ и промышленнымъ интересамъ. Всей совокупностью указанныхъ обстоятельствъ объясняется неудержимое просачиваніе въ народное правосознаніе правовыхъ понятій, свойственныхъ высшимъ классамъ русскаго народа и получившихъ выраженіе въ общихъ гражданскихъ законахъ“ (стр. 7).

И такъ, редакторы констатируютъ стремленіе крестьянъ подчиниться дѣйствію общаго гражданскаго закона, заявляютъ, что стремленіе это не остается безъ результатовъ, ибо общій законъ неудержимо просачивается въ правосознаніе крестьянъ, объясняютъ и причины этого явленія, во всякомъ случаѣ благопріятнаго полному объединенію всѣхъ составныхъ частей населенія въ сферѣ гражданскаго права. Полною послѣдовательностью отличается и слѣдующій выводъ редакторовъ: „Можно безъ преувеличенія сказать, что мало-по-малу, хотя, быть можетъ, и не скоро, всѣ слои населенія Имперіи самостоятельно, безъ всякаго внѣшняго давленія, пришли-бы въ сферѣ договорно-обязательственнаго права къ полному единенію“.

Значитъ, умозаключитъ отсюда простодушный читатель, въ настоящее время имѣются на лицо всѣ условія для объединенія всѣхъ сословій, по крайней мѣрѣ въ области обязатель-

ственнаго права. Вовсе нѣтъ, отвѣчаютъ редакторы,—хотя и нѣтъ препятствій къ объединенію крестьянъ съ прочими сословіями въ смыслѣ распространенія на первыхъ общаго гражданскаго закона объ обязательствахъ, но—для крестьянъ долженъ быть составленъ особый кодексъ договорнаго права. Почему? Развѣ таково должно быть заключеніе изъ приведенныхъ выше посылокъ? Если дѣлать такіе „выводы", то не нужно и вообще сочинять объяснительныхъ записокъ, не нужно предлагать проекты на обсужденіе различныхъ совѣщаній; можно ограничиться изданіемъ закона, не прибѣгая къ заключеніямъ свѣдущихъ лицъ, игнорируя отзывы печати, не считаясь съ общественнымъ мнѣніемъ. Но разъ стали на путь предварительнаго обсужденія законопроекта въ совѣщаніяхъ и въ печати, то обсужденіе это должно совершаться по законамъ логики, обязательнымъ и для редакціонной комиссіи. Между тѣмъ ко-

миссія, сдѣлавъ изъ правильныхъ посылокъ ложный выводъ, и на сей разъ прикрывается своимъ глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, въ чемъ она, по ея-же собственнымъ заявленіямъ, вовсе не можетъ быть убѣждена. Какова-же, спрашивается, цѣнность этихъ убѣжденій?

Пусть эти глубокія мнѣнія и убѣжденія остаются при редакторахъ, но лицъ, не имѣющихъ чести принадлежать къ числу членовъ комиссіи, эти убѣжденія не могутъ заставить повѣрить, что, разъ нѣтъ препятствій для объединенія права, а напротивъ на лицо всѣ условія для объединенія,—то право крестьянъ не должно быть объединено съ правомъ прочихъ сословій, а, напротивъ, между правомъ одной и другой частей населенія должна быть создана непереходимая пропасть. Изъ высказанныхъ редакторами соображеній можно сдѣлать одинъ лишь выводъ: никакого отдѣльнаго закона для крестьянъ, въ особенности въ области дого-

ворнаго права, не нужно, потому что крестьяне стремятся подчиниться дѣйствію общаго гражданскаго закона, а общій гражданскій законъ вполнѣ пригоденъ къ тому, что на почвѣ его разрѣшались всѣ договорныя между крестьянами отношенія. Впрочемъ, и сами редакторы не прочь сдѣлать такой выводъ, какъ это обнаруживается изъ ихъ соображеній о томъ, изъ какого матеріала долженъ быть составленъ сельскій уставъ о договорахъ: „уставъ этотъ только тогда можетъ удовлетворить *безспорно уже сознанной и все увеличивающейся въ нашемъ быту потребности въ единеніи на почвѣ гражданскаго права вообще и договорно обязательственнаго права въ особенности всѣхъ сословій и классовъ населенія*, когда онъ будетъ по возможности приближаться къ общимъ гражданскимъ законамъ“. Вотъ въ чемъ понятная разумная цѣль редакторовъ—объединеніе права. Слѣдовательно, право общее должно быть распространено и на кресть-

янъ, и при томъ не въ формѣ сочиненія хрестоматіи ad usum delphini, а въ полномъ своемъ видѣ, какъ совокупность статей 1 ч. X т. Св. з. или какъ будущее гражданское уложеніе. Вѣдь и сами редакторы, опредѣляя составленіе особаго кодекса, говорятъ: „Сказанное *не слѣдуетъ* понимать, однако, въ томъ смыслѣ, что самый уставъ о договорахъ долженъ являться лишь упрощеннымъ со стороны внѣшняго изложенія, и сокращеннымъ, примѣнительно къ встрѣчающимся въ крестьянскомъ быту обязательственнымъ правоотношеніямъ, сборникомъ нормъ нашего общаго договорно обязательственнаго права“ (стр. 8). Конечно, не слѣдуетъ; но не слѣдуетъ и вообще браться за сочиненіе кодекса, разъ существуетъ уже такой кодексъ, который пригоденъ для всего населенія Имперіи, или, по крайней мѣрѣ, для большей ея части. Отказавшись отъ этой задачи, редакторы не были-бы поставлены въ печальную и скучную необходимость переписывать дѣйствующія

правила объ обязательствахъ и доказывать въ объяснительной запискѣ, что списанное изъ свода или изъ проекта уложенія правило примѣнимо къ крестьянамъ. Не зачѣмъ доказывать то, что въ доказательствахъ не нуждается. То, что изъ общаго закона объ обязательствахъ оказалось-бы къ крестьянамъ непримѣнимымъ, по экономическимъ условіямъ крестьянскаго быта, не мѣшаетъ распространенію на крестьянъ другихъ нормъ, примѣнимыхъ къ крестьянамъ. Изъ того, что, допустимъ, какой либо дворянинъ или городской обыватель иногда не выдавалъ и не выдаетъ векселей, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы законы о векселяхъ не могли быть примѣнены къ нему въ томъ случаѣ, если-бы онъ оказался векселедателемъ; изъ того, что кто либо не занимается игрой и не участвуетъ въ лотереяхъ, не слѣдуетъ, чтобы законы объ игрѣ и лотереѣ не могли-бы быть примѣнены къ нему, когда онъ станетъ играть; изъ того, что крестьяне акці-

онерныхъ компаній не составляютъ, не слѣдуетъ, чтобы законы объ акціонерныхъ предпріятіяхъ должны были бы найти себѣ особое мѣсто въ законодательствѣ. Можно принадлежать къ любому сословію, къ любой группѣ населенія и тѣмъ не менѣе, при стеченіи соотвѣтствующихъ обстоятельствъ, подвергнуться дѣйствію такого закона, о примѣненіи котораго при иныхъ условіяхъ не возникаетъ и рѣчи; но это не значитъ, что на каждый случай нуженъ отдѣльный, то болѣе, то менѣе полный гражданскій кодексъ. Во всякомъ случаѣ, что касается договорныхъ обязательствъ, то въ этой области права никакого отдѣльнаго закона для крестьянъ не нужно, все равно, будетъ-ли разбирать возникающіе на почвѣ договоровъ споры между крестьянами волостной судъ, или общія судебныя установленія. То, что сдѣлали въ этой области права редакторы сельскаго устава, то вовсе не можетъ составлять заботы

законодателя: найдутся предпріимчивые люди, которые сдѣлають выписки изъ законовъ и составятъ сборникъ наиболѣе примѣнимыхъ въ крестьянскомъ быту положеній; такіе сборники, снабженные авторитетными разъясненіями подлежащихъ учрежденій, составляютъ предпріятіе коммерческое, не претендуя на значенія законодательнаго источника. Кто довѣряетъ этимъ сборникамъ, тотъ обращается къ нимъ; но осторожнѣе имѣть дѣло съ подлиннымъ текстомъ закона по оффиціальному изданію.

Не дѣло законодательной комиссіи составлять выписки изъ законовъ, выдавая сборникъ такихъ выписокъ за отдѣльный законъ. Проектъ устава о договорахъ работа безплодная, не оправдываемая какими либо сколько нибудь серьезными соображеніями. Если редакторы характеризуютъ эту часть своей работы „до дерзости смѣлой“, то несомнѣнно они ошибаются или отличаются чрезвычайной робостью: много

ли нужно смѣлости, чтобы заниматься выписываніемъ изъ законовъ готовыхъ статей? „Смѣлость до дерзости"—не въ сочиненіи устава, а въ оправданіи необходимости такого сочиненія. Но мы видѣли, какова логическая цѣнность этого оправданія.

Если въ такой свободной отъ историческихъ и національныхъ особенностей области, какова область отношеній обязательственнаго права, глубокое убѣжденіе редакторовъ привело ихъ къ мысли о необходимости „составить" особый сельскій уставъ, то тѣмъ понятнѣе была-бы мысль о созданіи отдѣльнаго устава о наслѣдованіи крестьянъ, потому что законы о наслѣдованіи у разныхъ народовъ отличаются національными и историческими чертами. Однако, редакторы рѣшились на составленіе устава о наслѣдованіи не сразу. Сначала „редакціонная коммиссія приняла во вниманіе, что съ точки зрѣнія теоретической *необходимость единства гражданскихъ зако-*

ювъ для всѣхъ классовъ населенія представляется началомъ безспорнымъ" (т. IV стр. 350). Было-бы, конечно, безопаснѣе для солидности „выводовъ" редакціонной комиссіи не говорить о безспорности этого начала; но редакторы провозглашаютъ безспорность этого положенія и продолжаютъ: „Съ этой точки зрѣнія единственно правильнымъ исходомъ изъ вышеизложенныхъ затрудненій слѣдовало-бы признать распространеніе и на дѣла по наслѣдованію крестьянъ дѣйствія 1 ч. X т. св. з., а по изданіи проектированнаго гражданскаго уложенія—дѣйствія сего послѣдняго. Но болѣе внимательное изученіе вопроса приводитъ къ инымъ выводамъ. Эти иные выводы, коротко говоря, заключаются въ томъ, что наслѣдованіе крестьянъ должно быть опредѣляемо не общимъ закономъ, а особымъ сельскимъ уставомъ о наслѣдованіи.

Если и у редакторовъ была будто-бы мысль ограничиться распростране-

ніемъ общаго закона на крестьянъ въ вопросахъ наслѣдственнаго права, то тѣмъ любопытнѣе остановиться на тѣхъ вѣскихъ мотивахъ, благодаря которымъ редакторы отъ первоначальной мысли отказались. Это тѣмъ болѣе интересно, что общій законъ не предполагаетъ своего распространенія на наслѣдованіе у крестьянъ; такъ, ст. 1184 ч. 1 т. X, перечисляя особенные порядки наслѣдованія въ случаяхъ, изъ общихъ правилъ изъятыхъ, въ п. 5 постановляетъ: „особенный порядокъ наслѣдованія, различный отъ общаго, установляется—въ наслѣдованіи сельскихъ обывателей и колонистовъ"; примѣчаніе же къ этой статьѣ, между прочимъ, говоритъ: „особыя правила о порядкѣ наслѣдованія въ имуществахъ, остающихся послѣ сельскихъ обывателей и колонистовъ, изложены въ законахъ о состояніяхъ и въ особомъ къ симъ законамъ приложеніи". Юристамъ хорошо извѣстно, что это примѣчаніе ст. 1184 обѣщаетъ больше, чѣмъ сколько въ

дѣйствительности даетъ IX т. св. зак. и особое приложеніе къ нему, потому что въ текстѣ IX т. не говорится о наслѣдованіи крестьянъ, а въ общемъ положеніи ст. 13 (по изд. 1902 г.) гласитъ: „въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями". „Дозволяется" не значитъ, разумѣется, „предписывается"; дозволеніе пользоваться обычаемъ не исключаетъ возможности пользоваться и закономъ. Быть можетъ, въ этой возможности руководствоваться обычаемъ, не исключающей возможности пользоваться закономъ, и заключается тотъ различный отъ общаго порядокъ наслѣдованія, о которомъ говоритъ ст. 1184? Такая явная неудовлетворительность закона о наслѣдованіи у крестьянъ вызываетъ совершенную необходимость установленія для крестьянъ точно опредѣленныхъ правилъ о наслѣдственномъ усвоеніи имуществъ, оставшихся послѣ умершаго. Какимъ-же закономъ долж-

ны быть опредѣляемы наслѣдственныя права крестьянъ—общимъ или особеннымъ, или, наконецъ, обычаемъ? Редакторы, разумѣется, высказываются противъ общаго закона; но въ то-же время они и не отстаиваютъ исключительнаго примѣненія къ крестьянамъ закона спеціальнаго, оставляя въ вопросахъ наслѣдованія широкій просторъ примѣненію обычая. Нынѣшнее безотрадное положеніе вопроса о наслѣдованіи не упраздняется такимъ образомъ и на будущее время, такъ какъ за обычаемъ предположено сохранить значеніе нормы, разрѣшающей вопросы о наслѣдованіи и отмѣняющей дѣйствіе закона. Конечно, еслибы возможно было констатировать существованіе обычая убѣдительными для всѣхъ способами, то обычай пріобрѣлъ-бы значеніе очень серьезной нормы. Но способы установленія обычаевъ, рекомендуемые редакторами, едва-ли могутъ убѣдить судебное мѣсто въ дѣйствительномъ существованіи обы-

чая: „существованіе мѣстнаго обычая почитается доказаннымъ, если онъ однообразно примѣнялся волостными судами въ прежнихъ его рѣшеніяхъ, или если онъ удостовѣряется приговоромъ мѣстнаго сельскаго схода, *особо для того созваннаго по распоряженію земскаго начальника,* на основаніи ходатайства тяжущагося" (т. IV стр. 358). Правда, однообразное разрѣшеніе однообразныхъ казусовъ даннымъ волостнымъ судомъ можетъ считаться за доказательство того, что соблюдаемый въ рѣшеніяхъ взглядъ выражаетъ собою мѣстную обычную норму, и въ этомъ чрезъ судебныя рѣшенія познаваемомъ обычаѣ (res similiter judicatae) и выражается норма извѣстнаго права. Иное дѣло—второй способъ установленія обычая сельскимъ сходомъ, созываемымъ ad hoc.

Нужно имѣть нѣкоторое знакомство съ крестьянскими претензіями для того, чтобы понять, въ какой мѣрѣ могутъ быть дѣлаемы ссылки на обы-

чай, въ особенности если подаваемое въ судъ прошеніе написано адвокатомъ—профессіональнымъ ходатаемъ по крестьянскимъ дѣламъ. Какихъ только положеній не устанавливаютъ они ссылкой на обычай? Вѣдь каждый крестьянскій искъ имѣетъ своимъ предметомъ домогательство о надѣльной землѣ, и каждая претензія основана на такомъ или иномъ отношеніи истца къ умершему домохозяину, такъ что каждый искъ въ основѣ своей покоится на правѣ наслѣдованія. И вотъ на этой почвѣ возбуждается ходатайство предъ судомъ объ установленіи обычая для оправданія претензіи на наслѣдство; просятъ не только установить порядокъ призванія къ наслѣдованію или порядокъ раздѣла наслѣдства, обычно соблюдаемые, но и такія положенія, какъ то, напр., что въ данной мѣстности по обычаю не соблюдается правило о давности иска о наслѣдствѣ, или то, что по мѣстному обычаю выходящія замужъ со двора дочери не теряютъ права на

пользованіе родительскимъ надѣломъ. Фантазія профессіональныхъ ходатаевъ не имѣетъ предѣловъ; связывать претензію съ наслѣдственнымъ правомъ не составляетъ особаго труда, и въ результатѣ для каждой земельной претензіи пришлось бы устанавливать обычай. Установленіе обычая путемъ ссылки на прецеденты въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ еще допустимо. Но установленіе обычая путемъ соотвѣтствующихъ приговоровъ сельскихъ сходовъ вызываетъ большія сомнѣнія. Тутъ возникаетъ именно опасеніе, не прибавится ли къ многосложнымъ обязанностямъ земскаго начальника еще одна не предусмотрѣнная закономъ функція—творца обычнаго права? потому что хотя существованіе обычая можетъ быть установлено въ каждомъ случаѣ сельскимъ сходомъ, но сельскій сходъ созывается земскимъ начальникомъ по его усмотрѣнію (ст. 35 Пол. о кр. общ. упр.), и, значитъ, прежде всего отъ земскаго начальника зави-

ситъ признать или не признать основательность ходатайства объ установленіи обычая: если земскій начальникъ не признаетъ ходатайство основательнымъ, то пресѣкается уже возможность установить обычай, хотя, быть можетъ, обычай дѣйствительно и существуетъ; если земскій начальникъ сочтетъ, что тотъ обычай, объ установленіи существованія коего ходатайствуетъ проситель, могъ бы существовать, то сельскій сходъ будетъ созванъ и, вѣроятно, признаетъ, что формулированный въ предписаніи земскаго начальника обычай дѣйствительно существуетъ. Земскій начальникъ окажется такимъ образомъ если не въ роли творца, то въ роли регулятора обычнаго права крестьянъ, и какъ ни почтенна такая роль, но едва ли она предусмотрѣна законоположеніемъ о земскихъ начальникахъ. Впрочемъ, быть можетъ, для установленія обычая, какъ явленія внѣ закона существующаго, не представляется и надобности въ закономѣрной дѣя-

тельности земскаго начальника? Отъ „распорядительности“ земскаго начальника будетъ зависѣть установить или отказать въ установленіи бытія обычая. Въ судебной практикѣ, впрочемъ, и теперь встрѣчаются попытки администраціи устанавливать обычай. Намъ извѣстенъ случай, когда одинъ изъ мировыхъ посредниковъ Кіевской губерніи предписалъ волостному старшинѣ, по поводу одного конкретнаго казуса, „составить разъ на всегда приговоръ о томъ, какіе въ этомъ селѣ существуютъ обычаи по наслѣдованію“, и сельскій сходъ, исполняя предписаніе мирового посредника, кодифицировалъ свои обычаи, установивъ, что къ наслѣдованію призываются такія-то лица и въ такомъ-то порядкѣ. Конечно, авторитетность подобныхъ приговоровъ не велика; она несоизмѣримо меньше претензій мирового посредника или земскаго начальника — быть творцами права.

А что-же будетъ въ томъ случаѣ, если сельскій сходъ позволитъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ земскаго начальника о существованіи извѣстнаго обычая? Этого опасаться не слѣдуетъ, потому что въ такомъ случаѣ земскій начальникъ не утвердитъ „неправильнаго“ приговора сельскаго схода, ибо обычай, формулированный въ предписаніи земскаго начальника, долженъ существовать, и для того, чтобы существованіе его было признано, у земскаго начальника имѣются соотвѣтствующія средства воздѣйствія. Какъ явствуетъ отсюда, рекомендуемый редакторами способъ установленія существованія обычая представляетъ собою въ исторіи права нѣчто безпримѣрное и едва ли удобопріемлемое. Кто поручится, что сельскому сходу не будетъ предписываемо устанавливать обычаи по поводу отдѣльныхъ казусовъ, причемъ установленный ранѣе обычай будетъ игнорироваться при разрѣшеніи аналогичнаго казуса? Такой вопросъ

можетъ показаться страннымъ, потому что, скажутъ, земскій начальникъ вовсе не заинтересованъ въ разрѣшеніи спорнаго вопроса въ томъ или иномъ направленіи. Теоретически говоря—не заинтересованъ; но на практикѣ онъ оказывается заинтересованнымъ, не какъ земскій начальникъ такого-то участка, а какъ представитель администраціи, обязанной поддерживать престижъ власти среди крестьянъ. Отрицательное отношеніе къ обычаю и теперь, по словамъ редакторовъ, проявляется со стороны представителей судебной власти въ съѣздахъ, „а между тѣмъ преобладающее вліяніе въ судебныхъ присутствіяхъ съѣздовъ принадлежитъ именно этимъ чинамъ" (т. IV стр. 347). Да какъ-же иначе и можетъ относиться образованный юристъ къ устанавливаемому земскимъ начальникомъ юридическому обычаю? Редакторы разсуждаютъ о законѣ и обычаѣ, не какъ о нормахъ объективнаго права, опредѣляющихъ отношенія кре-

стьянъ, а какъ о юридическомъ матеріалѣ, подлежащемъ примѣненію въ волостныхъ судахъ и съѣздахъ. Но вѣдь сущность задачи не въ облегченіи дѣятельности присутственныхъ мѣстъ, а въ упорядоченіи жизни крестьянъ. Если имѣть въ виду послѣднюю цѣль, то не за чѣмъ говорить объ антагонизмѣ между властью административной и судебной, которыя обѣ, но каждая въ своей сферѣ, призваны къ насажденію и поддержанію правопорядка.

Какъ ни неудачны рекомендуемые редакторами способы познаванія обычая —все же въ крестьянскомъ быту, въ особенности по вопросамъ о наслѣдствахъ, и на будущее время должно быть сохранено дѣйствіе обычая, при томъ какъ нормы главной, гдѣ законъ, по мысли редакторовъ, долженъ дѣйствовать въ той мѣрѣ, насколько вопросъ не разрѣшается обычаемъ. ,,При такихъ условіяхъ (доказыванія обычая), въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обычай крѣпокъ въ сознаніи населенія и гдѣ,

слѣдовательно, онъ можетъ быть доказанъ указаннымъ выше способомъ, *онъ будетъ исключать примѣненіе устава* о наслѣдованіи; тамъ-же, гдѣ обычай расшатанъ, гдѣ пониманіе его затемнено по тѣмъ или другимъ причинамъ, будетъ примѣняться уставъ, въ которомъ должны быть начертаны однѣ лишь, такъ сказать, магистральныя линіи обычнаго по наслѣдованію права крестьянъ" (т. IV стр. 358). Устанавливается такимъ образомъ невиданное отношеніе между закономъ и обычаемъ; не законъ исключаетъ примѣненіе обычая, а, наоборотъ, обычай—примѣненіе закона. Это очень опасное соотношеніе между двумя нормами права, опасное, конечно, для закона, потому что такимъ путемъ легко можно упразднить всякіе законы, чего разумѣется, редакторы въ виду не имѣютъ. До сихъ поръ всегда учили, что обычай въ настоящее время имѣетъ значеніе подчиненное,—у насъ въ виду ст. 47 зак. основ., что обычай

дѣйствуетъ въ той мѣрѣ, въ какой это допускается закономъ, и всегда въ качествѣ примѣра по этому вопросу приводится ст. 38 (нынѣ 13) Общаго положенія. И вдругъ редакторы ниспровергаютъ установившееся ученіе, по поводу котораго до настоящаго времени и контроверзъ не было. Да и въ примѣненіи къ выработанному редакторами уставу о наслѣдованіи не равносильно ли это положеніе тому, что дровосѣкъ рубитъ вѣтку, на которой самъ сидитъ? Вѣдь какой нибудь волостной судъ можетъ сказать: нѣтъ у насъ того обычая, чтобы мы судили по книгамъ, по закону, обычай у насъ судить безъ закона. Въ такомъ смыслѣ можетъ состояться нѣсколько рѣшеній, и вотъ существованіе обычая доказано прецедентами, и возможность примѣненія устава исключается. Трудно думать, чтобы редакторы хотѣли произвести своею объяснительною запиской переворотъ въ наукѣ права. Хотѣлось-бы думать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ

lapsus calami. Но нѣтъ,—редакторы слишкомъ настойчиво подчеркиваютъ устанавливаемыя ими отношенія между обычаемъ и закономъ, такъ что видѣть въ этомъ обмолвку нельзя; это сознательное введеніе въ наше право и въ правовѣдѣніе новаго положенія, которому нельзя отказать въ „смѣлости, доходящей до дерзости".

И такъ право наслѣдованія у крестьянъ и на будущее время должно опредѣляться обычаемъ прежде всего, а потомъ закономъ. Но крестьянскаго обычая мы не знаемъ, не знаютъ его и редакторы. Хотя „по мнѣнію комиссіи, единственнымъ правильнымъ путемъ найти исходъ изъ нынѣшняго ненормальнаго положенія вопроса о наслѣдованіи у крестьянъ является составленіе устава о наслѣдованіи въ крестьянскомъ имуществѣ, выработаннаго на почвѣ обычнаго права", но „уставъ этотъ не долженъ представлять собою кодификацію всѣхъ существующихъ по этой части мѣстныхъ обычаевъ: такая

работа была бы неисполнима, въ виду безконечнаго разнообразія этихъ обычаевъ и отсутствія, несмотря на значительное число сборниковъ и обширную литературу, зарегистрованныхъ обычаевъ по наслѣдованію для цѣлаго ряда отдѣльныхъ мѣстностей. Кромѣ того, она была-бы и безполезна". Не странно ли, что задавшись цѣлью создать уставъ о наслѣдованіи на почвѣ обычнаго права, редакторы считаютъ относящійся сюда матеріалъ не подлежащимъ кодификаціи? Что же они почитаютъ нужнымъ кодифицировать? На это редакторы отвѣчаютъ: „совершенно не нужно каждому отдѣльному волостному суду или даже отдѣльнымъ группамъ волостныхъ судовъ имѣть свой спеціальный кодексъ по наслѣдованію: достаточно въ законѣ опредѣлить преобладающіе обычаи, тѣ, которые усвоены населеніемъ и соблюдаются въ значительномъ большинствѣ мѣстностей, обезпечивъ съ тѣмъ вмѣстѣ возможность тамъ, гдѣ выработался и

укоренился особый, отличающійся отъ нихъ обычай, сущность коего можетъ быть установлена безспорно, руководствоваться такимъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, мѣстнымъ обычаемъ". (т. IV стр. 357). И такъ, кодификаціи подлежатъ обычаи, хотя они не извѣстны. Если бы, по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ кодифицировать обычаи, дѣйствующіе въ большинствѣ мѣстностей, редакторы потребовали бы, чрезъ земскихъ начальниковъ, приговоры сельскихъ сходовъ въ формѣ отвѣтовъ на общіе вопросы о наслѣдованіи—вотъ тогда можно было бы говорить о „начертаніи магистральныхъ линій обычнаго по наслѣдованію крестьянъ права"; а безъ такого обслѣдованія вопроса, почему-же можно думать, что начертанный редакторами уставъ о наслѣдованіи выражаетъ собою обычное право крестьянъ, а не нѣчто иное?

Въ вопросахъ наслѣдованія у крестьянъ долженъ дѣйствовать обычай и законъ — т. е. уставъ о наслѣ-

дованіи. Этимъ, однако, еще не все сказано. Здѣсь поднимается еще новый вопросъ: всякій-ли наслѣдственный переходъ имущества у крестьянъ будетъ совершаться по обычаю или по крестьянскому кодексу, или-же эти нормы примѣнимы лишь къ опредѣленному роду имуществъ?

Не безъ колебаній рѣшенъ этотъ вопросъ редакторами въ слѣдующемъ смыслѣ: „правилами настоящаго устава опредѣляется наслѣдованіе послѣ лицъ сельскаго состоянія: а) безъ ограниченія суммы, когда недвижимое наслѣдственное имущество входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, а движимое составляетъ принадлежность этого надѣла; и б) когда наслѣдственное имущество, хотя и не входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, но находится въ предѣлахъ волости, причемъ цѣнность его не превышаетъ въ недвижимомъ имуществѣ двухъ тысячъ рублей, а въ движимомъ пятисотъ рублей". (ст. 1 уст. о насл.). Значитъ,

дѣйствію устава не подлежатъ крестьянамъ принадлежащія имущества въ чертѣ городскихъ поселеній, къ каковымъ имуществамъ долженъ быть примѣняемъ общій законъ. Такимъ образомъ, вотъ уже три нормы, которыми опредѣляется наслѣдованіе послѣ крестьянъ: обычай, законъ спеціальный (уставъ), законъ общій. Редакторы проекта уложенія не предвидѣли еще сочиненія устава о наслѣдованіи (въ особенности такого устава, который отмѣняется обычаемъ), и потому въ ст. 167 своего проекта изобразили: „порядокъ наслѣдованія послѣ крестьянъ опредѣляется существующими мѣстными обычаями, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда предметъ наслѣдованія заключается: 1) въ недвижимомъ имуществѣ цѣною свыше двухъ тысячъ рублей, пріобрѣтенномъ крестьянами внѣ надѣла, 2) въ недвижимомъ имуществѣ, находящемся въ чертѣ города, и 3) въ движимомъ имуществѣ, цѣною также свыше двухъ тысячъ

рублей, не составляющемъ принадлежности хозяйства крестьянъ. Въ указанныхъ въ п.п. 1—3 случаяхъ примѣняется общій порядокъ наслѣдованія по правиламъ сего уложенія". Разногласіе между обоими проектами въ одномъ пунктѣ—относительно стоимости движимаго имущества, не являющагося принадлежностью надѣла. Редакторы устава оказались великодушными, и понизили стоимость движимаго наслѣдственнаго имущества до пятисотъ рублей. И такъ, возможно представить себѣ случай, когда послѣ даннаго крестьянина судьба его имущества будетъ опредѣляться всѣми тремя нормами—обычаемъ, закономъ спеціальнымъ, закономъ общимъ, и еще болѣе—обычаемъ, завѣщаніемъ крестьянскимъ, закономъ крестьянскимъ, завѣщаніемъ общимъ и закономъ общимъ. Можно-ли послѣ этого пожаловаться на скудость закона о наслѣдованіи у крестьянъ! Но понятіе о полнотѣ закона—понятіе не количествен-

ное, а качественное: такая масса нормъ, опредѣляющихъ наслѣдованіе у крестьянъ, есть недостатокъ, а не достоинство закона, который долженъ стремиться къ точности и ясности, а не къ многосложности и запутанности. Выходъ изъ этихъ дебрей одинъ, какъ это первоначально и думали редакторы законоположеній о крестьянахъ,—распространеніе на крестьянъ общаго закона и въ вопросахъ о наслѣдованіи. Посмотримъ-же, насколько мыслимо было-бы это объединеніе нормъ наслѣдственнаго права въ виду выработаннаго редакторами устава о наслѣдованіи. Оставимъ покамѣстъ въ сторонѣ обычай, намъ, быть можетъ, такъ-же мало извѣстный, какъ и редакторамъ; разсмотримъ одинъ только законъ, въ предположеніи, что онъ обычаемъ не отмѣняется.

Въ области наслѣдственнаго права имѣются два существенныхъ вопроса—во-первыхъ, по какому юридическому основанію данное лицо

можетъ оказаться призваннымъ къ наслѣдованію, во-вторыхъ, каковы тѣ юридическія послѣдствія, которыя возникаютъ для наслѣдника? Всѣ прочіе вопросы отличаются характеромъ детальнымъ и имѣютъ подчиненное значеніе.

Дѣйствующій нашъ гражданскій законъ знаетъ два основанія призванія къ наслѣдованію—духовное завѣщаніе и опредѣленіе закона, т. е. призваніе къ наслѣдованію совершается или по волѣ наслѣдодателя, ясно имъ выраженной, или, за отсутствіемъ такой ясно выраженной воли, въ силу восполняющаго отсутствующую волю наслѣдодателя распоряженія закона. Оба эти основанія фигурируютъ и въ проектѣ гражданскаго уложенія, которое знаетъ только наслѣдованіе по закону и наслѣдованіе по завѣщанію. Сельскій уставъ о наслѣдованіи присоединяетъ къ этимъ двумъ основаніямъ еще третье—договоръ о наслѣдованіи (ст. 47 и 48): „наслѣдодатель, не имѣющій сыновей, ни нисходящихъ отъ

нихъ, ни усыновленныхъ имъ лицъ, можетъ, съ согласія своей жены, заключить съ постороннимъ лицомъ, а также съ своимъ зятемъ, договоръ о наслѣдованіи. Договоръ о наслѣдованіи совершается письменно и получаетъ силу завѣщательнаго акта со дня смерти завѣщателя". Значить, это своеобразный видъ завѣщательнаго распоряженія. Удивительной точностью отличается формулировка приведенной статьи, что касается круга лицъ, съ которыми можетъ быть заключенъ этотъ договоръ! Сначала перечисляются лица, при существованіи которыхъ въ семьѣ договоръ не можетъ быть заключенъ, слѣдовательно не можетъ быть заключенъ и съ этими лицами, а потомъ указывается, съ кѣмъ именно такой договоръ можетъ быть заключенъ. Проще было-бы сказать, что договоръ можетъ быть заключенъ домохозяиномъ съ каждымъ лицомъ за исключеніемъ нисходящихъ и усыновленныхъ наслѣдодателя; редакторы-же

говорятъ о постороннихъ лицахъ, а также о зятѣ. Но вѣдь зять есть тоже лицо постороннее, слѣдовательно о немъ и упоминать не зачѣмъ, иначе вѣдь могутъ быть въ претензіи прочія постороннія лица поименно не упомянутыя. Сущность договора наслѣдодателя съ постороннимъ лицомъ изображена въ уставѣ такъ: „договоръ о наслѣдованіи можетъ заключать обоюдныя обязательства, какъ-то принятіе на себя наслѣдующимъ попеченія о наслѣдодателѣ или предоставленіе ему какихъ-либо иныхъ выгодъ". Судебная практика свидѣтельствуетъ, что такого рода сдѣлки очень часто совершаются между крестьянами, и именно обязательствомъ со стороны будущаго наслѣдника въ пользу наслѣдодателя при жизни послѣдняго обусловливается установленіе наслѣдственнаго права для посторонняго лица. Свести подобное соглашеніе къ завѣщанію не представляется возможнымъ, потому что всякое завѣщаніе даже и по уставу (ст. 56)

можетъ быть отмѣнено во всякое время. Нынѣ практика разсматриваетъ такія соглашенія, какъ способъ вступленія во дворъ домохозяина посторонняго члена, который самымъ фактомъ вступленія во дворъ пріобрѣтаетъ право на надѣлъ. При существующемъ ученіи Сената (рѣш. общ. собр. 1897 г. № 29) о томъ, что надѣльныя земли не подлежатъ завѣщательнымъ расположеніямъ, такое толкованіе сдѣлки можетъ быть принято на тѣ случаи, когда имущество домохозяина не подверглось отчужденію. Но чѣмъ обезпеченъ будущій наслѣдникъ по договору въ томъ, что имущество наслѣдодателя и въ самомъ дѣлѣ не будетъ отчуждено? На этомъ вопросѣ не останавливается нынѣшняя практика, не обращаетъ на него вниманія и уставъ, для котораго подобный договоръ о наслѣдованіи интересенъ не въ моментъ заключенія, а въ моментъ реализаціи своей, какъ основаніе наслѣдованія. Констатируя, что бываютъ такіе дого-

воры, редакторы устава обязаны были и разработать этотъ договоръ въ такомъ направленіи, чтобы онъ являлся дѣйствительнымъ съ самаго начала своего возникновенія. Сказать, что „неисполненіе наслѣдующимъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ можетъ служить основаніемъ къ расторженію договора“ (ст. 48) значитъ позаботиться объ интересахъ наслѣдодателя, но не наслѣдника, а между тѣмъ вопросъ, въ данномъ случаѣ возникающій предъ редакторами, касается вовсе не интересовъ наслѣдодателя. Договоръ о наслѣдованіи съ приведеннымъ выше содержаніемъ—плодъ обычнаго права, и если редакторы не имѣли возможности разработать этотъ договоръ въ уставѣ, то лучше было-бы вовсе и не касаться его, какъ вопроса, требующаго тонкой юридической конструкціи, а слѣдовало-бы предоставить его нормамъ обычая, разъ обычай имѣетъ господствующее значеніе.

Каково отношеніе между двумя главными основаніями призванія къ наслѣдованію въ уставѣ? Извѣстно, что по дѣйствующему закону и по проекту уложенія завѣщаніе не исключаетъ дѣйствія закона, какъ основанія призванія къ наслѣдованію, такъ что завѣщанныя имущества перейдутъ отъ наслѣдодателя по завѣщанію, а незавѣщанныя по закону. И проектъ устава не создаетъ иного отношенія, потому что сила завѣщательнаго распоряженія по уставу находится въ зависимости отъ лица наслѣдующаго и отъ характера завѣщаемаго имущества (ст. 43). Слѣдовательно, принципіально между дѣйствующимъ закономъ, а также проектомъ уложенія и уставомъ по этому вопросу нѣтъ разногласія. Что касается каждаго основанія въ отдѣльности, то здѣсь редакторы устава отклоняются отъ положеній общаго гражданскаго закона. И дѣйствующій законъ, и проектъ уложенія знаютъ только одну форму завѣщательнаго рас-

поряженія—письменную (ст. 1023 ч. I т. X, ст. 47 Проекта улож. о наслѣд.); проектъ устава знаетъ двѣ формы и письменную, и устную! Почему потребовалось введеніе этой формы завѣщанія, отвергаемой 1 ч. X т. и отвергнутой проектомъ уложенія? Потому, отвѣчаютъ редакторы (т. IV стр. 458—461), что въ крестьянскомъ быту словесныя завѣщанія существуютъ, и если о нихъ не упомянуть въ законѣ, то они все-же будутъ существовать. Вотъ такъ мотивъ! Что если бы на такую точку зрѣнія, отстаиваемую редакторами, сталъ законодатель, придающій своему законопроекту серьезное значеніе? Вѣдь съ этой точки зрѣнія созданіе законовъ вообще не мыслимо, и законодатель, желая провести полезную, по его мнѣнію, мѣру противъ существующаго и въ глазахъ законодателя нежелательнаго явленія, долженъ махнуть рукой: потому что все равно, сколько ни писать законовъ, а запрещаемыя закономъ явле-

нія будуть повторяться,—такъ что лучше ужъ узаконить нежелательныя явленія, чѣмъ запрещать ихъ! Возражать противъ такихъ соображеній намъ кажется даже неудобнымъ; трудно думать, чтобы это серьезно говорилось серьезными людьми, призванными къ важному дѣлу законодательства. Впрочемъ, дѣлая уступку обычаю, редакторы допускаютъ устное завѣщаніе лишь при наличности строго опредѣленныхъ и довольно узкихъ условій: 1) „устное завѣщательное распоряженіе должно быть сдѣлано на смертномъ одрѣ: поэтому оно не можетъ считаться дѣйствительнымъ, если смерть наслѣдодателя не послѣдовала въ непродолжительномъ времени послѣ заявленія извѣстнаго распоряженія“; 2) „устное завѣщательное распоряженіе должно быть совершено открыто, по возможности при всѣхъ заинтересованныхъ лицахъ: поэтому необходимо, чтобы къ присутствованію при такомъ способѣ выраженія воли умирающаго

завѣщателя были приглашаемы всѣ находящіеся на мѣстѣ члены его семьи“; 3) необходимо присутствіе свидѣтелей, и 4) „словесныя распоряженія могутъ касаться только распредѣленія имущества завѣщателя между его женой и дѣтьми, безъ измѣненія, однако, размѣра доли, причитающейся каждому изъ нихъ по мѣстному обычаю, а при отсутствіи его по уставу о наслѣдованіи“. Какое-же значеніе могутъ имѣть и эти условія, съ такою подробностью излагаемыя редакторами, предъ лицомъ мѣстнаго обычая, который гласитъ устами волостныхъ судей: въ данной мѣстности изустное завѣщаніе во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ равную силу съ письменнымъ завѣщаніемъ!

Письменное завѣщаніе по формѣ совершенія бываетъ либо домашнее, либо нотаріальное, совершаемое по правиламъ Положенія о нотаріальной части; къ нотаріальнымъ приравниваются по своей силѣ завѣщанія, внесенныя въ книгу сдѣлокъ и договоровъ

при волостномъ правленіи (ст. 58). Такимъ образомъ, въ раздѣленіи завѣщаній со стороны формъ совершенія сохраняется то-же положеніе, какое существуетъ нынѣ и какое принимается проектомъ уложенія (ст. 47). Порядокъ совершенія домашняго завѣщанія по уставу представляется болѣе льготнымъ въ сравненіи съ порядкомъ составленія его по 1 ч. X т.; впрочемъ и проектъ уложенія устанавливаетъ, въ сравненіи съ дѣйствующимъ закономъ, также облегченныя условія, что касается числа свидѣтелей и соединенія въ одномъ лицѣ ролей рукоприкладчика, переписчика или свидѣтеля. Такимъ образомъ, со стороны формы совершенія домашняго завѣщанія уставъ ничего новаго и особеннаго не даетъ, а потому, насколько вопросъ касается внѣшней стороны завѣщанія, существуетъ полная возможность предоставить крестьянамъ руководствоваться общимъ гражданскимъ закономъ, тѣмъ болѣе, что субъективныя условія, ка-

сающіяся права совершать завѣщанія по дѣйствующему закону, по проекту уложенія и по проекту устава оказываются тождественными. Такъ какъ обычай, по уставу, обладаетъ всесокрушающею силой, то для его торжества совершенно безразлично, будетъ-ли онъ отмѣнять уставъ или общій гражданскій законъ; въ такомъ случаѣ получилась-бы по крайней мѣрѣ болѣе стройная система права завѣщательнаго: либо съ одной стороны строгія формы общаго гражданскаго закона, либо съ другой— полное отсутствіе какихъ-бы то ни было формъ. Создавать-же посредствующія формы, которыя такъ-же легко могутъ быть отмѣнены обычаемъ, какъ и формы общаго закона,—безцѣльная работа, какъ это, вѣроятно, сознаютъ и сами редакторы.

Внѣшняя форма завѣщанія, безъ сомнѣнія, можетъ быть единой для всѣхъ сословій, хотя-бы и не всякія завѣщательныя распоряженія были доступны всѣмъ сословіямъ.

Не всякое имущество можетъ быть предметомъ завѣщательныхъ распоряженій. Такъ учитъ дѣйствующее нынѣ право, знающее цѣлую категорію имуществъ, завѣщанію не подлежащихъ—имущества родовыя. Проектъ гражданскаго уложенія держится иной точки зрѣнія, упраздняя категорію родовыхъ имуществъ и создавая, такимъ образомъ, свободу завѣщательныхъ распоряженій. Какую изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія усвоилъ уставъ? Въ примѣненіи къ крестьянамъ рѣчь по данному вопросу можетъ идти только относительно завѣщаній, совершаемыхъ по уставу. Существеннымъ вопросомъ относительно крестьянскихъ завѣщаній является, разумѣется, вопросъ о томъ, подлежитъ-ли завѣщательнымъ распоряженіямъ надѣльная земля? Съ точки зрѣнія Общаго Положенія и Устава о пошлинахъ вопросъ не вызываетъ сомнѣнія; но съ точки зрѣнія сенатской практики, провозгласившей надѣльную землю объектомъ

права не домохозяина, а цѣлаго двора, вопросъ этотъ вызывалъ недоумѣнія: какъ, въ самомъ дѣлѣ, предоставить домохозяину полную свободу посмертныхъ распоряженій, когда и при жизни своей онъ является ограниченнымъ въ правѣ опредѣлять судьбу своего надѣла? И Сенатъ въ 1897 г. пришелъ къ заключенію, что право потомственнаго посемейнаго пользованія по природѣ своей исключаетъ право домохозяина или члена двора дѣлать объ этомъ имуществѣ завѣщательныя распоряженія, и, такимъ образомъ, надѣльныя земли, а также движимое имущество, необходимое для веденія крестьянскаго хозяйства на надѣльныхъ земляхъ, объявлены не подлежащими завѣщательнымъ распоряженіемъ (рѣш. общ. собр. 1, 2 и Кассац. Деп. 1897 г. № 29). Нельзя отказать этому рѣшенію въ послѣдовательности, насколько оно вытекаетъ изъ сенатской практики по вопросу о правахъ на надѣльную землю. Но такъ какъ сенатская прак-

тика, несмотря на всю свою авторитетность, не создаетъ закона, а лишь толкуетъ законъ существующій, то въ правильности рѣшенія, въ смыслѣ соотвѣтствія его законамъ о надѣльной землѣ, могутъ возникать вполнѣ справедливыя сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что заключеніе Сената выведено не изъ закона, а изъ собственной-же своей практики по крестьянскимъ дѣламъ. Тѣмъ не менѣе указанное рѣшеніе Сената явилось для судебныхъ мѣстъ непререкаемымъ положеніемъ, а неограниченная закономъ свобода завѣщательныхъ распоряженій о надѣлѣ оказалась упраздненною. Редакторы устава отнеслись къ завѣщательнымъ распоряженіямъ о надѣлѣ снисходительнѣе: не устраняя возможности завѣщать надѣлъ, редакторы ограничили только это право домохозяина, поставивъ право домохозяина распорядиться своимъ имуществомъ въ зависимость отъ того, чьи наслѣдственныя права завѣщаніемъ домохозяина упраздняются. Такъ, по

крайней мѣрѣ, слѣдуетъ понимать ст. 43 устава (о завѣщаніи) при сопоставленіи ея со ст. 7, перечисляющею наслѣдниковъ по закону. И въ самомъ дѣлѣ, завѣщать все свое имущество, по 3 п. ст. 43, дозволяется при отсутствіи жены, дѣтей и ихъ прямыхъ потомковъ и усыновленныхъ: значитъ, при наличности этихъ членовъ семьи домохозяинъ не можетъ распорядиться своимъ имуществомъ въ завѣщаніи; это не только наслѣдники необходимые, въ томъ смыслѣ, что ихъ обойти нельзя, это лица, исключающія для домохозяина возможность совершенія завѣщанія; въ то-же время, однако, „наслѣдодатель въ правѣ письменнымъ духовнымъ завѣщаніемъ лишить своего потомка по прямой нисходящей линіи причитающейся ему наслѣдственной доли, если послѣдній оказалъ ему явное непочтеніе или самовольно ушелъ изъ состава двора наслѣдодателя, или не участвовалъ въ общемъ его хозяйствѣ“ (ст. 44). Между обоими приведенными

статьями наблюдается несомнѣнное противорѣчіе, потому что, какъ же возможно лишать того, на что лишающій самъ права не имѣетъ?

Хотя текстъ проектируемаго закона сохраняетъ за домохозяиномъ нѣкоторую свободу завѣщательныхъ распоряженій, однако объяснительная записка къ тексту показываетъ, что въ текстѣ выражено не то, чего хотѣлось редакторамъ. „То надѣльное имущество, которое, согласно ст. 2 проекта, подлежитъ переходу въ порядкѣ наслѣдованія (по закону?), признано комиссіей состоящимъ въ семейной собственности или потомственнаго (?) владѣнія (?) членовъ крестьянскаго двора: поэтому относительно такого имущества не можетъ быть завѣщанія, если, кромѣ домохозяина, имѣется въ наличности хотя-бы одинъ членъ двора. Независимо отъ сего завѣщательное распоряженіе означеннымъ имуществомъ не можетъ почитаться законнымъ и въ тѣхъ случа-

яхъ, когда у домохозяина есть дѣти, вышедшія при его жизни изъ состава двора, а именно отдѣленные сыновья и замужнія дочери, или же нисходящіе отъ нихъ. Такимъ образомъ, свободное завѣщательное распоряженіе указаннаго рода надѣльнымъ имуществомъ допускается только отъ имени домохозяина—бобыля, не оставляющаго послѣ себя ни членовъ двора, ни отдѣленныхъ дѣтей, ни нисходящаго отъ сихъ послѣднихъ потомства“ (т. IV стр. 463). Эти соображенія редакторовъ производятъ страшную неразрѣшимую путаницу въ вопросѣ о правѣ на надѣльную землю. Слѣдовало-бы помнить, что, по ст. 155 проекта полож. о надѣльныхъ земляхъ, подворный участокъ признается собственностью всего крестьянскаго двора, во владѣніи коего онъ состоитъ; значитъ, бывшіе члены двора, въ силу того или иного основанія вышедшіе изъ состава двора, утратили право на надѣлъ, потому что они являются либо членами,

либо домохозяевами въ другомъ дворѣ; но несмотря на это, уставъ о наслѣдованіи предоставляетъ имъ право на отцовскій надѣлъ. Слѣдовательно, уставъ признаетъ кровное родство за основу крестьянской семьи? Тогда къ чему-же говорить о собственности членовъ двора, а не о единоличномъ правѣ домохозяина? А если домохозяинъ не въ правѣ завѣщать надѣльную землю, въ огражденіе интересовъ членовъ двора, то, значитъ, члены кровной семьи, именно въ силу начала кровнаго родства, а не по иному основанію, будутъ призваны къ наслѣдованію въ надѣлѣ, который и долженъ быть сохраненъ для нихъ, несмотря на то, что они, быть можетъ, уже перестали принадлежать ко двору, какъ къ какому-то рабочему союзу. Если, напримѣръ, одинъ изъ сыновей перешелъ во дворъ своей жены, бывъ принятъ ея отцомъ, то, по нынѣ дѣйствующей практикѣ Сената и согласно проекту положенія о надѣльныхъ земляхъ, такой сынъ ни-

чего не можетъ получить изъ надѣла своего отца; а по проекту устава о наслѣдованіи такой сынъ не только является наслѣдникомъ послѣ своего отца, но онъ имѣетъ даже преимущество предъ остальными законными наслѣдниками, поименованными въ пп. 2—9 ст. 7 устава. Очевидно, составители обоихъ проектовъ работали обособленно одни отъ другихъ, не сговорившись и не уяснивъ себѣ характера права на владѣніе надѣльной землею, чѣмъ и нужно объяснить указанное противорѣчіе между точками зрѣнія одного и другого проекта. Но, повторяемъ, объяснительная записка идетъ дальше текста ст. 43, потому что, по соображеніямъ редакторовъ, завѣщать свой надѣлъ можетъ только домохозяинъ-бобыль, „не оставляющій послѣ себя ни членовъ двора, ни неотдѣленныхъ дѣтей, ни нисходящаго отъ сихъ послѣднихъ потомства“—между тѣмъ какъ по 3 п. ст. 43 возможность завѣщать открывается только при отсут-

ствіи жены, нисходящихъ и усыновленныхъ,—а этими лицами вѣдь не исчерпывается кругъ „членовъ двора“. Положимъ, во дворѣ проживаютъ братья и сестры домохозяина, не оставившаго ни жены, ни нисходящихъ, ни усыновленныхъ: спрашивается, можетъ-ли такой домохозяинъ завѣщать свой надѣлъ? По ст. 43—можетъ, а по статьѣ 7—не можетъ. Это однако не единственное противорѣчіе между статьями устава по вопросу о свободѣ завѣщаній. Если надѣлъ не принадлежитъ домохозяину по единоличному его праву, то какимъ-же образомъ онъ можетъ завѣщать надѣлъ въ пожизненное владѣніе своей вдовѣ,—между тѣмъ какъ въ ряду призываемыхъ по закону наслѣдниковъ вдова занимаетъ равное со своими дѣтьми положеніе (ст. 21)? Этимъ распоряженіемъ въ пользу одного изъ членовъ двора создается положеніе, болѣе привилегированное, чѣмъ то, какое занималъ самъ завѣщатель—домохозяинъ. Вѣдь вдова домохозяина

является по уставу сама домохозяйкой: значитъ у нея будутъ права домохозяина плюсъ право пожизненнаго владѣнія; что-же остается на долю прочихъ членовъ двора?

Примѣры эти показываютъ, что вопросъ о свободѣ завѣщательныхъ относительно надѣла распоряженій остался для редакторовъ невыясненнымъ; между тѣмъ вопросъ этотъ въ крестьянскомъ землевладѣніи является вопросомъ первостепенной важности, и отъ его категорическаго разрѣшенія въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ зависитъ опредѣленіи характера права крестьянъ на надѣлы. Нынѣшняя практика Сената въ этомъ отношеніи отличается гораздо большею точностью: разъ надѣлъ не подлежитъ завѣщательнымъ распоряженіямъ, то въ чью-бы пользу ни было составлено завѣщаніе, оно не подлежитъ утвержденію и, слѣдовательно, не будетъ имѣть никакихъ юридическихъ послѣдствій. Такой взглядъ, какъ уже ска-

зано выше, представляетъ собою выводъ изъ того положенія, что надѣлъ является объектомъ коллективнаго, а не индивидуальнаго права. Редакторы же находятся въ непрестанномъ колебаніи: съ одной стороны, надѣлъ принадлежитъ двору на правѣ собственности, значитъ никому изъ членовъ двора въ отдѣльности онъ не принадлежитъ; съ другой—распорядиться имъ на случай смерти можетъ домохозяинъ, значитъ, какъ будто-бы надѣлъ принадлежитъ ему лично. Или, можетъ быть, домохозяину принадлежитъ одинаковое съ прочими членами прижизненное право плюсъ право распорядиться на случай смерти? Но распорядиться въ завѣщаніи можно только своимъ имуществомъ (ст. 1010 ч. I и X.) Объяснительная записка предполагаетъ, (текстъ статей проектаэтого не говоритъ), что завѣщаніе можетъ быть совершено только домохозяиномъ. Какъ же примирить съ этимъ положеніемъ права прочихъ членовъ двора на надѣлъ? По-

чему каждый изъ членовъ двора не въ правѣ распорядиться тою (идеальной) частью надѣла, какая принадлежитъ ему? Могутъ отвѣтить на это: потому что на лицо имѣется кто-либо изъ наслѣдниковъ, перечисленныхъ въ ст. 7 устава. Но въ ст. 7 ничего не говорится, напримѣръ, объ усыновленныхъ, а наличность усыновленныхъ, по ст. 43 п. 3, исключаетъ для домохозяина возможность завѣщать: если, значитъ, у кого либо изъ членовъ двора имѣются усыновленные, то ихъ наличность не должна-бы препятствовать прочимъ членамъ двора дѣлать завѣщательныя распоряженія о своихъ частяхъ надѣла. Мы никогда не выйдемъ изъ этихъ недоумѣній и колебаній, если не рѣшимъ принципіальнаго вопроса: или полная свобода завѣщательныхъ распоряженій, или безусловное запрещеніе завѣщать надѣлъ. Всякое иное рѣшеніе будетъ страдать, такъ сказать, половинчатостью, не-

опредѣленностью, которой не устранить даже и всесильный обычай.

И такъ, надѣлъ какъ будто-бы и не подлежитъ завѣщательнымъ распоряженіемъ, но въ то же время, опираясь на статьи проекта, можно утверждать и противное. Есть однако еще одинъ родъ имущества, которое не можетъ быть завѣщано: „приданое не подлежитъ завѣщанію при наличности у наслѣдовательницы дѣтей, отца, матери, братьевъ и сестеръ родныхъ и единоутробныхъ и ихъ потомства“ (ст. 46) Что-же такое приданое? Дѣйствующій законъ (ст. 1001 ч. I и X) опредѣляетъ приданое, какъ „выдѣлъ дочерей и родственницъ по случаю замужества“. Такое приблизительно опредѣленіе приданаго содержится и въ ст. 124 проекта уложенія. Значитъ, приданое можетъ состоять какъ изъ движимаго, такъ и изъ недвижимаго имущества. Принимая далѣе во вниманіе, что нормы права семейнаго являются общими какъ для некрестьянъ,

такъ и для крестьянъ, нужно будетъ признать, что опредѣленіе общаго гражданскаго закона по вопросу о приданомъ распространяется и на крестьянъ, и что, слѣдовательно, приданое можетъ заключаться какъ въ движимомъ имуществѣ, такъ и въ недвижимомъ, въ томъ числѣ и въ надѣлѣ. Что такъ смотрятъ и редакторы, это видно изъ сопоставленія ст. 46 со ст. 18 устава о наслѣдованіи, гдѣ говорится о „движимомъ и недвижимомъ имуществѣ, составляющемъ приданое". Если приданымъ можетъ быть и надѣлъ, то каковы же будутъ права жены на это имущество? Жена, очевидно, является домохозяйкой, если возникаетъ вопросъ о правѣ ея завѣщанія. Значитъ, приданый надѣлъ жены и надѣлъ мужа существуютъ независимо одинъ отъ другого, и жена, будучи членомъ семьи своего мужа, въ то-же время оказывается и домохозяйкой, т. е. лицо независимое въ то-же время является подчиненнымъ власти другого лица.

Приданое не подлежитъ завѣщанію при наличности дѣтей, отца, матери, братьевъ и сестеръ и ихъ потомства. Возьмемъ только первый случай,—наличность дѣтей. Каковы будутъ ихъ права на надѣлы, оставшіеся послѣ родителей? Какъ члены двора отца, дѣти имѣютъ право на его надѣлъ; какъ члены двора матери, дѣти имѣютъ право на материнскій надѣлъ. Но вѣдь, принадлежа къ составу одного рабочаго союза, нельзя въ то же время принадлежать и къ другому двору? А выходитъ по проекту, что можно, потому что не подлежащій завѣщанію надѣлъ переходитъ къ наслѣдникамъ по началамъ кровнаго родства, и редакторы въ объясненіи къ 46 ст. заявляютъ, что приданое отличается *родовымъ характеромъ* (п. IV стр. 468). Здѣсь, очевидно, мы попадаемъ въ безвыходный лабиринтъ понятій. На вопросѣ о свободѣ завѣщательныхъ распоряженій терпитъ полное крушеніе конструкція коллективной собственности двора.

Въ вопросѣ о первомъ основаніи наслѣдованія—о завѣщаніи сказывается вся непослѣдовательность проводимой редакторами нынѣшней сенатской теоріи о правахъ на надѣлъ; правила о завѣщаніяхъ съ внѣшней стороны не даютъ ничего новаго въ сравненіи съ дѣйствующимъ закономъ; правила о содержаніи завѣщаній отличаются непродуманностью, вызывающей массу внутреннихъ противорѣчій. Вопросъ о завѣщательныхъ распоряженіяхъ находится въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о наслѣдованіи по закону. Что новаго, въ сравненіи съ общимъ закономъ, даетъ по вопросу о законномъ наслѣдованіи уставъ? Для сравненія нужно привлечь не только 1 ч. X т., но и проектъ уложенія, потому что въ будущемъ нашемъ гражданскомъ законѣ устанавливается совсѣмъ не тотъ порядокъ наслѣдованія, какой существуетъ въ Сводѣ.

„Къ наслѣдованію по закону призываются *родственники* наслѣдодателя

по слѣдующимъ разрядамъ: 1) сыновья, 2) незамужнія дочери, 3) замужнія дочери, 4) отецъ, 5) братья, 6) мать, 7) сестры, 8) боковые родственники, происходящіе отъ дѣдовъ и бабокъ наслѣдодателя и 9) боковые родственники, происходящіе отъ прадѣдовъ и прабабокъ наслѣдодателя". Такъ говоритъ ст. 7 устава, упоминая тутъ-же о наслѣдованіи супруговъ. Слѣдуетъ прибавить, что во всѣхъ перечисляемыхъ разрядахъ, за исключеніемъ, разумѣется, 4 (отецъ) и 6 (мать), по ст. 10 устава, имѣетъ мѣсто право представленія. Дѣйствующій законъ знаетъ собственно два разряда наслѣдниковъ— нисходящихъ и боковыхъ, прочіе упоминаемые въ законѣ наслѣдники призываются совмѣстно съ обоими названными разрядами. Проектъ уложенія устанавливаетъ шесть классовъ наслѣдниковъ: 1) нисходящіе, 2) родители съ ихъ нисходящими, 3) дѣды и бабки съ ихъ нисходящими, 4) прадѣды и прабабки съ ихъ нисходящими,

5) прапрадѣды и прапрабабки съ ихъ нисходящими и 6) восходящіе пятой степени съ ихъ нисходящими (ст. 16). Проектъ уложенія приводитъ, собственно говоря, въ стройную систему то, что существуетъ и нынѣ. Призваніе къ наслѣдованію по дѣйствующему закону основано на началѣ кровнаго родства; но отъ этого начала сдѣланы и отступленія—при наслѣдованіи единоутробныхъ, единокровныхъ, супруговъ и усыновленныхъ. Редакторы устава опредѣляютъ положенное въ основаніи проекта начало такъ: „настоящій проектъ, въ соотвѣтствіе обычному праву, на которомъ въ семъ отношеніи отразилось вліяніе трудового начала на строй крестьянской семьи, признаетъ кровное родство лишь главнымъ основаніемъ такого наслѣдованія, допуская наслѣдованіе неродственниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ“ (т. IV стр. 384). Хотя здѣсь и выдвигается пресловутое трудовое начало, но текстъ ст. 7 устава показываетъ, что не на трудовомъ

началѣ, а на кровномъ родствѣ основано наслѣдованіе крестьянъ. Положеніе это ясно и для редакторовъ; для подтвержденія этого положенія нѣтъ надобности обращаться къ даннымъ произведеннаго въ 70-хъ годахъ обслѣдованія комиссіи сенатора Любощинскаго, къ выводамъ г. Пахмана, констатирующаго то, что дали наблюденія комиссіи, къ записямъ гг. Мухина, Ефименко и др. Лучше всего обратиться къ подлинному производству судебныхъ дѣлъ, не всегда непремѣнно доходящихъ до Правительствующаго Сената, а изъ этихъ дѣлъ можно усмотрѣть, что лишь въ самое послѣднее время крестьяне въ нужныхъ случаяхъ ссылаются на теорію Сената о трудовомъ началѣ и рабочемъ союзѣ, а обыкновенно основываютъ свои притязанія на надѣльную землю на своемъ кровномъ родствѣ съ наслѣдодателемъ, несмотря на то, что „общій порядокъ наслѣдованія не примѣняется къ наслѣдованію сельскихъ обы-

вателей“: слишкомъ сильно сознаніе кровной связи, чтобы отказаться отъ него въ угоду теоріи; да къ тому-же „трудовая теорія“ Сената не исключаетъ начала кровнаго родства, такъ какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ „трудовой союзъ“ составляютъ именно лица, связанныя кровнымъ родствомъ. Началомъ трудовымъ опредѣляется по уставу не самый фактъ призванія, а порядокъ призванія различныхъ родственныхъ лицъ къ наслѣдованію. Однако, призваніе всѣхъ „позаконныхъ“ (sic) наслѣдниковъ вызываетъ цѣлый рядъ недоумѣній, въ виду коллизіи правъ этихъ лицъ, какъ членовъ двора, съ ихъ правами, какъ наслѣдниковъ. Мы уже видѣли, что надѣлъ принадлежитъ двору, т. е. совокупности его членовъ. Что-же происходитъ, если умираетъ домохозяинъ? Тогда, очевидно, принадлежавшая ему идеальная доля въ подворномъ участкѣ должна распредѣлиться между прочими членами семьи. Это-ли хотятъ

сказать редакторы текстомъ ст. 7-й устава? Нѣтъ, очевидно, не это. Редакторы оперируютъ съ общимъ понятіемъ наслѣдованія, какъ преемства въ индивидуально принадлежащемъ домохозяину имуществѣ, и, такимъ образомъ, впадаютъ въ явное противорѣчіе съ высказанными ранѣе положеніями о характерѣ права на владѣніе надѣломъ. Это противорѣчіе обнаруживается уже въ первомъ разрядѣ, гдѣ призываются сыновья. Уставъ не говоритъ, чтобы призывались только тѣ сыновья, которые проживали въ одномъ дворѣ съ наслѣдодателемъ; значитъ и сыновья, перешедшіе во дворы своихъ женъ, также призываются къ наслѣдованію? но вѣдь они—перестали быть членами родительскаго двора, ибо являются членами, а можетъ быть, и домохозяевами во дворахъ своихъ женъ. При наслѣдованіи замужнихъ дочерей (разрядъ 3-й) это противорѣчіе обнаруживается съ такою-же рѣзкостью: замужнія дочери нормально, если мужья ихъ не

приняты во дворъ их отца—не члены отцовскаго двора; почему-же онѣ призываются, предпочтительно предъ братьями и сестрами домохозяина, которые могутъ быть и членами двора? Отецъ и мать, дяди и тетки наслѣдодателя обыкновенно не члены двора наслѣдодателя, потому что, если-бы они были членами его двора, то они были-бы домохозяевами: почему-же они призываются къ наслѣдованію? вѣдь и относительно ихъ придется повторить, что ихъ призваніе къ наслѣдованію нарушитъ представленіе о дворѣ, какъ о коллективномъ субъектѣ, владѣющемъ надѣломъ. Редакторы, установивъ девять разрядовъ законныхъ наслѣдниковъ, объясняютъ (т. IV, стр. 386), что „представлялось-бы наиболѣе правильнымъ и, съ точки зрѣнія огражденія правъ отдаленныхъ родственниковъ на наслѣдованіе по закону, въ достаточной мѣрѣ осторожнымъ—послѣднимъ разрядомъ призываемыхъ къ такому наслѣдованію лицъ признать боковыхъ

родственниковъ, происходящихъ отъ прадѣдовъ и прабабокъ, т. е. троюродныхъ его родственниковъ". О томъ, что представлялось-бы болѣе правильны, осторожнымъ и цѣлесообразнымъ въ этомъ вопросѣ, умѣстно было-бы говорить въ томъ случаѣ, если-бы рѣчь шла о наслѣдованіи въ такомъ имуществѣ, юридическая судьба котораго не предопредѣлена закономъ; но надѣлъ, какъ уже не разъ сказано, занимаетъ особое положеніе среди переходящихъ по наслѣдству имуществъ, и къ наслѣдованію въ надѣлѣ не должны-бы быть, съ точки зрѣнія устава, призываемы тѣ лица, которыя входятъ въ составъ членовъ другихъ дворовъ. Вполнѣ послѣдовательнымъ выводомъ изъ этого положенія о надѣлѣ было-бы объявить надѣлъ имуществомъ вовсе не наслѣдуемымъ, ни по закону, ни по завѣщанію: несмотря ни на какія перемѣны въ составѣ членовъ двора, надѣлъ остается достояніемъ двора, и кто ко двору принадлежитъ, тотъ и имѣетъ

право на владѣніе надѣльною землей; если-бы домохозяинъ умеръ, не оставивъ послѣ себя лицъ, принадлежавшихъ къ составу членовъ его двора, между тѣмъ какъ всѣ кровные его родственники имѣютъ свои дворы,—тогда умѣстно было-бы примѣненіе ст. 73 устава: „выморочнымъ почитается наслѣдство лица, послѣ коего не осталось ни наслѣдниковъ, ни завѣщанія". Такая конструкція была-бы, по крайней мѣрѣ, послѣдовательнымъ выводомъ изъ взгляда на надѣлъ, какъ на достояніе двора, а не какъ на объектъ права домохозяина. Конструкція эта оправдывала бы право вдовы на надѣлъ умершаго ея мужа, и объясняла-бы то положеніе, которое ей отводится уставомъ: съ одной стороны „вдова наслѣдодателя, если она имѣла отъ него дѣтей, хотя-бы они умерли до открытія наслѣдства, наслѣдуетъ послѣ мужа наравнѣ съ его сыновьями, а при отсутствіи таковыхъ—наравнѣ съ дочерьми; вдова безпотомнаго наслѣдодателя

признается его единственной наслѣдницей“ (ст. 21); съ другой—„вдова, не имѣющая средствъ къ пропитанію и не получившая наслѣдственной доли послѣ умершаго ея сына или дочери, имѣетъ право требовать отъ ихъ наслѣдниковъ необходимое пропитаніе и содержаніе до своей смерти“ (ст. 34). При теперешней-же конструкціи устава совершенно не ясно, почему жена, къ кровнымъ родственникамъ наслѣдотеля не принадлежащая, тѣмъ не менѣе получаетъ право на наслѣдованіе въ его надѣлѣ. Редакторы совсѣмъ запутались въ выясненіи природы права на надѣльную землю, то признавая, то отвергая начало кровнаго родства въ крестьянскомъ наслѣдованіи.

При опредѣленіи правъ наслѣдованія по закону важное юридическое значеніе имѣетъ вопросъ о размѣрѣ наслѣдственныхъ долей. На этотъ вопросъ ст. 9 устава даетъ такой отвѣтъ: „при наличности въ одномъ изъ разрядовъ, указанныхъ въ п.п. 1—3, 5 и

7 ст.—7, нѣсколькихъ наслѣдниковъ, наслѣдство дѣлится между ними поровну (поголовно)“; но по ст. 11 допускается и поколѣнный раздѣлъ между нѣсколькими равно близкими боковыми линіями, съ устраненіемъ женскихъ линій. Но возможенъ-ли здѣсь реальный раздѣлъ наслѣдственнаго имущества? Повидимому уставъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ: „раздѣлъ наслѣдства совершается по взаимному согласію наслѣдниковъ; при этомъ имъ предоставляется право заключить о томъ письменное условіе съ засвидѣтельствованіемъ его въ волостномъ правленіи и со внесеніемъ въ книгу сдѣлокъ и договоровъ; раздѣлъ недвижимаго имущества во всякомъ случаѣ требуетъ для своей дѣйствительности письменнаго условія“ (ст. 31). Но раздѣлъ семейнаго участка предполагаетъ соблюденіе правилъ о семейныхъ раздѣлахъ (ст. 95—114 пол. о надз.). Если фактическій раздѣлъ окажется недопустимымъ, то со-

наслѣдники будутъ поставлены въ необходимость оставаться въ общемъ владѣніи, т. е. будутъ членами безхозяйнаго двора. Приведенныя правила устава показываютъ, что теоретическая разработка вопросовъ о наслѣдованіи въ крестьянскомъ быту, при сохраненіи своеобразной конструкціи права на надѣлъ, встрѣчается на практикѣ съ цѣлымъ рядомъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Происходитъ это отъ того, что понятіе наслѣдованія можетъ быть примѣнимо къ имуществу свободному, между тѣмъ какъ уставъ пытается приспособить правила о наслѣдованіи въ свободномъ имуществѣ къ надѣлу, имуществу несвободному. Вносимыя редакторами поправки въ проектъ уложенія, если бы онѣ и были удачны, имѣютъ въ виду имущества, не ограниченныя въ своей оборотоспособности, между тѣмъ какъ рѣчь идетъ о надѣлѣ. Остается выборъ между двумя положеніями: либо подчинить надѣлъ общему гражданскому закону о наслѣдованіи,

либо объявить надѣлъ за такое имущество, которое вообще наслѣдованію не подлежитъ. Ничего посредствующаго здѣсь не придумать, какъ это и доказываетъ уставъ.

Нужно полагать, что въ вопросѣ о призваніи къ наслѣдованію по закону обычай долженъ найти широкое примѣненіе, потому что полагаться на такой законъ, какой проектируютъ редакторы, все равно нельзя: это не законъ, а рядъ запутанныхъ положеній, разобраться въ которыхъ не подъ силу не то что волостному суду, но и опытному юристу. Правила устава о наслѣдованіи по закону имѣютъ въ виду не одинъ лишь надѣлъ, но и такія крестьянскія имущества, которыя подлежатъ завѣщательнымъ распоряженіямъ. Вотъ относительно этихъ имуществъ возникаетъ вопросъ, чѣмъ положеніе устава лучше положенія проекта уложенія? По проекту уложенія порядокъ призванія законныхъ наслѣдниковъ отличается стройностью: сна-

чала призываются родные, потомъ двоюродные, троюродные и т. д. до восходящихъ пятой степени и ихъ нисходящими. Редакторамъ устава не нравится призваніе четвертой степени, и они ограничиваютъ призваніе родственниками, происходящими отъ третьей степени восходящихъ. Пусть такъ; но на чемъ основанъ тотъ порядокъ, котораго держатся редакторы въ первыхъ семи разрядахъ? Почему послѣ дочерей призывается отецъ, затѣмъ, братья послѣ нихъ мать, а за нею сестры? Вѣдь рѣчь идетъ о наслѣдованіи восходящихъ и ихъ потомства, поэтому удобнѣе было-бы принять формулу уложенія: 1) нисходящіе 2) восходящіе первой степени съ ихъ потомствомъ, 3) восходящіе второй степени съ ихъ потомствомъ и 4) восходящіе третьей степени съ ихъ потомствомъ. Система была-бы упрощена, и было-бы совершенно ясно, что проектируемый редакторами порядокъ, основываясь яко-бы на обычаѣ, совпадаетъ съ тѣмъ

порядкомъ, какой устанавливается проектомъ уложенія; а отсюда слѣдовало-бы, что для наслѣдованія крестьянъ по закону въ ненадѣльномъ имуществѣ нѣтъ надобности въ особомъ законѣ, такъ какъ вопросъ разрѣшается формулами общаго гражданскаго кодекса.

Ни завѣщаніе, ни законъ, какъ основанія призванія къ наслѣдованію, не отличаются по проекту устава своеобразными чертами; оба основанія скопированы съ дѣйствующаго и будущаго гражданскаго закона, при чемъ проектъ устава хочетъ занять среднее мѣсто между I ч. X т. св. з. и будущимъ уложеніемъ: проектъ уложенія, какъ извѣстно, упразднивъ категорію родовыхъ имуществъ, вводитъ понятіе обязательной доли, какъ той части наслѣдственнаго имущества, право на которую признается за ближайшими наслѣдниками; а редакторы устава оперируютъ съ понятіемъ родового имущества въ примѣненіи къ надѣлу, т. е. хотятъ ввести отвергнутое уло-

женіемъ начало. Для спасенія надѣла нѣтъ надобности сообщать ему родовой характеръ; обязательная доля проекта уложенія вмѣстѣ съ правилами о порядкѣ наслѣдованія въ заповѣдныхъ имѣніяхъ спасли-бы надѣлъ отъ превращенія его въ объектѣ свободнаго оборота, чего такъ боятся редакторы устава.

Съ переходомъ имущества къ наслѣднику связано и преемство наслѣдника въ обязательствахъ наслѣдодателя. Это—основное правило всякаго законодательства по вопросу о наслѣдованіи; разница между законодательствами наблюдается только въ опредѣленіи степени отвѣтственности наслѣдника за наслѣдодателя.

Разъ съ усвоеніемъ наслѣдства связаны для наслѣдниковъ такія серьезныя послѣдствія, то необходимо точно опредѣлить, когда-же наслѣдство почитается усвоеннымъ со стороны наслѣдника. Этотъ моментъ называется принятіемъ наслѣдства, и о немъ ст. 1261

ч. I т. X говоритъ: „принятіемъ наслѣдства почитается, когда наслѣдники ни отзыва о неплатежѣ долговъ не учинили, ни доходовъ съ имѣнія умершаго не сохранили, а владѣли и пользовались имуществомъ въ личную себѣ прибыль“. То-же самое говоритъ и ст. 175 проекта уложенія. Въ проектѣ-же устава о наслѣдованіи такая характеристика принятія наслѣдства примѣнена только къ пережившему супругу и прямымъ потомкамъ: „оставшійся въ живыхъ супругъ и прямые потомки наслѣдодателя пріобрѣтаютъ его наслѣдство безъ всякаго съ ихъ стороны заявленія о намѣреніи принять наслѣдство“ (ст. 66); „всѣ прочіе наслѣдники пріобрѣтаютъ наслѣдство не иначе, какъ черезъ его принятіе; принятіемъ наслѣдства считается соотвѣтственное заявленіе, поданное въ судъ, или вступленіе, на правахъ хозяина, въ пользованіе наслѣдственнымъ имуществомъ“ (ст. 67). Хотя редакторы въ объясненіяхъ къ приведеннымъ статьямъ (т. IV

стр. 492) и полагають, что „въ настоящемъ вопросѣ надлежитъ различать ближайшихъ наслѣдниковъ—жену, дѣтей и другихъ прямыхъ нисходящихъ наслѣдодателя—отъ болѣе отдаленныхъ его родственниковъ“, однако, въ сущности никакого различія редакторы здѣсь не дѣлаютъ, разъ фактическое вступленіе въ обладаніе наслѣдствомъ признается за его принятіе: фактически вступить въ обладаніе наслѣдствомъ можетъ тотъ, кто, имѣя основаніе почитать себя наслѣдникомъ, поставленъ въ возможность проявить надъ наслѣдствомъ свое господство; а въ крестьянскомъ дворѣ въ такомъ положеніи окажутся не только жена наслѣдодателя и его дѣти, но всѣ вообще члены двора. Поэтому для принятія наслѣдства не будетъ никакой разницы, въ смыслѣ способа пріобрѣтенія наслѣдства, являются-ли наслѣдниками жена и дѣти, или другіе члены двора,—а потому, что сказано въ дѣйствующемъ законѣ и въ проектѣ уло-

женія по вопросу о принятіи наслѣдства вполнѣ примѣнимо и къ крестьянамъ, безразлично притомъ, состоитъ-ли наслѣдственное имущество изъ надѣла или изъ чего либо иного.

Не создаетъ уставъ новаго положенія и по вопросу объ отреченіи отъ наслѣдства, постановляя, что „принятіе наслѣдства и отреченіе отъ него не могутъ подлежать измѣненію; однако, наслѣдникъ въ правѣ отказаться отъ наслѣдства и по принятіи его, если таковое послѣдовало вслѣдствіе незнанія о существованіи завѣщанія“ (ст. 68); положеніе это прямо переписано изъ проекта уложенія (ст. 174).

Послѣ безповоротнаго, по существу своему, акта принятія наслѣдства возникаетъ отвѣтственность наслѣдника предъ кредиторами наслѣдодателя. Такъ говоритъ каждый гражданскій кодексъ (I ч. X т. ст. 1259, пр. улож. ст. 183); такъ гласитъ и ст. 69 устава: „къ наслѣдникамъ, съ пріобрѣтеніемъ наслѣдства, поступаетъ все имущество на-

слѣдодателя какъ наличное, такъ и находящееся въ долгахъ. Одновременно на наслѣдниковъ переходятъ всѣ не прекратившіяся съ его смертью обязательства наслѣдодателя". Новаго въ этомъ, значитъ, ничего нѣтъ; а то, что могло-бы быть здѣсь новаго, редакторами оставлено безъ вниманія. Редакторы, къ сожалѣнію, постоянно упускаютъ изъ вида, о какомъ имуществѣ имъ слѣдуетъ главнымъ образомъ вести рѣчь. Внѣнадѣльное имущество у крестьянъ представляется сравнительно рѣдкимъ явленіемъ; да если стать на очевидно симпатичную редакторамъ точку зрѣнія, то всякая недвижимость должна-бы пріобрѣсть характеръ надѣльнаго имущества. Между тѣмъ надѣльное имущество во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ подчинено по уставу и по дѣйствующимъ узаконеніямъ особымъ правиламъ,—а именно, по ст. 14 Полож. о над. з., „надѣльныя земли не могутъ быть обращаемы въ публичную продажу ни по

какимъ взысканіямъ“. Какимъ-же образомъ примирить съ этимъ положеніемъ провозглашаемую редакторами отвѣтственность наслѣдниковъ по долгамъ наслѣдодателя? Вѣдь, если у наслѣдниковъ кромѣ надѣла ничего нѣтъ, то и взыскать съ нихъ ничего нельзя. Значитъ, заимствованное изъ общаго гражданскаго закона положеніе останется только слабымъ теоретическимъ утѣшеніемъ для кредиторовъ наслѣдодателя, на случай что, быть можетъ, у наслѣдниковъ появится такое имущество, на которое по закону возможно будетъ обратить взысканіе. Очевидно, такимъ образомъ, оба положенія непримиримы, и нужно однимъ изъ нихъ пожертвовать: если отказаться отъ правила о необращеніи взысканія на надѣлъ, то отпадаетъ одно изъ главныхъ основаній, провозглашенныхъ редакторами за основныя начала Положеній 19 февраля 1861 г. (хотя, какъ извѣстно, неотчуждаемость надѣла создана только закономъ 14 де-

кабря 1893 г.); если отказаться отъ правила объ отвѣтственности наслѣдниковъ—уничтожается въ крестьянскомъ кодексѣ главный смыслъ наслѣдственнаго права, и крестьянскій кодексъ не будетъ похожъ на всякій иной кодексъ. Конечно, редакторамъ слѣдовало-бы избрать второе рѣшеніе, тѣмъ болѣе, что они-же настаиваютъ на необходимости для крестьянъ особаго кодекса частнаго права: безотвѣтственность крестьянъ за долги ихъ наслѣдодателя могла-бы быть принята за доказательство того, что крестьянскій бытъ своеобразенъ, а потому-де и нужно составить для нихъ особый кодексъ. Но бѣда въ томъ, что отвѣтственность наслѣдника за долги наслѣдодателя, не есть нѣчто навязываемое закономъ, но представленіе объ обязательности отвѣчать за долги наслѣдодателя живетъ въ сознаніи народа и, какъ заявляютъ редакторы, признается и обычнымъ правомъ. Значитъ, жертвовать этимъ принципомъ нельзя,—а остается отка-

заться отъ принципа свободы надѣла отъ обращенія на него взысканій, т. е. отъ одного изъ коренныхъ началъ всего теоретически возведеннаго редакторами зданія.

Но если редакторы не отказываются отъ начала отвѣтственности наслѣдниковъ, подкрѣпляя это положеніе ссылками на дѣйствующій гражданскій законъ и на будущее уложеніе, то это служитъ лишнимъ доказательствомъ того положенія, насколько отдѣльный для крестьянъ кодексъ представляется ненужнымъ.

Правда, есть въ разрѣшеніи вопроса объ отвѣтственности наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя въ уставѣ и нѣчто новое, а именно: „наслѣдники до раздѣла полученнаго ими наслѣдства отвѣчаютъ за долги наслѣдодателя круговою другъ за друга отвѣтственностью“ (ст. 70). Редакторы считаютъ нецѣлесообразнымъ принять долевую отвѣтственность наслѣдниковъ, какъ это опредѣляется дѣйствующимъ зако-

номъ и будущимъ уложеніемъ, и вотъ почему: „едва-ли примѣненіе начала исключительно долевой отвѣтственности во всѣхъ случаяхъ наслѣдованія нѣсколькихъ лицъ въ крестьянскомъ имуществѣ представлялось-бы правильнымъ, такъ какъ опытъ свидѣтельствуетъ, что сохраненіе наслѣдственнаго имущества, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени послѣ открытія наслѣдства, въ общемъ владѣніи наслѣдниковъ встрѣчается въ крестьянскомъ быту несравненно чаще, чѣмъ въ средѣ лицъ иныхъ сословій, у коихъ раздѣлъ наслѣдственнаго имущества почти всегда слѣдуетъ немедленно за вступленіемъ наслѣдниковъ во владѣніе имъ; допущеніе-же одной лишь долевой отвѣтственности и въ продолженіе общаго пользованія наслѣдственнымъ имуществомъ уменьшило-бы обезпеченность взысканій по обязательствамъ умершаго наслѣдодателя и могло-бы отразиться неблагопріятно на мелкомъ кредитѣ въ сель-

скихъ мѣстностяхъ" (т. IV стр. 497). Редакторы противопоставляютъ долевую отвѣтственность наслѣдниковъ—отвѣтственности совокупной, отклоняясь въ этомъ случаѣ отъ того значенія, какое усвоивается этому термину въ проектѣ уложенія (тамъ, ст. 166, совокупнымъ называется обязательство, исполненіе котораго можетъ быть требуемо *нераздѣльно* отъ каждаго изъ содолжниковъ); редакторы имѣютъ въ виду не совокупную въ смыслѣ солидарности отвѣтственность сонаслѣдниковъ, а лишь круговую поруку, что и обнаруживается изъ второй половины ст. 70: „кредиторы наслѣдодателя обязаны обращать свои требованія по *частямъ* къ каждому изъ наслѣдниковъ до раздѣла; если одинъ изъ сонаслѣдниковъ окажется несостоятельнымъ, то причитающаяся съ него часть долга распредѣляется между остальными, сообразно наслѣдственной долѣ каждаго изъ нихъ". Цѣль обезпеченія кредита была-бы достигнута не такимъ способомъ

распредѣленія отвѣтственности, а установленіемъ отвѣтственности солидарной и признаніемъ надѣла за имущество, на которое можетъ быть обращено взысканіе кредиторовъ.

И такъ, разсмотрѣвъ основанія призванія къ наслѣдованію и послѣдствія принятія наслѣдства, спросимъ еще разъ, что новаго, что особеннаго даютъ редакторы въ уставѣ о наслѣдованіи? есть-ли въ этомъ отдѣлѣ проектируемаго крестьянскаго кодекса что-либо такое, что не разрѣшалось-бы общимъ гражданскимъ закономъ, что требовало-бы созданія спеціальныхъ нормъ для крестьянъ? Мы видѣли, что ничего такого нѣтъ.

Изъ дѣйствующаго закона и изъ проекта уложенія сдѣланы заимствованія, пріуроченныя къ крестьянскому быту, и сдѣланы такъ неудачно, что особенности крестьянскаго быта, что касается своеобразнаго положенія надѣла, упущены изъ вниманія; въ то же время въ уставъ внесены такія по-

ложенія, которыя въ подлежащихъ частяхъ устава не находятъ себѣ ближайшаго объясненія, и для истолкованія которыхъ придется обращаться къ общему гражданскому закону. Такъ, напримѣръ, уставъ говоритъ о пожизненномъ владѣніи, которое по завѣщанію домохозяина можетъ быть предоставлено женѣ. Что разумѣть подъ пожизненнымъ владѣніемъ? каково пространство правъ, предоставляемыхъ пожизненной владѣлицѣ? каковы въ этомъ случаѣ права прочихъ сонаслѣдниковъ? На эти и подобные вопросы не найти отвѣта въ уставѣ,—а между тѣмъ это вопросы не празднаго любопытства, не утонченныхъ юридическихъ построеній, а вопросы существенной практической важности, и имѣть разрѣшеніе этихъ вопросовъ въ уставѣ совершенно необходимо для тѣхъ судей, которые призваны будутъ къ разрѣшенію крестьянскихъ споровъ о наслѣдованіи. Для этихъ судей необходимо имѣть въ законѣ совершенно точныя и ясныя

указанія о порядкѣ наслѣдованія, о существѣ того права, которое признается за крестьянами въ особенности на надѣльныя земли. Мы видѣли, что въ этомъ отношеніи уставъ оставляетъ желать многаго. Редакторы не рѣшились объявить надѣлъ за имущество, наслѣдованію вовсе не подлежащее; напротивъ, имущество это подлежитъ наслѣдованію въ кругу лицъ, которыхъ редакторы называютъ наслѣдниками необходимыми, а за отсутствіемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ необходимыхъ наслѣдниковъ, надѣлъ можетъ быть даже завѣщаемъ. Распоряженіемъ послѣдней воли можетъ быть опредѣлена судьба того имущества, которое при жизни завѣщателя ему не принадлежало, такъ какъ принадлежало всей совокупности членовъ двора. Понятіе собственности индивидуальной и коллективной постоянно сталкиваются. Уставъ о наслѣдованіи не согласованъ съ положеніемъ о надѣльныхъ земляхъ, благодаря чему уставъ оказывается работою непроду-

манною, не вышедшей изъ состоянія предварительнаго чернового наброска. Самыя объясненія къ тексту статей имѣютъ своей цѣлью связать проектъ съ общимъ закономъ о наслѣдованіи, чего ужъ, конечно, не слѣдовало дѣлать, разъ за крестьянскимъ наслѣдованіемъ признаются самобытныя черты.

Если первая часть сельскаго устава о договорахъ—оказывается работой безплодной и неудачной, то еще въ большей степени такимъ характеромъ отличается вторая часть устава—о наслѣдованіи: это не только безплодная и ненужная, но и вредная работа по той массѣ внутреннихъ противорѣчій, какія встрѣчаются въ ней на каждомъ шагу тамъ, гдѣ редакторы хотѣли быть яко-бы самобытными и не дѣлали заимствованій изъ готовыхъ источниковъ. При томъ-же признаваемая редакторами сила обычая въ наслѣдственномъ правѣ заранѣе упраздняетъ возможность разсчитывать, что самыя хитроумныя положенія устава могутъ

найти себѣ примѣненіе въ крестьянскомъ быту.

А развѣ при такомъ положеніи дѣла возможно разсчитывать на прочные результаты работы? Къ чему сочинять какіе-бы то ни было законы, если знать впередъ, что законы эти примѣняться не будутъ, такъ какъ обычай сокрушитъ эти законы?

Вѣроятно, эти соображенія были не чужды редакторамъ. Этимъ только и можно объяснить неудачную кодификацію тѣхъ „магистральныхъ линій" наслѣдственнаго права, какую мы имѣемъ въ выработанномъ редакторами уставѣ о наслѣдованіи. Конечно, нельзя обнять необъятное; законъ всего предусмотрѣть не можетъ. Но примѣняется законъ не по буквѣ, а по своему содержанію, которое, сообразно конкретнымъ условіямъ дѣла (казуса), проводится въ жизнь судомъ, призваннымъ къ истолкованію закона. Чѣмъ опытнѣе судьи, чѣмъ тоньше ихъ юридическій анализъ, тѣмъ больше га-

рантій правильнаго примѣненія закона въ жизни. Можно-ли ожидать, что проектируемое редакторами судоустройство обезпечить выработаннымъ нынѣ сельскимъ уставамъ правильное примѣненіе?

Составленіе сельскихъ уставовъ, этотъ, по мнѣнію редакторовъ, до дерзости смѣлый шагъ, предпринято было комиссіей въ цѣляхъ облегченія дѣятельности волостныхъ судовъ. Но здѣсь возникаютъ вопросы, да нуженъ-ли волостной судъ? есть-ли это такое учрежденіе, которое подлежало-бы дальнѣйшему культивированію? не пора-ли упразднить этотъ судъ, остатокъ предполагавшагося Положеніемъ 19 февраля переходнаго состоянія крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости?

Съ точки зрѣнія редакторовъ, для которыхъ волостной судъ является учрежденіемъ, не вызывающимъ никакихъ сомнѣній въ смыслѣ права его на дальнѣйшее его существованіе, вопросы эти покажутся, конечно, „до дер-

зости смѣлыми“. Но такая оцѣнка этихъ вопросовъ можетъ быть сдѣлана только людьми предубѣжденными, твердо держащимися предвзятой мысли о необходимости создавать искусственныя препятствія къ сліянію всѣхъ сословій. На самомъ дѣлѣ волостной судъ является учрежденіемъ, подлежащимъ не дальнѣйшему развитію и культивированію, а упраздненію, потому что существованіе сословнаго крестьянскаго суда и дальнѣйшихъ инстанцій не находитъ себѣ оправданій ни съ исторической, ни съ теоретической, ни съ практической точекъ зрѣнія.

Какъ на историческій прецедентъ, редакторы ссылаются на образованіе въ концѣ тридцатыхъ годовъ волостныхъ и сельскихъ расправъ у государственныхъ крестьянъ. Понятно однако, что то, что было у крестьянъ при существованіи крѣпостной зависимости, вовсе не можетъ служить оправданіемъ того, что, по мысли редакторовъ, должно существовать у крестьянъ теперь,

когда на нихъ распространены личныя и имущественныя права свободныхъ обывателей. Не пригодна для оправданія волостного суда и ссылка на составителей Положенія 19 февраля 1861 г., которые „приняли на себя задачу организовать сословный судъ у владѣльческихъ крестьянъ“ (т. I, стр. 50): историкъ великой реформы, какъ мы уже имѣли случай сказать, заявляетъ, что волостной судъ представлялъ собою учрежденіе временное, обусловливаемое несовершенствомъ въ устройствѣ судебной части той эпохи. Наконецъ, то положеніе волостного суда, какое опредѣлено закономъ 12 іюля 1889 года, вовсе и не есть историческій прецедентъ. Разъ этотъ законъ въ связи съ прочими подлежащими пересмотру законоположеніями о крестьянахъ входитъ въ составъ матеріаловъ, съ какими имѣютъ дѣло редакторы проекта, то нельзя уже смотрѣть на этотъ законъ, какъ на точку отправленія, а слѣдовало и этотъ подлежащій пересмотру законъ

подвергнуть критической оцѣнкѣ. Это сознано и редакторами, которые говорять: „хотя означенный законъ является крупнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ развитія и усовершенствованія крестьянскаго сословнаго суда, тѣмъ не менѣе редакціонная комиссія находить, что *на этомъ пути нельзя остановиться*. И нынѣ преобразованный волостной судъ, хотя улучшенный по сравненію съ прежнимъ, не можетъ почитаться стоящимъ на уровнѣ возложенной на него высокой задачи. Поэтому комиссія полагаетъ, что въ настоящее время, въ связи съ пересмотромъ законоположеній о крестьянахъ, настала пора сдѣлать еще болѣе рѣшительный шагъ въ томъ направленіи, которое намѣчено временными правилами 12 іюля 1889 года“ (т. I стр. 52). Почему-же, спрашивается, комиссія думаетъ, что нужно идти въ направленіи, намѣченномъ этимъ закономъ, создавшимъ непредусмотрѣнный Положеніемъ 19 февраля по-

рядокъ управленія и суда, а не въ направленіи приближенія къ общему закону судоустройства и судопроизводства?

На этотъ вопросъ редакторы отвѣта намъ не даютъ; они ограничиваются лишь указаніемъ на то, что таково мнѣніе комиссіи, и, исходя изъ недоказаннаго и предвзятаго положенія о томъ, что волостной судъ долженъ существовать, они даютъ объясненіе, почему для руководства волостнымъ судамъ слѣдуетъ составить сельскіе уставы. Волостной судъ—учрежденіе переходной эпохи. Чѣмъ дольше будетъ существовать этотъ судъ, тѣмъ на болѣе продолжительный срокъ искусственно задержится объединеніе всѣхъ сословій въ области права, что, какъ мы видѣли выше, составляетъ, и по мнѣнію редакторовъ, ту конечную цѣль, которую долженъ преслѣдовать законодатель. Но существованіе волостного суда и всего вообще обособленнаго крестьянскаго судоустройства,

не связаннаго съ общимъ строемъ судебной части въ Имперіи, существованіе суда, руководствующагося обособленнымъ кодексомъ, безъ сомнѣнія окажется главной искусственной преградой на пути къ сліянію крестьянства съ прочими частями населенія. Если установленіе этой преграды входитъ въ сознательную цѣль редакторовъ, то, конечно, избранное ими средство для достиженія этой цѣли нельзя не признать удачнымъ; но вѣдь редакторы понимаютъ-же и высказываютъ, что разъединенія между крестьянствомъ и прочими сословіями не должно быть. Зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ они создаютъ законъ, который на долгое время отсрочитъ сліяніе сословій, который образуетъ между сословіями пропасть? Вопросъ о юридическомъ равенствѣ, о равноправности — вопросъ огромной государственной важности. Въ Западной Европѣ этотъ вопросъ рѣшался не мирнымъ законодательнымъ путемъ, а страшными потрясеніеми всего госу-

дарственнаго организма. Въ совершенно иныхъ, къ счастью, условіяхъ находилось въ этомъ отношеніи наше отечество. У насъ мирнымъ законодательнымъ путемъ развязанъ узелъ крѣпостнаго права, дана свобода, личная и имущественная милліонамъ населенія. Но развѣ можно останавливаться на этомъ? Сдѣлавъ первый шагъ, нужно сдѣлать и второй. Всякая искусственная задержка въ дѣлѣ объединенія гражданскаго права всего населенія, къ чему, по словамъ редакторовъ, стремится и крестьянство, можетъ разразиться въ будущемъ роковыми послѣдствіями. Отъ возможности наступленія такихъ послѣдствій Россію предохранитъ неукоснительное соблюденіе Высочайшихъ предначертаній по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи, ибо „пересмотръ этотъ долженъ совершаться на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19 февраля 1861 г. и представлять собою дальнѣйшее ихъ развитіе“. Обособленіе крестьянъ не вхо-

дило въ цѣли редакторовъ Положеній, не слѣдуетъ, значитъ, и нынѣ стремиться къ этой обособленности, а слѣдуетъ, напротивъ, избѣгать всего того, что эту обособленность можетъ создать и поддержать, и здѣсь на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ упразднить особое судоустройство у крестьянъ.

Судебная реформа 1864 года была реформой всесословной и построена не на историческихъ прецедентахъ, противъ которыхъ она именно и направлена была, а на данныхъ теоріи и опытѣ другихъ государствъ. Судебные уставы провозгласили принципъ раздѣленія власти судебной и административной, сообщили суду независимый характеръ, объявивъ судей несмѣняемыми, вмѣнили суду въ обязанность толковать законъ, примѣняя его не по буквѣ только, но и по духу,—въ виду чего къ отправленію судейскихъ обязанностей должны были быть призваны лица съ высокимъ и спеціальнымъ образовательнымъ цензомъ. Су-

дебныя мѣста построены по типу двухъ инстанцій, съ учрежденіемъ единой кассаціонной инстанціи въ лицѣ кассаціонныхъ департаментовъ Сената.

Но черезъ 25 лѣтъ эти основныя начала судоустройства пришли въ забвеніе. Былъ сдѣланъ шагъ назадъ по направленію къ возсоединенію раздѣленныхъ судебной и административной властей—и появился вмѣсто органа юстиціи чиновникъ административнаго вѣдомства, облеченный судебными функціями — земскій начальникъ. Этотъ административно-судебный чиновникъ интересуетъ насъ въ данномъ случаѣ не своими судебными функціями, а тѣмъ положеніемъ, въ какое поставленъ онъ къ волостному суду,—тѣмъ болѣе, что, по проекту положенія о волостномъ судѣ, роль земскаго начальника въ этомъ отношеніи оказывается не только не съуженной, но еще и расширенной.

По Положенію 19 февраля 1861 г., волостной судъ предполагался суще-

ствующимъ отдѣльно отъ административныхъ крестьянскихъ органовъ, и ст. 104 Положенія (нынѣ 167 по изд. 1902 г.) гласила: „волостной старшина и староста не должны вмѣшиваться въ производство волостного суда и не присутствують при обсужденіи дѣлъ"; напротивъ, по закону 12 іюля 1889 г. „съѣздъ, если признаетъ нужнымъ, можетъ возложить обязанности предсѣдателя (волостного суда) на мѣстнаго волостного старшину" (ст. 113 Общ. П.), а проектъ положенія о волостномъ судѣ идетъ еще дальше, постановляя (ст. 12), что на должность волостного судьи избираются лица, имѣющія право быть избранными въ члены волостного схода, такъ что не исключается возможность избранія въ судьи исключительно лицъ, несущихъ административныя обязанности. Никакого образовательнаго ценза для этихъ судей не установлено; только о предсѣдателѣ, назначаемомъ съѣздомъ, ст. 13 говоритъ, что „назначенный въ пред-

сѣдатели долженъ быть лицомъ хорошо грамотнымъ", —значитъ, прочіе судьи могутъ быть и вовсе неграмотными. При такомъ характерѣ состава волостного суда огромное вліяніе на ходъ судопроизводства долженъ пріобрѣсть волостной писарь или тотъ особый дѣлопроизводитель волостного суда, объ учрежденіи должности котораго предоставляется право постановить волостному сходу или самому волостному суду; образовательный цензъ и этого непремѣннаго члена волостного суда не высокъ: онъ назначается земскимъ начальникомъ изъ лицъ благонадежныхъ, хорошо знающихъ русскую грамоту (ст. 19). Такъ такъ „дѣлопроизводство волостного суда, а также храненіе въ порядкѣ дѣлъ и книгъ онаго, возлагаются или на одного изъ волостныхъ судей или на волостного писаря, подъ ближайшимъ наблюденіемъ предсѣдателя суда" (ст. 16), или на дѣлопроизводителя, то волостной судъ, учрежденіе по закону коллегіальное, неминуемо превратится фактиче-

ски въ судебно-административный единоличный органъ, въ соотвѣтствіе должности земскаго начальника, такъ какъ предсѣдатель волостного суда, онъ-же, быть можетъ, и волостной старшина, и его подручные писарь и дѣлопроизводитель окажутся низшими судебно-административными агентами.

Сами редакторы не скрываютъ отъ себя, что волостные судьи, какъ судьи, очень неудовлетворительны; лица эти чужды не только юридическому образованію, но, быть можетъ, и грамотности. О какой-же судейской самостоятельности, о какомъ судейскомъ достоинствѣ можетъ быть рѣчь по поводу такихъ органовъ юстиціи? Можетъ-ли населеніе уважать такой судъ? И теперь крестьяне не смотрятъ на волостной судъ съ большимъ уваженіемъ; но теперь—гдѣ не дѣйствуютъ еще земскіе начальники—крестьяне могутъ обращаться со своими исками и въ общія судебныя мѣста; когда-же доступъ въ общія судебныя мѣста бу-

детъ крестьянамъ закрыть, то придется имъ довольствоваться лишь своимъ сословнымъ судомъ, несмотря на то, что подчиненность этого суда земскому начальнику исключаетъ всякую тѣнь подозрѣнія о свободѣ судейской совѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, по ст. 30, „при ревизіи волостныхъ судовъ земскіе начальники, равно какъ уѣздные предводители дворянства, имѣютъ право дѣлать составу судовъ надлежащія *указанія, замѣчанія и выговоры*"; но этого еще мало: „если означенныя должностныя лица убѣдятся, что волостные судьи исправляютъ свои обязанности неудовлетворительно, или, вообще, не соотвѣтствуютъ занимаемой должности, то представляютъ о томъ уѣздному съѣзду, устраняя, въ случаяхъ особо важныхъ, неисправныхъ судей отъ исполненія обязанностей впредь до рѣшенія дѣла съѣздомъ". А что, если съѣздъ найдетъ дѣйствія устраненнаго судьи правильными? Получится результатъ совсѣмъ неудобный

для поддержанія престижа власти среди крестьянъ.

И вотъ, почему-то суду, состоящему изъ неграмотныхъ лицъ, находящихся при томъ въ полномъ подчиненіи у земскаго начальника, хотятъ предоставить рѣшеніе не какихъ либо маловажныхъ дѣлъ, а споровъ гражданскихъ, затрогивающихъ самые существенныя интересы сельскаго населенія. „Изъ числа гражданскихъ дѣлъ, гласитъ ст. 2 проекта положенія о волостномъ судѣ, вѣдѣнію волостного суда подлежатъ иски: 1) *на всякую сумму* а) о недвижимомъ имуществѣ, входящемъ въ составъ крестьянскаго надѣла, и о движимости, составляющей его хозяйственную принадлежность, и б) о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, равно какъ нарушеннаго участія въ пользованіи и выгодахъ сосѣдскаго имущества (права участія частнаго), если со времени нарушенія прошло не болѣе года; 2) на сумму не свыше *пятисотъ рублей*: а) объ имуществѣ внѣ-

надѣльномъ, расположенномъ въ предѣлахъ волости, недвижимомъ и движимомъ; б) по договорамъ и обязательствамъ; в) объ убыткахъ, выселенiи, снесенiи построекъ, обезпеченiи родителей, содержанiи внѣбрачныхъ дѣтей и по другимъ предметамъ, не поименованнымъ въ предшедшемъ (1) пунктѣ". Эта статья, представляя собою заимствованiя изъ временныхъ правилъ 1889 года, расширяетъ однако компетенцiю волостного суда, поднимая предѣлъ подсудности съ 300 р. до 500 р. Но такъ какъ крестьянскiе иски рѣдко оцѣниваются выше 200—300 р. и обыкновенно имѣютъ своимъ предметомъ надѣльную землю, то практически постановленiе ст. 2 сводится къ тому, что всѣ крестьянскiе иски подлежатъ вѣдѣнiю волостного суда; сдѣлано изъ этого положенiя одно исключенiе: „изъ вѣдѣнiя волостного суда изъемляются тѣ иски, коими отыскивается право собственности на недвижимое имущество или право владѣ-

нія такимъ имуществомъ на основаніи акта крѣпостного, или совершеннаго или явленнаго у нотаріуса" (ст. 3). Изъ сопоставленія положительной и отрицательной формулировки компетенціи волостного суда слѣдуетъ, что и такіе иски, какъ искъ о законности рожденія, вообще о правахъ состоянія, о привилегіяхъ на открытія и изобрѣтенія, объ авторскомъ правѣ, должны быть признаны подсудными волостному суду,—по крайней мѣрѣ, иски эти положительно не изъяты изъ компетенціи волостного суда.

Но не одни лишь исковыя дѣла подвѣдомственны волостному суду; на волостной судъ возлагаются и функціи охранительнаго производства: „сверхъ того, къ вѣдомству волостного суда относятся дѣла по охраненію, утвержденію за наслѣдниками и раздѣлу находящихся въ предѣлахъ волости имуществъ, оставшихся послѣ смерти лицъ сельскаго состоянія, а равно иски о наслѣдованіи въ

этихъ имуществахъ и споры наслѣдниковъ между собою: а) безъ ограниченія суммы, когда недвижимое имущество входитъ въ составъ крестьянскаго надѣла, а движимость составляетъ принадлежность этого надѣла и б) когда цѣнность оставшагося внѣнадѣльнаго недвижимаго имущества не превышаетъ двухъ тысячъ, а движимаго—пятисотъ рублей“ (ст. 2). Для крестьянъ подсудность дѣла волостному суду въ указанныхъ предѣлахъ является исключительной; но для некрестьянъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда истецъ некрестьянинъ, а отвѣтчикъ—принадлежитъ къ крестьянамъ, подвѣдомственность дѣлъ оказывается факультативной: „лицо, неподвѣдомственное волостному управленію, въ случаѣ возникновенія между нимъ и подчиненнымъ сему управленію лицомъ, или крестьянскимъ обществомъ, гражданскаго либо уголовнаго дѣла, подвѣдомственнаго волостному суду, имѣетъ право искать удовлетворенія въ семъ судѣ“. Нельзя признать

это положеніе послѣдовательнымъ: если ужъ дѣло подсудно волостному суду по своему существу и по лицу отвѣтчика, то всякій истецъ и долженъ идти въ волостной судъ.

Въ сравненіи съ первоначальными правилами о компетенціи волостного суда по Положенію 19 февраля 1861 года, проектируемыя правила, приводящія къ дальнѣйшему расширенію компетенціи волостного суда по закону 1889 г., обезпечиваютъ торжество сословнаго начала, упуская изъ вида, что первая инстанція крестьянскаго суда ни по образовательному цензу судей, ни по ихъ отношенію къ администраціи, не можетъ внушить къ себѣ довѣрія со стороны того населенія, интересы котораго поручаются вѣдѣнію этого завѣдомо неудовлетворитель наго учрежденія. Если волостной судъ неудовлетворителенъ и въ то-же время принадлежитъ лишь къ переходной эпохѣ въ жизни освобожденнаго крестьянства, то не объ исправленіи воло-

стного суда, не о надѣленіи его особымъ, нарочито для него созданнымъ кодексомъ должна идти рѣчь; онъ уже сыгралъ свою роль—и подлежитъ упраздненію.

Отдѣльнаго крестьянскаго сословнаго суда не должно быть, хотя бы даже судъ этотъ организованъ былъ по подобію общихъ судебныхъ мѣстъ, дѣйствующихъ по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II; и именно потому, что въ организаціи крестьянскаго суда хотятъ подражать великому образцу, нужно признать, что Судебные Уставы отличаются такими совершенствами, въ виду которыхъ распространеніе ихъ на все населеніе является единственно желательнымъ.

Но редакторы сошли съ первоначальнаго пути, предначертаннаго въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 г.; потерявъ эту твердую почву, стали искать, на чемъ бы построить зданіе крестьянскаго суда, и съ внѣшней, по

крайней мѣрѣ, стороны построили его по типу Учрежденія судебныхъ установленій. Разумѣется, и въ этомъ случаѣ проявлено редакторами не много оригинальности, такъ какъ предъ ними уже былъ готовый образецъ въ видѣ временныхъ правилъ о волостномъ судѣ 1889 года. Эти правила, конечно, изъ Положеній 1861 г. не вытекали, и выраженіемъ основныхъ началъ Общаго Положенія 19 февраля 1861 г. никакъ считаться не могли и не могутъ: поэтому-то именно, въ исполненіе Высочайшихъ предначертаній о пересмотрѣ законоположеній о крестьянахъ въ духѣ Положеній 1861 г., на редакторовъ и падала обязанность подвергнуть не дальнѣйшему развитію, а критической оцѣнкѣ новѣйшее крестьянское судоустройство, въ цѣляхъ подчиненія крестьянъ общимъ судебнымъ уставамъ. Не то сдѣлала редакціонная комиссія.

По Положенію 19 февраля 1861 г. рѣшенія волостныхъ судовъ почита-

лись окончательными, если при постановленіи ихъ не были допущены нарушенія законовъ; если-же при постановленіи рѣшенія нарушены были законы о волостномъ судѣ, то по закону 14 февраля 1866 г. рѣшенія волостного суда могутъ быть отмѣнены съѣздомъ мировыхъ посредниковъ, причемъ „мировой съѣздъ, при разсмотрѣніи просьбъ и представленій объ отмѣнѣ рѣшеній и приговоровъ волостного суда, ограничивается обсужденіемъ лишь вопроса о томъ: дѣйствительно-ли въ рѣшеніи суда заключается одно изъ указанныхъ нарушеній, и затѣмъ если признаетъ, что рѣшеніе волостного суда подлежитъ отмѣнѣ, вмѣстѣ съ отмѣной такого рѣшенія предоставляетъ постановить новое рѣшеніе волостному суду по принадлежности“ (ст. 176 по изд. 1902 г.) Функція съѣзда оказывается, такимъ образомъ, функціей кассаціонной, а не апелляціонной; рѣшеніе по существу

дѣла постановляется всегда первой инстанціей.

Временныя правила 1889 года перенесли на уѣздные съѣзды апелляціонныя функціи, установивъ, что „уѣздный съѣздъ, по разсмотрѣніи поступившихъ отъ земскаго начальника рѣшенныхъ волостныхъ судомъ дѣлъ, отмѣняетъ рѣшенія, постановленныя съ нарушеніемъ подсудности, а по остальнымъ или оставляетъ въ силѣ рѣшеніе волостного суда, или *постановляетъ новое рѣшеніе по существу,* или же передаетъ дѣло въ другой волостной судъ для новаго разсмотрѣнія и рѣшенія“ (ст. 142). Уѣздный съѣздъ долженъ, по закону, состоять изъ болѣе или менѣе образованныхъ, и даже спеціально образованныхъ людей; тамъ есть, по крайней мѣрѣ, одинъ профессіональный юристъ, уѣздный членъ окружного суда, которому, по словамъ редакторовъ, принадлежитъ наиболѣе вліятельная въ съѣздѣ роль. И если при такомъ со-

ставѣ второй инстанціи дѣло будетъ разрѣшено по существу, то есть основаніе полагать, что допущенныя волостнымъ судомъ неправильности рѣшенія будутъ устранены компетентнымъ органомъ. Но редакторы проекта положенія о волостномъ судѣ создали новую—чисто апелляціонную инстанцію, безъ примѣси кассаціоннаго элемента, это волостной судебный съѣздъ (ст. 7). „Волостной судебный съѣздъ, говоритъ ст. 34, состоитъ изъ предсѣдателей подвѣдомственныхъ съѣзду волостныхъ судовъ, подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника того участка, въ предѣлахъ коего находится мѣсто пребыванія волостного съѣзда. Уѣздному предводителю дворянства принадлежитъ право принимать на себя предсѣдательствованіе въ находящихся въ предѣлахъ уѣзда волостныхъ съѣздахъ". Изъ этого прежде всего видно, что вторая крестьянская судебная инстанція, по мысли редакторовъ, должна состоять изъ такихъ-же невин-

ныхъ въ законовѣдѣніи лицъ, какъ и первая; здѣсь не должно быть мѣста профессіональному юристу, потому что, какъ извѣстно, отъ земскаго начальника требуется принадлежность къ мѣстному потомственному дворянству, нѣкоторый имущественный цензъ и нѣкоторый, правда очень скромный и отнюдь не спеціально юридическій, образовательный цензъ, а то и ничего не требуется, кромѣ нѣкоторой практической опытности (ст. 6, 7, 15 III кн. Особ. Прил. IX т. Св. З.). Значитъ, минимальныя требованія относительно образовательнаго ценза членовъ волостного съѣзда остаются тѣ же, какія предъявляются проектомъ къ лицамъ, назначаемымъ на должность предсѣдателей волостныхъ судовъ: это должны быть лица, хорошо грамотныя (ст. 13). Не восполнитъ недостатка юридическаго образованія въ съѣздѣ и тотъ непремѣнный членъ, который именуется дѣлопроизводителемъ волостного съѣзда (ст. 37): проектъ, не

предъявляя къ этому лицу какихъ-либо положительныхъ относительно образовательнаго ценза требованій, ограничивается указаніемъ, что этой должности присвоиваются X классъ и окладъ содержанія изъ суммъ государственнаго казначейства, и что на должность дѣлопроизводителя могутъ быть назначаемы лица, не имѣющія правъ государственной службы; назначаетъ этого дѣлопроизводителя предсѣдатель съѣзда.

Трудно мириться съ отсутствіемъ образовательнаго ценза у должностныхъ лицъ вообще, потому что, предполагается, высокій образовательный цензъ лица составляетъ извѣстную гарантію и нравственнаго ценза этого лица: не даромъ законъ о земскихъ начальникахъ уменьшаетъ имущественный цензъ для лицъ съ высшимъ образованіемъ, не требуя отъ нихъ даже дворянскаго происхожденія (ст. 15). Еще труднѣе мириться съ отсутствіемъ спеціально юридическаго образовательнаго ценза у лицъ, облеченныхъ судейскими функ-

ціями: знаніе текста законовъ—одно, а умѣнье примѣнить законъ, хотя-бы и по крестьянскому кодексу,—другое. Какъ-же будутъ творить судъ лица въ знаніи и пониманіи законовъ неумудренныя, да еще въ томъ составѣ, какой проектированъ для волостныхъ съѣздовъ? Вѣдь въ сущности волостной съѣздъ—это единоличная власть земскаго начальника, только гарнированная предсѣдателями волостныхъ судовъ: можетъ-ли предсѣдатель волостного суда имѣть свое сужденіе, отличное отъ взгляда земскаго начальника, когда самъ этотъ предсѣдатель волостного суда, какъ власть волостного управленія, подчиненъ земскому начальнику? Правда, по проекту (ст. 40) въ разбирательствѣ дѣла въ съѣздѣ не можетъ участвовать предсѣдатель того волостного суда, коего дѣло обжаловано; но въ то-же время съѣздъ въ правѣ, если признаетъ нужнымъ, предложить означенному предсѣдателю изложить словесно, послѣ объясненій сто-

ронъ, тѣ основанія, по которымъ волостной судъ постановилъ обжалованное рѣшеніе. Развѣ это гарантія правильнаго отправленія правосудія? Конечно—волостной съѣздъ, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ волостной судъ,—только пародія на судебное мѣсто; —ни о какой самостоятельности судей въ такомъ судебномъ мѣстѣ не можетъ быть и рѣчи, когда члены съѣзда находятся въ непосредственной зависимости отъ своего предсѣдателя; а судья безъ самостоятельности взглядовъ, безъ смѣлости защищать ихъ вовсе и не судья. Волостной съѣздъ—это пародія на коллегіальный судъ, пародія плохая и обидная для всего дѣла правосудія.

Созданіе этой апелляціонной инстанціи (что она только апелляціонная—видно изъ ст. 144 проекта) не предусмотрѣно ни Положеніемъ 19 февраля 1861 г., ни закономъ 14 февраля 1866 г., ни временными правилами 12 іюля 1889 г. Это плодъ измышленія редакторовъ,

плодъ совершенно незрѣлый, негодный къ употребленію. Мысль о созданіи такой инстанціи—мысль вредная по своимъ послѣдствіямъ, и она должна быть оставлена. Кассаціонную инстанцію редакторамъ не пришлось измышлять,—они нашли ее готовою во временныхъ правилахъ 12 іюля 1889 года—въ видѣ губернскаго присутствія. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы существованіе этой инстанціи, ея организація и кругъ подвѣдомственныхъ ей дѣлъ обезпечивали-бы достиженіе тѣхъ цѣлей, которыя должно себѣ ставить государство въ сферѣ объединенія гражданскаго права. Какъ разъ наоборотъ: эти кассаціонныя инстанціи, какъ-бы онѣ ни были организованы, приведутъ къ совершенно противоположной цѣли,—къ распаденію территоріи Имперіи, съ точки зрѣнія дѣйствующаго въ ней права, на столько отдѣльныхъ областей, сколько будетъ губернскихъ кассаціонныхъ инстанцій, ничѣмъ одна съ другой не связанныхъ.

Въ составѣ судебныхъ засѣданій губернскихъ присутствій юридическій элементъ представленъ очень слабо: „въ составъ губернскаго присутствія приглашаются, на правахъ членовъ, для участія въ разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ, переносимыхъ въ него изъ уѣздныхъ съѣздовъ... предсѣдатель или членъ мѣстнаго окружнаго суда“ (ст. 97 кн. Ш Особ. Прил. IX т.); кромѣ того, по ст. 98 „по дѣламъ судебнымъ присутствующее въ засѣданіяхъ губернскаго присутствія лицо прокурорскаго надзора предъявляетъ присутствію въ надлежащихъ случаяхъ свои заключенія, не принимая участія въ постановленіи рѣшеній“. Такимъ образомъ, можетъ оказаться, что для разсмотрѣнія кассаціонной жалобы на рѣшеніе волостного съѣзда по гражданскому дѣлу въ составѣ присутствія не окажется ни одного компетентнаго лица, потому что предсѣдатель окружнаго суда или членъ суда могутъ быть и не цивилистами. Что же касается

всего остальнoго состава губернскаго присутствія, то это все лица административнаго вѣдомства, въ большинствѣ случаевъ отъ юридическаго образованія свободныя: губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ и два непремѣнные члена. Если-бы еще оба послѣдніе обладали высшимъ образованіемъ, и притомъ спеціально юридическимъ цензомъ, то можно было-бы ожидать, что губернское присутствіе, несмотря на свой неоднородный составъ, могло-бы разобраться въ сложныхъ вопросахъ гражданскаго права и процесса; но отъ непремѣнныхъ членовъ требуется тотъже скромный образовательный цензъ, какимъ должны обладать земскіе начальники (ст. 99). Между тѣмъ на губернское присутствіе, какъ на кассаціонную инстанцію, возлагаются сложныя обязанности отмѣны рѣшеній при наличности слѣдующихъ условій: 1) „когда съѣздомъ постановлено рѣшеніе по дѣлу, неподсудному волостному су-

ду; 2) когда съѣздъ въ своемъ рѣшеніи явно нарушилъ прямой смыслъ правилъ положенія о надѣльныхъ земляхъ, сельскихъ уставовъ о договорахъ и о наслѣдованіи, положеніе о наймѣ на сельскія работы или волостного устава о наказаніяхъ, или-же утвердилъ рѣшеніе волостного суда, постановленное съ такимъ нарушеніемъ, и 3) когда при производствѣ или рѣшеніи дѣла въ съѣздѣ, допущено столь существенное нарушеніе закона, что вслѣдствіе сего рѣшеніе съѣзда невозможно признать въ силѣ судебнаго рѣшенія“ (ст. 147 Проекта). Губернское присутствіе призвано, такимъ образомъ, къ истолкованію истиннаго смысла законовъ, хотя и предназначенныхъ для крестьянъ, но тѣмъ не менѣе, какъ это мы видѣли уже при разсмотрѣніи сельскихъ уставовъ, дающихъ готовыя формулы изъ общихъ законовъ. Возможно, конечно,—что и желательно,—что губернскія присутствія будутъ руководствоваться разъясненіями Прави-

тельствующаго Сената; но и для этого нужно обладать нѣкоторой теоретической подготовкой, да къ тому-же заглядываніе въ сенатскія рѣшенія будетъ зависѣть отъ доброй воли непремѣнныхъ членовъ, у которыхъ и такъ не мало своего дѣла. И станутъ губернскія присутствія судить по своему крайнему разумѣнію и толковать законы, какъ Богъ на душу положитъ. Возможно, что одно и то-же положеніе изъ сельскаго устава или изъ правилъ о судопроизводствѣ въ волостномъ судѣ получитъ совершенно различныя истолкованія въ различныхъ губернскихъ присутствіяхъ; а если къ этому прибавить еще, что сельскіе уставы, какъ мы видѣли, открываютъ широкій просторъ примѣненію мѣстнаго обычая, то существованіе этихъ пародій на кассаціонные департаменты Сената приведетъ къ тому, что вмѣсто единаго гражданскаго права, если не для всей Имперіи, то по крайней мѣрѣ, для извѣстной территоріи, у насъ получится

столько своеобразныхъ системъ гражданскаго права, сколько будетъ губернскихъ присутствій: каждое изъ нихъ по своему будетъ понимать законъ, каждое будетъ создавать прецеденты, обязательные только для подвѣдомственныхъ ему учрежденій, у каждаго будетъ складываться своя собственная практика.

Тогда какъ единство права составляетъ предметъ заботъ европейскихъ народовъ, заботъ разумныхъ, направленныхъ къ сплоченію частей государственнаго организма, у насъ не только не культивируется эта работа, но, напротивъ, принимаются всѣ мѣры къ разобщенію частей населенія Имперіи, по началамъ національнымъ—въ формѣ дальнѣйшаго дѣйствія, даже и при существованіи уложенія, самостоятельныхъ гражданскихъ кодексовъ, по началамъ сословнымъ—въ формѣ составленія отдѣльныхъ кодексовъ для крестьянъ и установленія множества самостоятельныхъ кассаціонныхъ инстан-

цій. Въ чьихъ-же интересахъ это разъединеніе частей населенія, это разобщеніе въ области матеріальнаго и процессуальнаго права?

Со стороны редакціонной комиссіи сдѣлано, повидимому, все для того, чтобы судъ творили не судьи, а представители администраціи, въ судебныхъ дѣлахъ вовсе и не свѣдущіе. Но въ такомъ случаѣ правильнѣе было-бы и не называть эти учрежденія судебными, разъ самымъ существованіемъ этихъ учрежденій нарушается выработанный наукой и провѣренный продолжительнымъ опытомъ принципъ раздѣленія властей судебной и административной. Между тѣмъ учрежденія эти снабжаются спеціально для нихъ выработанными кодексами матеріальнаго права и особымъ уставомъ судопроизводства: насколько кодексъ матеріальнаго права не отличается оригинальностью, будучи простымъ заимствованіемъ изъ закона дѣйствующаго и будущаго уложенія, мы уже видѣли. Намъ

остается теперь разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ своеобразенъ тотъ процессуальный законъ, которымъ хотятъ редакторы вооружить сословный крестьянскій судъ. Быть можетъ, въ правилахъ судопроизводства у крестьянъ мы найдемъ, наконецъ, объясненіе, почему для крестьянъ должно существовать отдѣльное законодательство?

Всякому извѣстно, что законы о судѣ состоятъ изъ правилъ судоустройства и правилъ судопроизводства; послѣднія излагаются отдѣльно для суда гражданскаго и отдѣльно для суда уголовнаго. Къ такому порядку изложенія всѣ привыкли, начиная съ перваго изданія свода законовъ; такого порядка держатся судебные уставы Императора Александра II, и даже въ положеніи о земскихъ начальникахъ соблюдается этотъ порядокъ. Тѣмъ болѣе странно видѣть этотъ обычный порядокъ изложенія законовъ о судѣ нарушеннымъ въ проектѣ положенія о волостномъ судѣ. Здѣсь все смѣшано

въ одну кучу—и судоустройство и судопроизводство гражданское и судопроизводство уголовное, и во главѣ правилъ о судопроизводствѣ выставлено слѣдующее положеніе: „гражданскія и уголовныя дѣла разбираются волостнымъ судомъ на одинаковыхъ основаніяхъ, съ соблюденіемъ лишь отличій, указанныхъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ“. (ст. 47); а въ слѣдующихъ статьяхъ и говорится, какъ начинаются дѣла гражданскія и чѣмъ отличается возбужденіе уголовныхъ дѣлъ. Уже поэтому не слѣдовало-бы обобщать правила производства гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, имѣя въ виду, что и проектируемый судъ и стороны въ одинаковой мѣрѣ несвѣдущи въ правѣ.

Но сказанное касается лишь внѣшняго порядка изложенія законовъ о судѣ. Хотя правила эти изложены съ пренебреженіемъ къ установившемуся порядку, освященному и исторіей нашего законодательства и наукою права, однако въ изложеніи правилъ гра-

жданскаго судопроизводства редакторы не рѣшились отказаться отъ такихъ безспорныхъ въ законодательствѣ и въ наукѣ положеній какъ nemo judex sine actore, ne procedat judex ultra petita partium, ne procedat judex ex officio. Эти положенія сохраняются и въ проектѣ, несмотря на то, что, по духу всѣхъ проектовъ законоположеній о крестьянахъ, можно было-бы ожидать полнаго смѣшенія началъ одного процесса съ началами другого. Такъ, по ст. 51, гражданскіе иски возбуждаются принесеніемъ волостному суду устной или письменной просьбы о разборѣ дѣла; означенная просьба подается истцомъ. Значитъ, и въ волостномъ судѣ гражданскій искъ можетъ быть возбужденъ однимъ только заинтересованнымъ частнымъ лицомъ, но не можетъ быть возбужденъ крестьянскими властями; даже, если при разборѣ дѣла, возбужденнаго въ уголовномъ порядкѣ, судъ усмотритъ, что дѣло это представляетъ споръ гражданскій, то

онъ въ правѣ прекратить дальнѣйшее уголовное разслѣдованіе и, *по просьбѣ жалобщика*, продолжать разсмотрѣніе дѣла, какъ иска гражданскаго (ст.59). Соотвѣтственно сему, каждое гражданское дѣло можетъ быть прекращено во всякое время производства отказомъ истца отъ дальнѣйшаго его веденія (ст. 50), и судъ не въ правѣ присудить истцу болѣе того, чего истецъ требовалъ съ отвѣтчика въ поданной суду просьбѣ или въ словесныхъ при разборѣ дѣла объясненіяхъ. Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ проявленіемъ общаго начала частной инициативы въ гражданскомъ процессѣ, какъ оно выражено въ ст. 4 и 706 уст. гр. суд. Начало состязательности (audiatur et altera pars) проведено въ положеніе о волостномъ судѣ въ ст. 105: „судъ не можетъ приступить къ разсмотрѣнію дѣла, если стороны или одна изъ сторонъ, за временною отлучкою не получили увѣдомленія о явкѣ къ разбору дѣла“ и въ ст. 112: „при несо-

гласіи сторонъ на миръ, сначала истецъ излагаетъ обстоятельства дѣла и заявляетъ свои требованія, а затѣмъ отвѣтчикъ долженъ объяснить, признаетъ онъ или отвергаетъ означенныя требованія“. Обоюдныя заявленія сторонъ должны быть подтверждены доказательствами, что видно изъ ст. 113: „по выслушаніи доказательствъ истца и послѣ объясненій отвѣтчика допрашиваются ихъ свидѣтели и разсматриваются представленныя ими иныя доказательства“. Приводимыя сторонами доказательства сводятся къ свидѣтельскимъ показаніямъ и письменнымъ документамъ; доказательства повѣряются заключеніемъ свѣдущихъ лицъ и осмотромъ на мѣстѣ. Отношеніе между способами доказательствъ то-же, что и въ уставѣ гражданскаго судопроизводства. Свидѣтельскія показанія—излюбленный пріемъ доказыванія у крестьянъ, которые въ каждомъ исковомъ прошеніи непремѣнно указываютъ свидѣтелей въ подтвержденіе и такихъ за-

явленій, которыя, по дѣйствующему закону, свидѣтелями доказываемы быть не могутъ. Положеніе о волостномъ судѣ однако не дѣлаетъ уступки этой склонности крестьянъ доказывать все свидѣтелями, а именно: „по дѣламъ о наймѣ недвижимости на срокъ свыше трехъ лѣтъ, о заемныхъ обязательствахъ на сумму свыше тридцати рублей, о процентахъ, неустойкахъ, поручительствѣ, запродажѣ недвижимаго имущества и отмѣнѣ или измѣненіи текста письменныхъ договоровъ—свидѣтельскія показанія не допускаются, а требуется предъявленіе суду письменныхъ документовъ“ (ст. 97). Такъ выражено въ положеніи о волостномъ судѣ правило 409 и 410 уст. гр. суд.; но обобщенная формула этихъ двухъ статей устава гр. суд. почему-то не признается въ отношеніи уплаты денегъ: въ ст. 98 говорится, что „свидѣтельскими показаніями можетъ быть доказываема уплата денегъ по перечисленнымъ въ ст. 97 сдѣлкамъ“.

Практически это очень опасное положеніе, потому что лицу, утверждающему, что уплата произведена имъ, гораздо легче найти свидѣтелей въ удостовѣреніе якобы имѣвшаго мѣсто событія уплаты, чѣмъ доказать противной сторонѣ отрицательный фактъ неполученія денегъ. Кромѣ того приведенное правило 98 ст. проекта положенія о волостномъ судѣ находится въ явномъ противорѣчіи съ первой половиной ст. 15 устава о договорахъ, гдѣ сказано: „заимодавецъ, по полученіи уплаты долга по займу, обязанъ выдать должнику платежную расписку, а если заемъ удостовѣренъ на письмѣ, то—возвратить ему и долговой документъ“. Къ сожалѣнію, вторая половина той-же 15 ст. допускаетъ показаніе свидѣтелей въ подтвержденіе уплаты. Установленіе этого въ практическомъ отношеніи въ высшей степени опаснаго правила мотивируется редакторами слѣдующимъ образомъ: „такъ какъ привычка къ письменности въ сдѣлкахъ

пріобрѣтается лишь въ теченіе продолжительнаго времени и такъ какъ безграмотность еще весьма часто встрѣчается между крестьянами, то письменнаго удостовѣренія договоровъ можно требовать въ проектируемомъ уставѣ исключительно по такимъ отношеніямъ, гдѣ уже и нынѣ ясно обнаруживается наклонность къ этому самого народа; между тѣмъ, подобной наклонности не замѣчается въ отношеніи уплаты денегъ". Но у неграмотныхъ вообще не можетъ быть наклонности облекать сдѣлки въ письменную форму; слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія не нужно вообще письменной формы для сдѣлокъ между крестьянами, а между тѣмъ редакторы для цѣлаго ряда договоровъ требуютъ письменную форму. И какія имѣются у редакторовъ основанія такъ категорически утверждать, что у крестьянъ нѣтъ наклонности требовать расписки въ полученіи денегъ противною стороной? „И въ этой кажущейся неравноправности

сторонъ, продолжаютъ редакторы, кроется глубокая справедливость: въ крестьянскомъ быту заимодавецъ всегда человѣкъ сильный, должникъ-же занимаетъ деньги не для коммерческихъ оборотовъ, а по горькой нуждѣ, и поэтому находится въ тяжкой зависимости отъ заимодавца“ (т. IV стр. 53). Но имущіе, къ какому-бы они сословію ни принадлежали, не нуждаются въ займахъ; сказанное о силѣ заимодавца въ одинаковой мѣрѣ примѣнимо ко всякому заимодавцу, и потому каждый должникъ заслуживаетъ сочувствія. А что если должникъ, ссылаясь на свидѣтелей, станетъ утверждать, что имъ произведена уплата въ большемъ противъ дѣйствительнаго долга размѣрѣ, и потому станетъ требовать отъ „сильнаго“ заимодавца возвращенія якобы недолжно уплаченнаго? Вѣдь показанія свидѣтелей окажутся въ глазахъ редакторовъ и волостного суда достаточнымъ доказательствомъ и на основаніи этого доказательства придется искъ должника

удовлетворить,—хотя-бы въ дѣйствительности онъ и не былъ правъ. Неужели здѣсь тоже проявленіе „глубокой справедливости“? Свидѣтельскія показанія вообще матеріалъ опасный и расширять область примѣненія этого доказательства, руководствуясь жалкими словами объ угнетенномъ положеніи должника и представляя себѣ заимодавца непремѣнно въ видѣ Шейлока, отнюдь не слѣдуетъ.

И такъ, за исключеніемъ указанной подробности относительно допустимости свидѣтельскихъ показаній, проектъ положенія о волостномъ судѣ не отступаетъ отъ Устава граж. суд. и въ вопросѣ о доказательствахъ, принимая изъ него и повѣрку письменныхъ документовъ (ст. 100).

Самый разборъ дѣла по проекту производится устно и публично (ст. 102) и рѣшеніе постановляется тѣмъже порядкомъ, что и въ настоящихъ судебныхъ мѣстахъ (ст. 120, 121, 125, 127).

Въ чемъ-же, спрашивается, заключается разница между проектируемымъ положеніемъ и уставомъ гражданскаго судопроизводства, что касается производства въ первой инстанціи? Какихъ-нибудь принципіальныхъ чертъ различія между проектомъ и Уставомъ гр. суд. усмотрѣть нельзя, а тѣ различія, какія существуютъ,—касаются деталей, и вовсе не говорятъ въ пользу „глубокой справедливости“ проекта. Проектъ настаиваетъ на быстротѣ рѣшенія: „каждое дѣло разсматривается и разрѣшается, по возможности, въ одно засѣданіе“ (ст. 104); поэтому проектъ не знаетъ заочнаго рѣшенія съ возможностью принесенія на таковое отзыва, не знаетъ вступленія и привлеченія третьихъ лицъ,—игнорируетъ такимъ образомъ такіе процессуальные моменты, которые ведутъ къ осложненію процесса; впрочемъ, проекту извѣстенъ встрѣчный искъ (ст. 117), предъявленіе котораго способно затормозить разрѣшеніе всякаго дѣла. Само собою ра-

зумѣется, что правила проекта отличаются скудостью,—а это для процессуальнаго закона, предназначеннаго для судей неопытныхъ, малограмотныхъ и неразвитыхъ, вовсе не можетъ считаться достоинствомъ. Очевидно, въ огражденіе волостного суда, а не въ интересахъ „глубокой справедливости“ редакторы устраняютъ изъ волостного суда профессіональныхъ повѣренныхъ (присяжныхъ и частныхъ): „стороны имѣютъ право замѣнить себя представителями изъ числа своихъ родныхъ, домашнихъ или незанимающихся ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ за вознагражденіе односельцевъ“ (ст. 65). Такимъ образомъ, стороны и судъ окажутся достойными другъ друга, такъ какъ стороны не знаютъ закона, а судьи едва-ли его понимаютъ.

Если въ процессуальныхъ законахъ, дѣйствующихъ и въ проектѣ новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства, правила производства судебныхъ дѣлъ полнѣе и обстоятель-

нѣе, то объясняется это вовсе не желаніемъ создать для сторонъ искусственныя затрудненія къ осуществленію нарушенныхъ правъ, а именно желаніемъ законодателя гарантировать отысканіе истины, которая для тяжущихся въ настоящихъ судахъ не менѣе дорога, чѣмъ и для кліентовъ волостного суда. Быстрота въ возстановленіи нарушеннаго права составляетъ идеалъ всякаго судопроизводства, но быстрота не должна торжествовать въ ущербъ правильности движенія процесса; къ тому-же быстрота производства по проекту еще весьма сомнительна, такъ какъ волостной судъ засѣдаетъ дважды въ мѣсяцъ (ст. 26), и между поступленіемъ дѣла въ судъ и рѣшеніемъ пройдетъ промежутокъ времени едва-ли меньшій, чѣмъ какой проходитъ при производствѣ дѣла у мирового судьи. Но если рѣшеніе дѣла въ волостномъ судѣ на основаніи положенія и сельскихъ уставовъ и окажется постановляемымъ быстрѣе, чѣмъ

въ судѣ всесословномъ, то еще вопросъ, что лучше—быстро постановленное неумѣлыми судьями рѣшеніе, или-же рѣшеніе постановленное и не такъ быстро, но при руководствѣ закона и судейскаго опыта.

Неизбѣжные промахи и недочеты въ дѣятельности волостного суда не будутъ исправлены и второю инстанціей —волостнымъ съѣздомъ, который, какъ мы уже видѣли, состоитъ изъ тѣхъ-же волостныхъ судей(предсѣдателей волостныхъ судовъ), но подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника. Хотя въ волостномъ съѣздѣ разбирательство дѣлъ производится тѣмъ-же порядкомъ, что и въ волостномъ судѣ (ст. 137), но здѣсь допускается участіе повѣренныхъ присяжныхъ и частныхъ (ст. 143), что, безъ сомнѣнія, должно затруднить вторую инстанцію,—а между тѣмъ и уставы, какъ мы видѣли выше, сочинены редакторами именно въ цѣляхъ облегченія дѣятельности суда. И такъ какъ волостной съѣздъ разсматриваетъ

дѣла съ повѣркою, по возможности, всѣхъ доказательствъ, бывшихъ въ разсмотрѣніи волостного суда, и съ передопросомъ всѣхъ существенныхъ по дѣлу свидѣтелей (при томъ подъ присягой), выслушиваетъ и принимаетъ во вниманіе новыя доказательства и показанія новыхъ недопрошенныхъ въ волостномъ судѣ свидѣтелей (ст. 138), то въ сущности, за исключеніемъ тѣхъ маловажныхъ дѣлъ (цѣною до 10 рублей—ст. 134 т. I), по которымъ подача жалобы не пріостанавливаетъ исполненія рѣшенія, на вторую инстанцію, столь-же мало подготовленную къ рѣшенію судебныхъ дѣлъ, какъ и первая, падаетъ вся тяжесть разсмотрѣнія гражданскаго дѣла, и эта тяжесть усиливается участіемъ болѣе опытныхъ и болѣе свѣдущихъ, чѣмъ судьи, присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ.

Наконецъ, производство въ кассаціонной инстанціи—въ губернскомъ присутствіи отличается, въ противоположность порядку производства въ во-

лостномъ судѣ и въ волостномъ съѣздѣ, отсутствіемъ публичности.

Какъ по дѣламъ исковымъ, такъ и по дѣламъ охранительнаго порядка, правила положенія представляютъ заимствованіе изъ соотвѣтствующихъ правилъ Устава гражд. судопроизводства съ неизбѣжными передѣлками на крестьянскіе нравы (ст. 195—233).

Рѣшенія приводятся въ исполненіе немедленно, безъ особой просьбы о томъ истца, волостнымъ старшиной или сельскимъ старостой, подъ общимъ руководящимъ наблюденіемъ земскаго начальника; впрочемъ, по заявленію истца, исполненіе можетъ быть пріостановлено (ст. 158). Однако, участіе волостного старшины въ исполненіи не представляетъ новости, такъ какъ и теперь рѣшенія даже общихъ судебныхъ мѣстъ по крестьянскимъ дѣламъ могутъ быть приводимы въ исполненіе волостными старшинами по исполнительнымъ листамъ судебныхъ мѣстъ.

Сопоставленіе проекта положенія о волостномъ судѣ въ части, касающейся гражданскаго процесса, съ Уставомъ гражд. суд. показываетъ, что положеніе имѣетъ въ своей основѣ тѣ-же принципы, что и дѣйствующій законъ гражданскаго судопроизводства, и что положеніе по объему затронутыхъ въ немъ вопросовъ соотвѣтствуетъ I книгѣ Устава гр. суд., гдѣ говорится о производствѣ у мировыхъ судей.

Разсмотрѣнные недостатки судоустройства, проектируемаго редакторами, дѣлаютъ примѣненіе процессуальнаго закона крестьянскими судами въ высшей степени затруднительнымъ. Инстанціи крестьянскаго суда—только пародія на настоящія судебныя инстанціи. Существованіе мѣстныхъ кассаціонныхъ инстанцій—явленіе вредное съ точки зрѣнія скорѣйшаго объединенія всего нашего гражданскаго права.

Такъ какъ созданіе крестьянскаго кодекса обусловливается, по мнѣнію редакторовъ, необходимостью преподать

волостному суду руководящій законъ въ его дѣятельности, а волостной судъ во всѣхъ его инстанціяхъ оказывается учрежденіемъ неудовлетворительнымъ, по непригодности его къ достиженію тѣхъ цѣлей, ради которыхъ оно существуетъ и которыя несравненно удачнѣе могли-бы быть осуществлены настоящими судебными мѣстами, а не ихъ суррогатами, то весь строй крестьянскаго суда подлежитъ упраздненію; сословный судъ долженъ уступить мѣсто общему гражданскому суду,—а съ тѣмъ вмѣстѣ отпадетъ и основаніе къ существованію отдѣльнаго кодекса частнаго права у крестьянъ. Какъ нѣтъ препятствій къ распространенію на крестьянъ общихъ законовъ матеріальнаго частнаго права, такъ-же точно ничто не мѣшаетъ распространить на нихъ и общій процессуальный законъ.

Разсмотрѣвъ выработанные редакціонной комиссіей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ проекты законоположеній о крестьянахъ, на сколь-

ко эти проекты касаются вопросовъ частнаго права, мы приходимъ къ заключенію, что проекты эти совершенно неудачны, такъ какъ положенная въ основаніе сихъ проектовъ мысль о сословной обособленности крестьянъ и о необходимости дальнѣйшаго поддержанія этой обособленности—невѣрна въ самомъ своемъ корнѣ. Поэтому разрѣшенія существующаго нынѣ крестьянскаго вопроса нужно ожидать не отъ разсматриваемыхъ проектовъ. Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса можетъ быть достигнуто не путемъ созданія законовъ, усугубляющихъ обособленность крестьянъ, а какъ разъ наоборотъ—распространеніемъ на крестьянъ общаго гражданскаго закона, съ устраненіемъ всего того, что теперь мѣшаетъ примѣненію къ крестьянамъ нормъ общаго права. Выше было показано, что съ упраздненіемъ волостного суда отпадаетъ основаніе того претенціознаго и ненужнаго зданія, которое возвели редакторы проектовъ, заимствуя

изъ готоваго законодательнаго матеріала готовыя положенія и тѣмъ доказывая, что въ выработанныхъ ими проектахъ никакой серьезной и настоятельной надобности не представляется.

Что же нужно, спросятъ насъ, поставить на мѣсто выработанныхъ редакціонной комиссіей проектовъ? На ихъ мѣсто ничего ставить не нужно, а нужно, чтобы подобные проекты не мѣшали торжеству общаго закона, нужно, чтобы, согласно Высочайшимъ предначертаніямъ, получили дальнѣйшее развитіе истинныя основныя начала Положеній 19 февраля 1861 года, а не тѣ начала обособленности крестьянъ, которыя выдаются редакторами за основныя начала великаго освободительнаго акта.

Что цѣль законодателя должно составлять объединеніе права гражданскаго—это признаютъ редакторы; что крестьянство стремится подвести себя подъ нормы общаго закона—это также утверждаютъ редакторы; что при

такихъ условіяхъ созданіе для крестьянъ особыхъ законовъ частнаго права и процесса является искусственной мѣрой, направленной къ тому, чтобы воспрепятствовать слiянiю крестьянъ съ прочими сословіями, пользующимися въ своихъ отношеніяхъ общимъ закономъ, это показано и, надѣемся, доказано. Отсюда выводъ такой: на крестьянъ должны быть распространены общіе гражданскіе законы; тѣ гражданскіе законы, которые въ настоящее время являются дѣйствующими, равно будущее гражданское уложеніе, даютъ матеріалъ, вполнѣ пригодный для того, чтобы имущественныя отношенія крестьянъ опредѣлялись тѣми-же самыми нормами права, какими опредѣляются имущественныя отношенія прочихъ сословій.

Особенность положенія крестьянъ, какъ субъектовъ частнаго права, обусловливается отношеніями ихъ по владѣнію надѣльными землями. Но допустивъ даже, что владѣніе надѣломъ

должно быть опредѣлено особенными законами, нѣтъ основанія выводить отсюда, что и для прочихъ имущественныхъ отношеній между крестьянами должны существовать законы особенные, притомъ, какъ мы видѣли, особенные не въ матеріальномъ, а только въ формальномъ смыслѣ. Нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы общіе законы, касающіеся правъ вотчинныхъ, обязательственныхъ и наслѣдственныхъ были распространены на крестьянъ такъ-же точно, какъ распространены на нихъ законы, касающіеся правъ семейныхъ; равнымъ образомъ нѣтъ препятствій къ подчиненію крестьянъ общему процессуальному закону. Если изъ общаго гражданскаго кодекса или изъ общаго процессуальнаго закона нѣкоторыя, быть можетъ, и многочисленныя статьи, не будутъ примѣняться къ крестьянамъ по спеціальности своего содержанія, то это не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы прочія статьи, какъ

органическія части цѣлаго законодательнаго акта, находили свое примѣненіе къ крестьянамъ. Только полное объединеніе всего населенія въ области гражданскаго права и процесса обезпечитъ прочность взаимныхъ отношеній между частями населенія, обусловливаемыхъ равенствомъ всѣхъ предъ закономъ. Существующія затрудненія въ обращеніи къ суду могутъ быть устранены не въ формѣ созданія суррогатовъ судебныхъ мѣстъ, а путемъ пересмотра законовъ о подсудности и путемъ образованія возможно большаго количества органовъ суда, общаго для всѣхъ. Это—забота Министерства Юстиціи, вѣдающаго дѣло правосудія не съ точки зрѣнія сословныхъ интересовъ, а въ интересахъ права и правды, наиболѣе полное осуществленіе коихъ можетъ быть достигнуто государствомъ. Проекты новой редакціи судебныхъ уставовъ еще остаются проектами, слѣдовательно еще не поздно пріурочить заботу о правосудіи среди крестьянъ

къ общей заботѣ о правосудіи въ Имперіи. Этимъ достигнуто было-бы единство въ важной отрасли государственной жизни—юстиціи и устранена была-бы наблюдаемая нынѣ черезполосность вѣдомствъ, влекущая за собою вредное между ними соперничество и отсутствіе единства въ направленіи и рѣшеніи однородныхъ дѣлъ.

Но какъ же быть съ надѣломъ? Подчинять и судьбу надѣла общему гражданскому закону или же для надѣла—но только для надѣла—создать особый законъ? Вопросъ этотъ составляетъ часть крестьянскаго вопроса въ той мѣрѣ, по сколько владѣніе надѣломъ осуществляется крестьянами, а въ сущности мы стоимъ здѣсь предъ вопросомъ о правѣ мелкаго и крупнаго землевладѣнія. Извѣстный нѣмецкій экономистъ проф. Шмоллеръ въ своемъ Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre (I, 377) разсматривая историческія формы землевладѣнія, такъ характеризуетъ современныя теченія

аграрной политики: „мы находимся нынѣ среди большого теоретическаго и практическаго движенія, которое въ крайнемъ своемъ проявленіи считаетъ современный земельный строй и его послѣдствія вредными, подвергаетъ сомнѣнію всякое частное землевладѣніе, хочетъ превратить его въ государственную или общинную собственность, лишивъ его возможности вполнѣ или отчасти быть объектомъ залога, желаетъ обставить извѣстными условіями дѣлимость владѣнія и скопленіе въ однѣхъ рукахъ, отстаиваетъ привилегированное положеніе одного наслѣдника и старается удержать замлевладѣніе отъ раздробленія и задолженности“. Наше законодательство извѣстно Шмоллеру лишь что касается особенностей общиннаго владѣнія; но приведенная характеристика вполнѣ примѣнима ко взглядамъ редакціонной комиссіи на надѣльное землевладѣніе. Чистое понятіе права собственности редакторы не хотятъ распространять на крестьянъ, утвер-

ждая даже, что законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ 14 декабря 1893 года представляетъ собою основное начало Положеній 1861 года. Въ этомъ ограничительномъ законѣ выразилась забота законодателя о несокращеніи надѣльнаго фонда; но забота эта оказывается явленіемъ новымъ, вовсе не предусмотрѣннымъ старыми редакціонными комиссіями. Изъ постановленія Общаго Присутствія 23 августа 1859 г. видно, что за домохозяиномъ, выкупившимъ усадьбу, признавалось *частное право собственности* (Семеновъ I, 602), т. е. предполагалось возникновеніе индивидуальнаго права, и притомъ не иного, какъ права собственности частной безъ всякихъ ограниченій; а отсюда слѣдуетъ, что крестьяне, по завершеніи выкупной операціи, должны были, по мысли редакціонныхъ комиссій, обратиться и въ отношеніи надѣловъ, состоявшихъ въ ихъ индивидульномъ обладаніи, въ субъектовъ частной собственности со

всѣми вытекающими изъ этого права послѣдствіями. Такимъ образомъ, законъ 14 декабря 1893 г. представляетъ собою не развитіе Положеній 19 февраля 1861 г., а выраженіе новой, совершенно противоположной въ сравненіи съ первоначальною, идеи. Надѣлъ, по этому закону, хотя-бы и былъ выкупленъ, сохраняетъ за собою свой надѣльный характеръ, не превращаясь въ объектъ свободной собственности: эта связанность надѣла выражается въ томъ, что надѣлъ не можетъ быть отчужденъ въ пользу лица, не принадлежащаго къ данному крестьянскому обществу, и не подлежитъ залогу. Къ тому-же, въ силу прежнихъ законовъ, надѣлъ не подлежитъ дробленію выше извѣстной мѣстной нормы, и во владѣніи одного домохозяина не можетъ быть болѣе двухъ надѣловъ. Такимъ образомъ, наше законодательство осуществило ту формулированную Шмоллеромъ программу, которой придерживается одно изъ направленій современной

аграрной политики. Нѣтъ, намъ кажется, основаній разсчитывать, чтобы отъ этой политики отказался законодатель и на будущее время. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы надѣльное землевладѣніе оставалось въ томъ неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ находится оно въ настоящее время. Частноправная сторона владѣнія надѣломъ нынѣ вовсе не опредѣлена.

Оба типа владѣнія надѣломъ—владѣніе подворное и владѣніе общинное, въ періодъ между двумя передѣлами, отличаются одинаковыми чертами, стремясь пріобрѣсть характеръ владѣнія независимаго. Теоретическая возможность передѣла грозитъ крестьянину не постоянно, а по истеченіи установленнаго закономъ срока, который нынѣ, по 28 ст. Общ. Пол. (законъ 8 іюля 1893 г.) назначается въ 12 и болѣе лѣтъ. Такъ какъ и при общинномъ владѣніи за каждымъ дворомъ признается право на постоянное обладаніе усадебной землей, независимо

отъ передѣловъ, то въ обладаніи двора имѣется неизмѣняющееся ядро, къ которому тянутъ и прочія угодія. Составъ владѣнія каждаго двора могъ-бы послужить почвой къ переходу отъ общиннаго къ подворному владѣнію, которое, относительно, является высшей формой обладанія надѣломъ, какъ обладаніе разъ навсегда установленное. Недостатки общиннаго владѣнія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи являются общеизвѣстными, и устраненіе невыгодныхъ послѣдствій этой формы владѣнія можетъ быть достигнуто прежде всего устраненіемъ передѣловъ съ предоставленіемъ двору права постояннаго и неизмѣннаго обладанія земельными угодьями въ томъ составѣ, въ какомъ застанетъ ихъ реформа.

Однако, если и можно высказать пожеланіе о переходѣ къ подворному владѣнію, то этимъ еще не разрѣшается вопросъ о свойствахъ владѣнія надѣломъ на подворномъ правѣ, такъ какъ въ законѣ дѣйствующемъ это пра-

во опредѣлено не въ достаточной степени, а конструкція его, даваемая практикой и воспроизводимая проектомъ, явно неудовлетворительна по массѣ внутреннихъ противорѣчій. Стремленіе законодателя обособить надѣлъ, выдѣлить его изъ ряда прочихъ объектовъ вотчиннаго права до тѣхъ поръ не достигнетъ своей цѣли, пока не будетъ дана прочная конструкція и ясное опредѣленіе характера права подворнаго владѣнія. Оставляя неприкосновеннымъ законъ о неотчуждаемости крестьянскаго надѣла, возможно было бы квалифицировать этотъ своеобразный видъ владѣнія, какъ владѣніе заповѣдными имуществами. Правда, нынѣ дѣйствующій законъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ (ст. 467—493 ч. I т. X) признаетъ свойство заповѣдности только за имѣніями дворянскими и притомъ непремѣнно обширнаго состава (не менѣе пяти тысячъ и не болѣе ста тысячъ десятинъ земли — ст. 470). Но цѣль, преслѣ-

дуемая закономъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ—та-же, какую преслѣдуетъ законодатель относительно крестьянскихъ надѣловъ; какъ „заповѣдное имѣніе признается собственностью не одного настоящаго владѣльца, но всего рода, для коего оно учреждено, т. е. всѣхъ принадлежащихъ къ тому роду лицъ, какъ уже родившихся, такъ и имѣющихъ впредь родиться“ (ст. 485 ч. I т. X), такъ-же точно и на надѣлъ законъ смотритъ, какъ на земельный фондъ, обезпечивающій не одного домохозяина, но весь дворъ (ст. 15, 66, 101, 148, 190, 295, 587, кн. IV Особ. Прил. IX т. изд. 1902 г.); подобно тому, какъ „владѣлецъ заповѣднаго имѣнія, пользуясь всѣми доходами и другими удобствами и выгодами, съ владѣніемъ онаго соединенными, не только не можетъ отчуждать какой-либо части имѣнія, но не имѣетъ права и отдавать его въ залогъ и, вообще, обременять долгами или повинностями“ (ст. 488 ч. 1 т. X)—такъ-же и по за-

кону 14 декабря 1893 г. „крестьянамъ воспрещается отдавать надѣльныя земли въ залогъ частнымъ лицамъ и частнымъ учрежденіямъ, хотя-бы выкупная ссуда по симъ землямъ была и погашена“, а отчужденіе надѣльной земли поставлено въ тѣсныя границы, будучи допускаемо лишь въ пользу лицъ, приписанныхъ къ данному сельскому обществу (ст. 19 и 20 Общ. Пол. изд. 1902 г.); какъ заповѣдныя имѣнія не подлежатъ завѣщательнымъ распоряженіямъ, но переходятъ въ порядкѣ, установленномъ въ учредительномъ актѣ, по этому сепаратному закону, такъ и относительно надѣловъ учитъ Правительствующій Сенатъ, что завѣщательныя распоряженія къ нимъ неприменимы (рѣш. общ. собр. 1897 г. № 29); какъ заповѣдныя имѣнія могутъ быть составлены „изъ разныхъ отдѣльныхъ вотчинъ или несмежныхъ между собою участковъ земли, хотя-бы сіи вотчины или участки находились въ разныхъ уѣздахъ или и въ

разныхъ губерніяхъ“ (ст. 471), такъ и надѣлы не представляютъ собою отрубныхъ участковъ: къ одному двору, даже и при подворномъ владѣніи, могутъ принадлежать участки, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ, въ земляхъ одного и того-же общества,—такъ что какъ понятіе дворянскаго заповѣднаго имѣнія, такъ и понятіе надѣла, являются понятіями юридическими, и разбросанность земель объединяется присущею каждому имуществу цѣлью; какъ не подлежатъ дробленію имѣнія заповѣдныя, такъ-же точно и надѣлы оказываются недѣлимыми за предѣлами извѣстнаго минимальнаго количества земли, опредѣленнаго закономъ. Различіе между заповѣдными имѣніями и надѣлами только количественное, но не принципіальное, а потому, казалось-бы, надѣльные участки могли-бы быть объявлены заповѣдными крестьянскими имуществами, примѣнительно къ тѣмъ правиламъ, какими опредѣляется судьба дворянскаго заповѣднаго имѣнія, но

съ тою разницею, что заповѣдныя имѣнія подлежатъ единонаслѣдію, въ интересахъ отвлеченнаго понятія рода, изъ конкретныхъ представителей котораго призывается къ преемству только одно лицо, въ чьемъ единоличномъ обладаніи и будетъ находиться заповѣдное имѣніе,—между тѣмъ какъ надѣлъ находится въ фактическомъ обладаніи коллективнаго субъекта—двора. Хозяинъ двора юридически не есть хозяинъ земли, онъ только представитель всего двора: поэтому никакихъ сдѣлокъ отчужденія ни inter vivos, ни mortis causa совершать онъ не въ правѣ, какъ не въ правѣ совершать подобные акты и кто-либо изъ прочихъ членовъ. Отчужденіе надѣла допустимо въ одномъ случаѣ: когда весь составъ двора переселяется. Завѣщательныя распоряженія относительно надѣла и наслѣдованія по закону должны быть возможны только при отсутствіи членовъ даннаго двора, и наслѣдственное усвоеніе надѣла можетъ

быть осуществлено только со стороны такихъ родственниковъ, которые не имѣютъ участія въ пользованіи другимъ надѣломъ или, хотя и имѣютъ, но откажутся отъ другого надѣла для того, чтобы пріобрѣсть наслѣдственный.

Что касается порядка пользованія надѣломъ, то, юридически недѣлимый, фактически надѣлъ непремѣнно будетъ раздробленъ между членами двора, причемъ за каждымъ членомъ можетъ быть признано качественно равное съ прочими право, а размѣръ идеальной правовой доли каждаго опредѣлится юридическимъ отношеніемъ даннаго лица къ первому пріобрѣтателю надѣла, т. е. къ родоначальнику данной подворной семьи. Такой порядокъ распредѣленія надѣльной земли не исключаетъ индивидуальнаго обладанія, не упраздняетъ значенія кровнаго родства въ предѣлахъ двора, не устраняетъ проявленія начала кровнаго родства за предѣлами двора въ указанныхъ въ законѣ случаяхъ, со-

храняетъ недѣлимость надѣла и начало его неотчуждаемости.

Сказаннымъ мы хотимъ только намѣтить возможное направленіе въ разработкѣ вопроса о владѣніи надѣломъ. Это не будетъ копія съ нѣмецкаго Anerbenrecht, на которое ссылаются и редакторы въ оправданіе необходимости отдѣльнаго устава о наслѣдованіи (т. IV стр. 360); такая конструкція дастъ намъ до извѣстной степени примѣненіе къ надѣлу положенія о заповѣдныхъ имуществахъ, и тѣмъ самымъ введетъ правила о надѣльномъ владѣніи въ систему общаго гражданскаго права. Но, разумѣется, правила о надѣлѣ не должны быть распространяемы на всякое иное, внѣнадѣльное крестьянское имущество, отношенія по коему, какъ мы видѣли, вполнѣ могутъ быть опредѣляемы и разрѣшаемы общимъ для всѣхъ сословій гражданскимъ кодексомъ.

Возможность и необходимость распространенія на крестьянъ общаго за-

кона устранить ту сословную обособленность крестьянъ, къ искусственному поддержанію которой направлены заботы составителей проектовъ законоположеній о крестьянахъ. Тяжкія экономическія и соціальныя послѣдствія разобщенности частей населенія должны вызвать всѣ усилія законодателя къ устраненію разобщенности, а не къ дальнѣйшему ея культивированію.

Цѣна 1 р. 50 к.

